

Эл Лекс
А. Райро

УГРОЗА МИРОВОГО МАСШТАБА

Очнулся я на похоронах, а когда сел в гробу — все немного удивились... Особенно я. Не каждый день воскресаешь в другом мире, в теле убитого нищего парня, да ещё и без магических сил, которым не было равных! Теперь мне предстоит вернуть всё. Загвоздка лишь в том, что я потерял своё уникальное оружие. К тому же, магию в новом теле мне заблокировала некая баронесса с очень непростыми способностями. Спасибо парню, в чьё тело я вселился. Мог бы и не фотографировать её в неглиже...

#Бояръ-аниме. Угроза мирового масштаба

Глава 1

— ...И этот несчастный юноша был прекрасен, безгрешен и чист. Он покинул нас... предадим его земле...

Я поморщился — кто покинул? Кого «предадим земле»?

Что за тоскливая речь, будто заупокойную читают...

Стоп, да это она и есть! «Юноша», «несчастный», «покинул»...

Я что, всё-таки умер?!

На мое лицо падали капли дождя, и, надо сказать, после леденящего озноба межмирового шва это было даже приятное ощущение. Теплые капли, барабанившие по щекам, лбу, сомкнутым векам, губам — не раздражали. Они подтверждали, что я жив, ведь я их ощущаю.

За одно мгновение я успел прожить несколько жизней, в условиях температуры абсолютного нуля и абсолютного отсутствия воздуха. Мой собственный мир погиб. И теперь, спустя вечность в пустоте меж мирами, я оказался в неизвестном мире. Мире, который встретил меня дождем и заунывным, наводящим тоску голосом.

Открыв глаза, я повертел головой и осмотрелся. И даже заливающий глаза дождь не помешал мне понять, что таки да — меня хоронят, будто мертвеца!

МЕНЯ. ХОРОНЯТ.

Меня, идеальную боевую единицу целого мира, посвятившего тренировкам и изучению магии столько времени, сколько живут целые поколения людей. Меня, могущественного настолько, что последний мой бой уничтожил целый мир.

Меня?

Хоронят?!

Но как тогда объяснить, что я лежу в гробу, обитом изнутри белыми оборками, на белой подушке, одетый в простенький черный костюм, сложив ладони на груди и держа в них огромную ярко-алую розу.

Что ж, зато сразу становится кое-что понятно.

Во-первых, я не просто переместился из моего погибшего мира в другой, но ещё и вселился в чужое тело, хозяин которого умер, и сейчас его хоронили.

Во-вторых, это был «юноша», а значит, тело молодое, что уже неплохо само по себе. Было бы смешно и грустно одновременно, если бы меня занесло в тело скрюченной бабули.

Но вот что было совсем не смешно, и я почувствовал это сразу — со мной не было моего кинжала, а ведь с ним я никогда не расставался.

Я лишился того самого уникального оружия, которое берег до последнего — до решающего боя со своим извечным противником. Того самого могущественного артефакта, что мог резать само пространство, открывая проходы между мирами. Того, благодаря которому я смог сохранить хотя бы собственную жизнь — его при мне не было! Моего кинжала!

Конечно, всегда существовал вариант, что он просто не переместился со мной в этот мир, но это маловероятно. Не для того я его создавал.

Я уже хотел призвать кинжал к себе, но внутри гроба руку было не вытянуть, поэтому пришлось сесть.

Ну да, сесть в гробу.

Первым делом я обвел взглядом собравшихся вокруг людей. Их было не то, чтобы много — десятка полтора, и почему-то все взрослые, хотя, если меня занесло в тело «юноши», то и провожать меня в последний путь должны были мои ровесники, друзья и все в этом духе.

Только здесь не было никого моложе тридцати.

Все — в одинаковой черной одежде, под одинаковыми черными зонтиками, по которым одинаково стекали струи дождя, и даже выражение лиц было у всех одинаковым. Не скорбным и печальным, как положено тем, кто потерял дорогого человека, а скучающим. Будто им всем было наплевать и не терпелось поскорее закончить с официальной частью и перейти к прощальному ужину. Или вообще свалить отсюда подальше и поскорее.

Они настолько скучали, что даже не сразу заметили, что я очень даже живой: смотрю на них и шевелюсь.

Лишь человек, читающий заунывную прощальную речь, поперхнулся на половине слова и захрипел, как будто его душили:

— Кх-х-хакого?!

И тут подхватили остальные.

— Мертвец о-о-о-жил! — взвизгнула одна из женщин.

— Живой тру-у-у-п! — вытаращился её кавалер. — Что происходит?!

— Мертвецы восстают из могил!!! — заорал ещё один.

Я опять окинул взглядом толпу.

— Какая такая могила? Вы меня в нее ещё не положили! Это всего лишь гроб!

— А-а-а-а-а-а-а! — на ультразвуке завизжала какая-то мадам и натурально хлопнулась в обморок, на руки едва успевшего подхватить ее хлыща.

Я же ухватился за край гроба, стоявшего на подставках возле свежевырытой могилы, и легко из него выпрыгнул. Очень легко, будто мое тело ничего не весило.

— Чур меня!.. Чур! — прошептал единственный одетый в белое человек, которому и принадлежал заунывный голос. — Изыди, тёмное существо! Изыди!

Он закрылся от меня книгой в золочёной обложке, как щитом, и медленно начал отступать.

Точно так же в моем мире демоноборцы защищались священными знаками от демонов, когда понимали, что не рассчитали сил, и вместо атаки приходилось переходить в оборону.

— Бу! — шутливо бросил я в сторону занудного, и он, икнув, отпрыгнул сразу на три метра назад.

— Сдохни окончательно, тва-а-а-рь!!! — раздалось с другой стороны. — Мёртвым — смерть!! Я что, зря тебе могилу копал?!

Мне даже не нужно было поворачиваться, чтобы понять, что там происходит.

Пусть это тело было мне незнакомо, пусть оно вело себя немного по-другому, но навыки-то никуда не делись. Навыки остались мои.

Меня не подвели ни слух, ни ловкость.

Всплески воды под чужими ногами, звон разбивающихся о твердый длинный предмет капель на высоте выше моего роста на две или даже три головы, и сам по себе вопль, дающий четкое представление о расстоянии до кричащего...

Я начал действовать, еще даже не повернув голову, но уже повернувшись телом. Поднял вверх сложенные ладонь к ладони вытянутые руки, и лопата в руках верзилы в резиновых сапогах, с густой бородой и закатанными рукавами клетчатой рубашки, вместо того, чтобы раскроить мне голову, скользнула черенком по моей правой руке.

Твердое полированное дерево приятным массажем прошлось по моей коже, и, позволив лопате спуститься на уровень пояса, я задействовал правую руку, обхватывая черенок и прижимая его к боку. А потом поднял левую ногу и врезал просто и банально — прямым в корпус.

Могильщик (а никем иным тип в резиновых сапогах, измазанных землей по самые голенища, быть не мог) пропустил удар точно в солнечное сплетение и выпучил глаза. Те едва не потерялись в его начинающейся прямо от нижних век рыжей бороде.

Он согнулся пополам, ну а я без труда вырвал черенок из его ослабевших ладоней. Затем перехватил второй рукой, крутанул, разворачивая лопату полотном вперед, чуть присел на разведенных в сторону ногах, и встал в защитную копейную стойку.

Лопата, конечно, не копье, но эта техника — самая подходящая для такой ситуации из всего моего арсенала. Хотя к копьям у меня душа никогда не лежала, я больше по ножам... а вот мой враг Вальтор...

Я ожидал, что кто-то еще ко мне полезет, но больше идиотов не нашлось. Они исчезли. За короткие секунды, что я занимался могильщиком, остальные разбежались и попрятались. Даже тот тип в белом.

Остался только я, а рядом — хрипящий могильщик в луже, и ещё один человек в черном, который вместо того, чтобы сбежать, что-то строчил в блокноте, периодически поглядывая на меня через круглые темные очки.

Убедившись, что никакой угрозы больше нет, я воткнул лопату в землю, вытянул руку в сторону, закрыл глаза и снова призвал исчезнувший кинжал. Мой кинжал, что я выковал из сплава десятков веществ, среди которых была и моя собственная кровь. Оружие, что я закалил в огне горнила, сложенного из камней, добытых в Последнем Каньоне, и собрал, не касаясь руками, а только оперируя магией.

Этот кинжал был такой же частью меня, как пальцы или волосы. Только в отличие от пальцев или волос, я мог в любой момент призвать его — и уже через секунду он оказался бы у меня в руках.

Но не теперь.

Я все еще чувствовал его — знал, что он где-то есть. Тонкая нить ментальной связи соединяла нас, а значит, он был в этом мире. Только я так и не смог его призвать.

Мой кинжал почему-то не откликнулся.

Значит, что-то произошло в тот момент, когда я переходил из моего погибнувшего мира в этот. Когда я вспарывал пространство, чтобы открыть проход между мирами, остриё будто за что-то зацепилось, и в последний момент, когда мое тело уже затянуло в проход, кинжал вырвало у меня из рук.

Видимо, нас выбросило в разные места этого мира, в разные концы планеты. Одно можно сказать точно — кинжал здесь, а значит, где бы он ни таился, я его найду. Или он меня. Слишком сильной была связь между нами.

Я открыл глаза, посмотрел на руку, пошевелил пальцами. Как бы хотелось, чтобы в ладони снова появилась рукоять из пропитанной смолой древесины с ромбической насечкой...

— Марк? — Мужчина перестал строчить в блокноте и уставился на меня. — Марк, вы меня слышите?

Я не сразу понял, что он обращается ко мне — мысли все еще были заняты кинжалом.

Быстро оглядевшись и убедившись, что вокруг никого нет — даже могильщик уполз — я

повернулся к незнакомцу и кивнул:

— Слышу.

— Ага. — Он тут же что-то добавил в блокнот. — Марк, вы... уж простите за глупый вопрос... но как вы себя чувствуете?

— Прекрасно чувствую, — не кривя душой, ответил я. — А что такое?

— Ну просто вы... как бы это помягче выразиться... — Мужчина нервно покрутил в пальцах карандаш.

— Должен быть мертв? — хмыкнул я. — Ну да, что есть, то есть. Судя по тому, что мы на похоронах, то так оно и должно быть.

— Тогда, быть может, вы объясните?... — Он так выразительно поднял брови, что они взлетели над очками.

— Увы, нет, — вздохнул я. — Боюсь, что ничего вам объяснить не смогу. Видите ли, я совершенно ничего не помню.

— Как? Совсем ничего? — Мужчина сделал еще несколько пометок. — А то, что вы сейчас... ну... с лопатой сделали — это что?

— Вы о чем? Смотрю, на меня псих с лопатой бежит, вот я и поднял руки, чтобы защититься, а он раз — и промазал. Ну я и врезал ему ногой, чтобы больше не размахивал оглоблей, а он возьми да упади. Еще лопату свою на меня оставил.

— А вот эта стойка? — Мужчина присел, изображая меня.

— Какая стойка? — я картинно поднял брови. — А, так она ж тяжелая! Я просто не ожидал, вот и присел.

— Хм, действительно... — пробормотал он, снова делая пометки. — Значит, вы ничего не помните? Свою смерть... Нет? Имя хотя бы помните?

— Марк, — я улыбнулся. — Вы же только что сказали.

Не говорить же ему, что на самом деле мое имя — Клиггор Свергающий. Не поймет. Может, даже настолько не поймет, что свалит следом за остальными, решив, что я чокнутый.

А он мне был ещё нужен.

Это, конечно, не самый удачный источник информации о новом мире, но всё же лучше, чем ничего.

Мужчина почесал нос кончиком карандаша.

— Значит, больше ничего не помните? Впрочем, при условии смерти мозга это, конечно, совершенно неудивительно... Хотя что там мозг... Марк, вы не могли бы... хм... расстегнуть пиджак?

— Это еще зачем? — удивился я.

Не напрягся, конечно — чего мне стесняться? Но непонятно стало, зачем такое понадобилось взрослому мужику... Может, он того, по мальчикам, да молодым? Лучше бы нет, а то я ему этой же лопатой популярно объясню, в чем он не прав.

— Просто вы... как бы это сказать... должны быть сейчас разрезаны от паха до горла. — Мужчина чиркнул карандашом себя по линии пуговиц на пальто. — Аутопсия, то есть вскрытие, понимаете ли, все дела...

Какие интересные вещи говорит этот незнакомец.

Вскрытым я себя совершенно не чувствовал, хотя на своем веку успел познать и такое, поэтому перевел взгляд на свой пиджак, расстегнул две пуговицы и распахнул его, не ожидая никакой подставы.

А вот мужчина, кажется, ожидал, поскольку с каждой расстегнутой пуговицей он все

дальше и дальше подавался вперед, будто тигр, подкрадывающийся к добыче.

Но, как я и думал, мое тело было полностью целым, хотя посередине, по линии грудины, едва-едва виднелось легкое раздражение кожи, как будто там щелкнули туго натянутой резинкой.

Но мужчине с расстояния нескольких метров этого явно было не видно, поэтому он увлеченно сделал сразу с десятков пометок в блокноте, а потом снова обратился ко мне:

— Как я понимаю, Марк, меня вы тоже не помните?

Я развел руками, вложив в этот жест максимум эмоций.

— Меня зовут Виктор Громов, я — ваш врач... Ну, вернее будет сказать, я человек, который констатировал вашу смерть, проводил вскрытие, и все такое. Так что не подумайте плохого, мой интерес к вам сугубо медицинский... и уж само собой я не считаю вас ожившим мертвецом или кем-то вроде того!..

— А кем же вы меня считаете? — Я внимательно посмотрел на него, хоть глаза и застилала текущие со лба струи воды.

— Неким медицинским курьезом. — Мужчина цокнул языком. — И мне, конечно же, было бы крайне интересно в нем разобраться... С вашего позволения, конечно.

— И как же вы собираетесь это проверить? — Я поднял руку и постучал согнутым пальцем себя по лбу. — Вы забыли? Моя память того... я всё забыл...

— Как раз это и может нам помочь! — Громов щелкнул пальцами. — В моей больнице, как и в любой другой, есть нейронный интерфейс Информатория, и, возможно, он сможет вам помочь. Если вы ничего не помните, даже информацию об окружающем мире, то мы попробуем восстановить, или вернее будет сказать, загрузить эту информацию с помощью Информатория. Это поможет вам восстановить и собственные воспоминания тоже. Даже если и не поможет, все равно это будет уникальный случай, это же на статью тянет... Нет, даже на премию! Полное лишение воспоминаний из-за физической смерти мозга...

Последние фразы он уже пробубнил себе под нос, яростно черкая карандашом в блокноте, но я все равно его расслышал.

Вот он, мой шанс!

У Громова есть что-то, что может дать мне всю необходимую информацию об этом мире. Совершенно неизвестном и незнакомом мне мире. И это — практически идеальный первый шаг на пути поиска моего кинжала.

Лучше и быть не может, ведь, зная этот мир, я без труда смогу определить вероятные места нахождения своего оружия — столь мощный артефакт даже в другом мире не может остаться незамеченным.

— Согласен. — Я кивнул. — Попробуем восстановить мне память, но что взамен?

— Взамен? — Громов посмотрел на меня поверх своих очков и так глупо моргнул, будто уже забыл о моем существовании. — Взамен чего?

— Взамен вашей помощи.

— Взамен? А почему что-то должно быть взамен? А, я понял!.. Нет, вы неверно меня истолковали — это не сделка, это мое предложение помощи! А если вы о том, получу ли я какую-то выгоду с этого... Скажем так, боюсь, вы ее вряд ли поймете, а если и поймете — то не оцените.

Ну да, статьи, премии, куда уж мне это понять.

Впрочем, даже хорошо, что Громов оказался фанатиком медицины и науки. Мне это

точно на руку.

— Хорошо, будь по-вашему. — я снова кивнул. — Готов отправляться.

— Вы точно хорошо себя чувствуете? — снова осторожно поинтересовался Громов, но я посмотрел на него так, что, кажется, у него и вопросы все отпали. — Хорошо-хорошо, тогда идите скорее, пока вы окончательно не промокли!

Он развернулся, взмахнув длинными полами черного пальто, и широким шагом устремился прочь от моей несостоявшейся могилы.

А я, прежде чем пойти следом, сделал еще одну вещь, которую собирался сделать сразу после того, как призвал к себе кинжал.

Согнул безымянный и средний пальцы, вдавил ногти в ладонь и представил, как из них вырастают голубые иглы, как они соприкасаются с мановодами, прокалывают их и начинают вздрагивать в такт толчкам потоков маны в моем организме.

Но ничего не произошло.

Я не почувствовал маны.

Тут же повторил на другой руке — и опять ничего! Значит, мне не показалось. Значит, ощущение, что я чего-то лишился, преследовавшее меня с того самого момента, как я пришел в себя, не было наваждением.

Помимо кинжала я потерял еще и магию...

— Прошу в машину.

Доктор распахнул передо мной одну из дверей железного агрегата на четырех маленьких колесах.

Внутри стояли кресла, а значит это что-то вроде кареты, только без лошадей.

«Машина»...

Надо запомнить.

Я сел в неожиданно мягкое кожаное кресло, в стыках швов тут же появились крошечные лужицы натекающей с меня воды — как-никак я был насквозь мокрый.

Может, меня это и не волновало, и не беспокоило, поскольку было сушей мелочью, особенно на фоне всего остального, но самого факта промокания это не отменяло.

Впрочем, дискомфорт длился не очень долго — сев на соседнее кресло, доктор чем-то пощелкал, что-то покрутил, и буквально через несколько секунд я почувствовал, как сиденье под задницей нагревается, а по ногам начинает приятно дуть теплым ветром.

А неплохо.

Сам доктор снял пальто и шляпу, прежде чем сесть на свое место, и остался абсолютно сухим — видимо, они отлично его защищали, в отличие от моей плохонькой одежды.

Под пальто у доктора скрывалась белая рубашка с длинными рукавами, поверх которой он носил серую жилетку со множеством карманов, и строгие серые брюки с такими стрелками, будто штанинами доктор собирался резать само пространство.

Волосы Громова, доселе спрятанные под шляпой, оказались короткими и седыми, бросались в глаза высокие залысины и глубокие межбровные морщины. Короче говоря, налицо облик такого себе серьезного человека, серьезность которого начинается аж прямо с внешнего вида.

Доктор снова что-то сделал — и наша повозка под мягкое, едва слышное урчание, тронулась с места и покатила вперед, а я прилип к боковому окну, рассматривая округу.

Хотя что там рассмотришь, при таком-то дожде?

Он лил стеной, да так сильно, что дальше нескольких метров разглядеть что-то было просто невозможно. Несколько минут промучившись, я решил не ломать глаза и прикрыл веки, делая вид, что прикорнул.

На самом же деле я внимательно проверял собственное тело.

Все свои мановоды, все манохранины.

Последовательно прощупывал магический организм, который десятилетиями любовно и внимательно выращивал внутри себя самого... и ничего не находил.

Ни единого следа маны!

Ни единой частички!

Будто это не со мной что-то не так, а во всём мире вообще нет никакой магии. Но это ведь невозможно — я же чувствую свой кинжал, а это тоже магия, только немного... персонализированная, скажем так.

Значит, дело не в магии. Дело во мне.

С одной стороны, это плохо. С другой, хорошо — ведь если бы в этом мире не существовало магии вовсе, это означало бы, что мне не светит вернуть себе способности.

Я закончил с попытками разобраться в себе самом как раз к тому моменту, когда наша

поездка завершилась. Машина остановилась, мягко качнув меня в кресле, и я открыл глаза.

Дождь за окном ослабел, и я смог рассмотреть, что мы остановились возле пятиэтажного здания с вычурной входной группой, украшенной четырьмя колоннами.

— Вот и наша больница, — с радушием сказал доктор Громов, глядя на меня. — Вы этого, конечно, не помните, но не далее, как сегодня утром, вас из этой же больницы и вынесли, правда через задние двери. Никто же не будет выносить через парадный вход... э-э...

— ...мертвецов, — закончил я за него. — Ладно, доктор, чего уж. Называйте вещи своими именами.

— Будь по-вашему, — с облегчением кивнул тот. — Ну что, идем?

Он открыл дверь и вышел из машины.

Я подсмотрел, как он это сделал, и тоже дёрнул за кривую тонкую ручку, открывая дверь и выбираясь наружу. Дождь снова хлынул на меня, пытаюсь выгнать из тела только-только приютившееся в нем тепло, но до козырька больницы было всего десять шагов.

Мы вошли в высокие прозрачные двери, разъехавшиеся перед нами в стороны, и оказались в большом светлом холле.

В центре стояла круглая стойка, за которой сидели миловидные молодые девушки в похожих на пирожки смешных белых маленьких шапочках, непонятно как держащихся на их головах.

Возле стойки толпились люди, создавая небольшие очереди, мимо нас сновал народ. Кто-то заходил в холл, кто-то выходил из него, и все куда-то спешили.

Доктор обернулся на меня, будто убеждаясь, что я никуда не потерялся, затем кивнул, приглашая следовать за ним, и мы двинулись через весь этот человековорот, словно корабль, решивший укрыться от циклопической бури в единственном безопасном месте — в ее центре, в ее «глазу».

И, как и корабль, мы двигались к единственному причалу — к стойке в центре зала. Доктор подошел к ней первым и перекинулся парой слов с одной из девушек.

Та недоверчиво покосилась на него и даже приподнялась на своем месте, чтобы посмотреть на меня. Посмотрела — и недоверие тут же пропало с ее лица, сменившись диким удивлением.

Она даже рот приоткрыла, демонстрируя идеально ровные зубы, да так и не закрывала, пока доктор с ней опять тихо не заговорил. Девушка села обратно, засуетилась и наконец сунула доктору в руку ключ.

Громов снова посмотрел на меня, будто все никак не мог поверить, что я никуда не пропал и не перенёсся в свою могилу, что я настоящий, и мы снова двинулись через людские потоки. Доктор вывел меня к широкой лестнице, отделанной белой плиткой, мы поднялись на третий этаж и на нем свернули в один из двух коридоров, что крыльями расходились в стороны.

Здесь, в коридоре, царила та же чистота и красота, что и в холле и на лестнице.

Даже не зная ничего об этом мире, невозможно было представить, что подобные интерьеры в нем — норма. Здесь все выглядело не просто красивым...

Оно было холёным.

За убранством неустанно следили, постоянно ремонтируя, подкрашивая и не заштопывая, — а меня! — все то, что сломалось, обтерлось или прохудилось. На всё это нужны деньги, которые обычно есть только у заведений для богатых и знаменитых.

Если же заведение простого толка, и денег особых у него нет, то при всем желании не получится добиться такого лоска. Все будет выглядеть аккуратным, чистым, но никак не холёным.

Да что там — даже мой пиджак с брюками, хоть и были новыми и без дырок, никак не смотрелись на фоне всего окружения больницы!

Я решил прояснить этот вопрос, но так, чтобы не касаться темы воспоминаний и их потери:

— Тут так... красиво. Даже не верится, что я действительно был здесь раньше.

— Были-были, — эхом ответил доктор. — Но то, что вы удивлены, совсем... хм... совсем не удивительно. Мы и сами были удивлены, честно говоря.

— И почему?

— Ну... наша больница — не из дешевых, прямо скажем. И, раз уж мы условились говорить напрямую, то такому, как вы, она точно была бы не по карману...

— Но?

— Но за вас кто-то заплатил. — Доктор на секунду обернулся и пожал плечами. — Прямо вместе с вами в больницу поступил перевод из анонимного источника, с указанием сделать все для вашего спасения... К сожалению, «всего» оказалось недостаточно. И вы... э-э-э... умерли.

Так-так.

У меня есть доброжелатель?

Или наоборот — противник, который старался сделать все, чтобы я — нынешний я — так и не проснулся в этом теле?

Доктор остановился возле одной из дверей и приложил к ней карточку, что выдала ему девушка на первом этаже.

Мы вошли в небольшую, но такую же холеную, как и всё здесь, комнату. Кровать, белоснежное бельё, шкаф в углу, окно, рабочий стол, кресло и странная плоская коробка на стене напротив него, и еще одна дверь в стене.

Комнату заполняло тихое тиканье, идущее от круглого блюда на стене, а на нем в такт звуку двигалась стрелка.

— Пожалуйста, ваша палата. — Доктор сделал пригласительный жест рукой. — Все оборудование, которым мы пытались вытащить вас из глубокой комы, уже убрали, но если вы себя нехорошо чувствуете, то...

— Доктор, все отлично, — вздохнул я. — Но, если вдруг мне станет плохо, я дам знать.

— Тогда проходите и располагайтесь. — Доктор кивнул.

— А что насчет того аппарата, который... ну вы поняли... — Я выразительно поднял брови. — Хотелось бы поскорее с делами разобраться.

— Ну не сразу, Марк, не сразу. — Доктор привычно цокнул языком. — Нейронный интерфейс надо подготовить, это недолго. Я уже дал команду, и через пятнадцать минут мы к нему отправимся. А пока вы бы лучше переоделись, да волосы высушили — через мокрые волосы нейронный интерфейс работает хуже. В шкафу есть одежда, а через пятнадцать минут я за вами зайду.

— Добро, — согласился я и прошел в комнату, закрывая за собой дверь.

Пятнадцать минут так пятнадцать минут, не такой уж большой срок.

Открыв шкаф, я обнаружил в нем ряды одинаковой белой одежды простого кроя, и переоделся в рубашку и брюки с карманами. Обувь сменил тоже, надев вместо мокрых

черных туфель белые мокасины с язычком на тугих резинках.

Довольно удобно, кстати.

Волосы за это время высохли сами собой, они у этого тела то ли были короткие изначально, то ли их постригли перед похоронами, так что еще десять минут нужно было чем-то занять.

Тогда я решил попробовать найти свой кинжал еще раз. В более спокойной обстановке и в одиночестве я бы точнее смог определить, где он находится.

Выставив руку в сторону, я закрыл глаза и потянулся сознанием к кусочку себя, затерянному где-то в этом мире. Максимально сосредоточился, вдохнул глубже, представил, что ничего вокруг больше не осталось: только я и мой кинжал. Ни людей, ни этой больницы, ни преград, ни городов — ничего.

Я будто растворился в попытке ощутить потерянную частичку себя самого.

Прошла минута, потом — вторая, третья. Отчаяния и страха не было — я лишь всё больше сосредотачивался на своей потере.

Так прошла ещё пара минут, и... кинжал откликнулся!

Да, он был где-то в этом мире!

Как и в первый раз, он радостно завибрировал, когда я к нему обратился, и в этот раз вибрация была сильнее. Всего на чуть-чуть, на столько, что кто-то другой и не заметил бы разницы.

Кто-то другой, но не я.

Я сделал шаг по направлению к окну — и вибрация усилилась. Еще шаг — и еще чуть-чуть. Теперь я знал, в каком направлении искать. Еще шаг — и пальцы уперлись в окно. Дальше идти было некуда.

Я открыл глаза, нашел на окне кривую ручку, безуспешно дернул ее на себя, потом повернул, и окно наконец открылось. Я высунулся наружу и снова ментально нащупал кинжал, ощущая, как вибрирует натянутая между нами нить связи. Той, которую невозможно разорвать. Она была тонкая — тоньше волоса, тоньше паутинки, она почти не существовала — так далеко находился кинжал!

Но все же я решился. Призвал его к себе, вложив в это всю свою волю.

И кинжал опять откликнулся.

В кончиках пальцев потеплело, и я резко сжал их на деревянной рукояти с ромбовидной насечкой. Сжал и открыл глаза.

ДА!

Получилось!

Мой кинжал снова был со мной.

Длиной с локоть, обоюдоострый, с вырезанной вручную рукоятью из древесины калдорского дуба. Одна половина клинка отливала фиолетовым, другая — красным.

Мой кинжал вернулся ко мне!

Но не весь. В основании рукояти не было камня — небольшого красного камешка, мутного, даже не ограненного, похожего на рубин до того, как он попадет в руки ювелира.

На самом деле это была моя собственная кровь, спресованная силой магии и давления, равного давлению на дне самой глубокой точки океана. Именно этот крошечный красный камешек и был помещён раньше в основании рукояти, а сейчас его не было.

Мой кинжал не просто отбросило от меня в момент перехода из мира в мир. Его разорвало еще и сам по себе, вот почему он так слабо откликался на мой призыв.

Только обнаружить камень так же, как я обнаружил сам кинжал, мне не удастся — у кинжала есть свой дух, а у камня — нет, ведь он лишь часть целого. Придется искать его по-старинке, а пока стоит проверить, какие способности вообще остались у моего оружия...

Сперва я проверил красную сторону клинка, аккуратно отрезав уголок у кирпича прямо в стене.

Резал я, конечно, снаружи, высунувшись из окна — зачем портить комнату, в которой я сам же и живу, пусть и временно? Да и заметно будет, и возникнут ненужные вопросы.

Клинок легко отхватил кусочек, оставив после себя ровный срез. Никакого сопротивления, как водится, я не почувствовал. Выкованная из вальдорской стали с применением запрещенных, а то и позабытых всем магическим сообществом, ритуалов, половина клинка резала все. Я не встречал еще ничего, что не смог бы разрезать мой кинжал. По крайней мере, в моем мире.

Вернувшись в комнату и закрыв окно, я решил проверить вторую сторону клинка. С ней были проблемы, ведь именно за ее способности отвечал камень, который пропал с рукояти.

И способность эта — открывать проходы между мирами.

Но я все же попробовал. Перевернул клинок в руке так, чтобы режущая кромка фиолетовой части смотрела в потолок, и резанул снизу вверх.

Острие налилось фиолетовым светом и послушно вспорол пространство, оставляя за собой разрез, края которого сияли так ярко, что слепило глаза. Только в глубине разреза виднелся не другой мир, как я ожидал, а всё та же картина.

Через разрез я видел кровать, шкаф, входную дверь — все то же самое, что было и здесь, только... обесцвеченным, что ли? Как будто смотрел на них через закоптившееся стекло — все было мутным и серым.

Я шагнул в разрез, крепче сжимая нож, чтобы его не вырвало из ладони, как уже однажды произошло, но в этот раз ничего похожего не случилось — он даже не шевельнулся в руке.

Я оказался в царстве холода и ветра, где единственными цветами были оттенки серого. Здесь все выглядело точно так же, как там, но сразу становилось понятно, что между «здесь» и «там» больше разного, нежели общего.

В комнате дул пронизывающий ветер, который почему-то не трепал рукава или волосы, и вообще было очень холодно — у меня даже пар изо рта шел.

А еще с того места, где я вошел в эту «изнанку» мира, хорошо было видно, что стрелка на круглом блюде на стене больше не движется. И уж тем более не слышно надоедливого тиканья.

Обернувшись, я увидел, что никакого разрыва за моей спиной нет, но он послушно появился, едва я провел ножом. Только на сей раз в нем виднелся мир, полный красок и теплоты — живой мир, нормальный.

Я вышел из разрыва и для эксперимента взял в руки первое, что попало — подушку с кровати. Затем снова вспорол пространство, швырнул подушку в стену и тут же шагнул в разрыв.

Как я и думал, подушка до стены не долетела.

Она застыла в воздухе на середине пути до стены и не двигалась. Я подошел к ней, тронул пальцем, ожидая, что она или упадет, или продолжит свое движение, но ничего не произошло.

К тому же, она была такая же твердая и холодная, будто каменная. И как я ни старался

сдвинуть её с места или смять — у меня так и не получилось.

Окончательно замерзнув так, что мышцы начало сводить судорогами, я вышел обратно в реальный мир, и подушка тут же врезалась в стену и упала на пол.

Что ж...

Может, со мной и нет моей магии, но кое-что появилось.

Пока я нахожусь в «изнанке», время во внешнем мире не течет, и это отлично. Вот бы еще там не было так холодно, да и ветер этот... Больше пяти минут там не пробыть, чтобы не замерзнуть насмерть.

Но Изнанка оказалась не единственным, что осталось со мной.

Кинжал, даже без камня, сохранил еще одно свойство. Как только я пожелал, чтобы он исчез у меня из руки — он исчез. Развеялся дымкой в окружающем пространстве. А как только пожелал обратного — он возник в ладони из ниоткуда, сгущаясь всё плотнее.

Именно поэтому у него не было ни ножен, ни подвеса — я их просто не делал. Они ему были не нужны.

Я снова развеял кинжал в пространстве, и в этот момент в дверь постучались. Совсем не так, как стучал бы Громов — тот скорее сделал бы это рассеянно, с рваными промежутками между ударами, но сильно. А тут были легкие постукивания, настолько слабые, что еще чуть-чуть — и можно подумать, что это кошка скребется.

Открыв дверь, я медленным взглядом окинул гостя с ног до головы и задумчиво склонил голову к плечу:

— Хм. Никогда бы не подумал, что за пятнадцать минут человек может так сильно измениться...

Вместо Громова, которого я ожидал, за дверью стояла девушка лет двадцати, не больше.

В белом коротком халатике, едва достигающем до середины бедра, и такой же забавной белой шапочке на голове, как у тех, что сидели внизу. Волосы были светлые, почти белые, длиной всего по шею, но пышные. Они красиво обрамляли круглое милое личико, на котором особенно выделялись огромные, по-детски наивные голубые глаза и пухлые, хоть и бледноватые на мой вкус, губы.

Зато фигура была точно по моему вкусу.

Тонкая талия и грудь, едва помещающаяся в халатик. Казалось, он специально был на размер меньше. Сзади я её, конечно, не разглядел, но с такой грудью и ягодицы не могла оказаться плоскими — это было бы нарушением всех мыслимых правил приличия со стороны мироздания.

Девушка держала синий планшет с прикрепленными к нему бумажками. Она прижимала его к груди, словно пыталась закрыться с его помощью от моего взгляда.

Сама она на меня не смотрела, скосив глаза куда-то вбок, а, когда я задал свой вопрос, и вовсе покраснела, словно я спросил, какого цвета на ней сегодня трусики. Хотя как раз этот вопрос даже не стоял — совершенно очевидно, что эта стесняшка способна носить только кипенно-белые. Такие, которые даже в теории, даже при самом неловком движении, не будут выделяться на фоне ее халатика.

Я несколько минут, не стесняясь, рассматривал девушку, благо, она стояла не шевелясь и не произнося ни слова, будто потеряла дар речи.

— Ладно, я пошутил, — наконец смилостивился я. — На самом деле у меня другой вопрос — тут все такие красотки, или это Громов специально подсуетился, чтобы прислать именно тебя?

Девушка ничего не ответила, только прижала к груди планшет еще теснее, что, впрочем, не принесло ей желаемого результата. Даже наоборот — в попытке спрятать под ним декольте средней глубины, она прижала грудь так, что та попыталась найти выход из ловушки в единственном доступном месте — в том самом декольте, превратив его из среднего в глубокое.

— Как тебя зовут, чудесное создание? — Я предпринял последнюю попытку вернуть ее в реальный мир.

— Джулин... — тихо, так, что я едва расслышал, ответила девушка. — Меня прислали...

— Так это ж замечательно, что тебя прислали, — не дослушав, ответил я. — Я как раз думал о том, чтобы познакомиться с какой-нибудь красивой девушкой.

— Но я... — еще тише начала Джулин, но договорить не успела.

Ее перебил сам Громов, который внезапно появился у нее за спиной:

— Что ж, Марк, подобное желание буквально-таки кричит о вашем хорошем самочувствии. — Он усмехнулся, аккуратно отстраняя Джулин в сторону. — Джулин, вы свободны, спасибо.

Я проводил девушку взглядом — как я и думал, с попой у нее тоже все было на высшем уровне. Так же я не упустил и то, как она оглянулась через плечо, прежде чем свернуть на лестницу, и только после этого посмотрел на доктора:

— В другой ситуации я бы сказал, что невежливо устраивать такие проверки, доктор.

— Не понимаю, о чем идет речь, — ответил доктор таким тоном, что сразу стало понятно, что все прекрасно он понимает. — Пойдемте, интерфейс уже готов и только вас и ждет.

Я моментально выбросил из головы смазливую медсестричку, и двинулся следом за доктором по коридорам больницы в сторону всё той же лестницы.

Навстречу попало еще несколько молодых и красивых девушек в таких же белых и коротких халатиках, как у Джулин. Они мило улыбались и здоровались с доктором, после чего переводили взгляд на меня и здоровались тоже, только улыбка из дежурно-милой превращалась в завлекающую — одна даже языком по губам как бы невзначай провела.

Проклятье, а я ведь даже не нашел времени посмотреть на себя в зеркало — на тело, которое мне досталось. Но, судя по реакции женского пола, это было весьма достойное тело, которое даже в такой простенькой одежде, вызывало в них интерес.

Вот и хорошо, а то оказаться после своего тела в облике какого-нибудь несуразного дохляка было бы очень непривычно... и грустно.

По лестнице мы поднялись еще на этаж выше.

Там царила совсем другая атмосфера. Нет, все было чистым, холеным и вылизанным, как и ниже, но при этом было очевидно, что этот этаж — рабочий.

Вдоль стен стояли железные кровати с колесиками, застеленные белоснежными простынями. Каждые несколько шагов доктор открывал очередную дверь из матового стекла, на которой было написано «Посторонним вход воспрещен», а на дверях, что мелькали по бокам то и дело попадались светящиеся таблички «Не входить!»

Одну из таких дверей, тоже с табличкой, но в данный момент не светящейся, доктор и потянул на себя.

Мы вошли в небольшое помещение, где центральную роль играл огромный механизм. Он имел высокое мягкое кресло с подлокотниками, подголовниками и даже подставкой под ноги — удобное даже на вид. Само кресло тоже располагалось максимально удобно — не вертикально, а полулежа — так, что сидя в нем можно было увидеть разве что потолок.

Вокруг кресла был выстроен огромный агрегат с трубками и кабелями. Они сливались и разделялись, переплетались, и в конечном итоге большая их часть заканчивалась где-то за подголовником кресла. Сверху, на потолке, кабели входили в полукруглую белую выпуклость, в которой и терялись.

Кроме агрегата-кресла и этой самой выпуклости, в комнате больше ничего и не было, даже окна.

Хотя нет, окно было, но вело оно не наружу, а в соседнюю комнату, в которой, судя по неясным силуэтам, кто-то находился.

— Вот пожалуйста. — Громов сделал приглашающий жест рукой. — Наш нейронный интерфейс подключения к Информаторию. Сейчас мы живо загрузим в вас первую порцию знаний.

— Первую порцию? — Я покосился на доктора. — Я думал, все будет сделано за один раз.

— Нет, что вы, это слишком рискованно! — Доктор покачал головой. — Шанс того, что мозг не выдержит такого объема данных, залитых единомоментно, практически стопроцентный.

— И что со мной будет?

— Как минимум — сойдете с ума. Как максимум — перейдете в необратимое

вегетативное состояние. Овощем станете, говоря простым языком.

— Неутешительно. — Я хмыкнул. — А что, и такие случаи бывали?

— Бывали, конечно. В самом начале использования этой технологии, но бывали. С тех пор нейронные интерфейсы строго регламентированы для использования только в больницах и строго в медицинских целях. В случаях, подобных вашему, проще говоря.

— Вопросов больше не имею. — Я прошел к креслу и сел. — Приступим?

Доктор поворошил немного у меня за спиной, и надел на мою голову что-то наподобие венка, только из металла, и с кучей проводов, свитых в косу и уходящих мне за спину.

— Руки сюда, пожалуйста. — Доктор постучал ногтем по черной пластинке, встроенной в подлокотник. — Это чтобы отслеживать ваши жизненные показатели.

Я без вопросов положил туда руку, и доктор закрепил ее черной лентой.

Вторую руку не трогал, хотя даже если бы и ее тоже привязал, да вместе с ногами, я бы все равно не был против. Теперь, когда у меня снова есть мой кинжал, мне достаточно было просто призвать его в ладонь обратным хватом, чтобы освободиться от любых оков.

— Советую вам постараться очистить голову от любых мыслей, — напоследок посоветовал доктор, стоя около двери. — Говорят, это помогает перенести процедуру.

Я кивнул, и доктор вышел, оставляя меня в одиночестве. Я покосился в сторону окна, в соседнюю комнату — силуэты там продолжали суетиться и делать что-то непонятное.

Потом аппарат над моей головой едва слышно загудел.

А в следующее мгновение я потерял сознание...

* * *

Казалось, прошла всего секунда с того момента, как я отключился, но, когда снова открыл глаза, то понял, что теперь знаю об этом мире если не все, то очень многое.

В голове будто открылись двери в чуланы памяти, от которых я потерял ключ, а теперь мне помогли подобрать отмычку. При этом я не забыл ничего из своей предыдущей жизни, эти знания просто дополнились, слились воедино с новыми.

И первое, что я с облегчением констатировал — в этом мире действительно есть магия. Совсем другая, по сравнению с привычной мне магией, появившейся несколько тысяч лет тому назад — практически топорная и допотопная.

Но это лишь потому, что в этом мире магию открыли всего лишь двести лет назад, а до этого люди были вынуждены опираться на технологии. Получив в свое распоряжение магию, однако человечество не стало отказываться от технологий, а объединило их в один эффективный и рабочий механизм существования и защиты.

А защита им была ой как нужна, ведь уже полтора века страна, в которую меня занесло — Виата — вела непрекращающуюся войну с соседним государством, Троттлом.

Сто пятьдесят лет тому назад Троттл, до того не проявлявший никакой агрессии к своим соседям, развязал войну сразу и одновременно со всеми, и кое-где даже добился определенных успехов, моментально поглотив несколько небольших стран и присоединив их к себе.

Виату поглотить не удалось, но после того, как армии Виаты отбили наступление, между двумя государствами образовалась «полоса отчуждения», выжженная и уничтоженная

сражениями.

Эта полоса шириной в несколько десятков километров протянулась вдоль границы Виаты и стала защитной линией между двумя странами, ведь фигура даже одного-единственного человека на этой пустыне была бы видна до самого горизонта, что уж говорить о целой армии, которая в теории могла бы снова пойти в наступление.

С того момента единственным напоминанием о том, что где-то там есть враждебное Виате государство стали только периодические террористические акты, которые провоцировали агенты Троттла. В том числе, и с помощью магии.

В Виате им противостояли, как могли. В том числе, с помощью магии.

С магией вообще все обстояло интересно — так как маги полтора века назад стояли в первой линии обороны войск Троттла, то по завершению активной фазы противостояния те из них, кто остался жив, получили титулы аристократов, славу и богатство.

Но самое интересное, что эта традиция продолжилась и в последующие годы — каждый, кто не относился к аристократическому роду, но проявлял способности к магии, тоже получал звание и права аристократа, но лишь после того, как отучится в Академии Магии. Её филиалы спешно создавались в Виате сразу после основного сражения, потому что никто не верил, что нынешнее затишье — насовсем, и никогда не кончится.

Теперь, благодаря этой машине, я узнал, где сосредоточены все маги если не этого мира, то этой страны. А значит, мне известно, куда идти, чтобы выяснить, что произошло с моей собственной магией и как ее вернуть.

А еще я теперь знаю много другого.

Знаю, что такое «машина», и даже в общих чертах представляю себе ее устройство.

Знаю здешнюю денежную систему и названия денежных единиц — соло, дес, сот, мили, в порядке возрастания стоимости.

Знаю, что простые люди, не владеющие магией, пользуются огнестрельным оружием, и даже умею пользоваться здешними «паутиниками», построенными, правда, не на магии, а на технологии — компьютерами.

Несмотря на то, что доктор утверждал, что понадобится несколько сеансов, мне казалось, что я знаю уже все.

Дверь открылась и на пороге появился возбужденный Громов. То, что он возбужден, было видно по подрагивающим пальцам и съехавшим на самый кончик носа очкам.

— Потрясающе! — завопил он с порога. — Просто удивительно!

— Что именно? — поинтересовался я.

— Ваша способность к абсорбции информации, конечно! Вы провели подключенным к интерфейсу четыре часа, и все это время показатели вашего организма не выходили за пределы простой легкой пробежки! Просто удивительно!

— А сколько обычно длится сеанс?

— Час, не больше! Потом стремительно повышается давление, начинается тахикардия, и прочие неприятности... А у вас — как будто никакого сеанса не было вовсе! Мы и прервали-то его лишь потому, что продолжать было бы просто неэтично с точки зрения медицины!

— Может, и зря прервали? — Я пожал плечами.

— Может, и зря, — согласился доктор. — Но рисковать мы просто не имели права. Ваш случай и так из ряда вон, а то, что мы наблюдаем сейчас, вообще делает из вас девятое чудо света! Исключительно в медицинском плане, конечно, но все же... Кстати, как ваша память?

— Та, которую вы в меня загрузили — великолепно. А вот моя собственная — увы. Ничего так и не вспомнил.

— Ну, возможно, это связано с тем, что мы все же загрузили в вас не полный банк памяти... Хм... — Доктор потер щетинистый подбородок. — Возможно, все наладится, когда мы закончим загрузку...

— Но не сегодня?

— Ни в коем разе! — Доктор мотнул головой. — И даже, пожалуй, не завтра. Возьмем небольшую паузу на то, чтобы понаблюдать за вашим общим самочувствием. Исключительно на случай, если завтра все же обнаружатся какие-то побочные эффекты. Разумеется, все расходы клиника возьмет на себя, за это не переживайте.

— Я и не переживал. — Я усмехнулся. — А выйти-то мне хоть можно будет? Или так и сидеть в четырех стенах?

— Ох... — Громов посмурнел. — Мне бы не хотелось, чтобы вы покидали больницу, вдруг вам станет хуже.

— Вы же понимаете, что удержать меня вам все равно не удастся?

— Разумеется, понимаю, — кивнул доктор. — Я лишь выражаю свою точку зрения на этот вопрос. Конечно же, я не могу запретить вам выходить, только прошу, не отходите далеко и при первом же признаке недомогания сразу же возвращайтесь! Я дам вам телефон, чтобы вы могли связаться со мной в крайнем случае.

— Добро. — Я кивнул. — А то раз уж мне не помогла процедура, то, возможно, поможет прогулка? Посмотрю на город, авось чего вспомню, дополнительно к тому, что вы в меня... загрузили.

— Возможно-возможно. — Доктор часто закивал. — Это вы неплохо придумали... Но все же прошу — будьте аккуратны. Может быть, стоит поискать вам провожатого?

— Джулин обеспечите? — хмыкнул я, отстегивая липучку на правой руке и слезая с кресла.

— О... — озадаченно произнес доктор. — Ну... Если правда нужно... Я мог бы, наверное...

— Я пошутил. — Я подошел к доктору и хлопнул его по предплечью. — Я большой мальчик, док, все будет хорошо. Не потеряюсь и не заблужусь. И даже обещаю вернуться обратно.

— Ну и отлично. — Доктор с облегчением улыбнулся. — В таком случае я распоряджусь насчет пропуска, его вам принесут вместе с ужином... где-то через десять минут.

Отличная идея, я как раз проголодался.

Я кивнул и, отказавшись от предложения проводить меня обратно в палату, пошел туда в одиночестве — мне вполне достаточно было пройти маршрутом один раз, чтобы запомнить его.

Любым маршрутом.

В палате я успел только сходить в ванную и наконец посмотреть на свое новое тело в зеркало. В отражении на меня глянул парнишка лет девятнадцати, с короткими черными волосами, проколотым левым ухом и коротким шрамом под левым глазом, уходящим от внешнего уголка вертикально вниз.

Не красавчик модельной внешности, но это даже хорошо — терпеть не могу всю эту вычурность и пафос. Зато вот что касается физической формы — тут все на уровне. Тело подтянутое, гибкое, мышцы похожи не на надутые пузыри, а скорее на канаты, которыми

привязывают к пристаням тысячетонные корабли.

То, что нужно.

Едва я вернулся в комнату, как в дверь тут же постучали. Я открыл, и не без удовольствия обнаружил там Джулин, на сей раз с небольшой тележкой, на которой стояло несколько блюд, накрытых железными колпаками.

— Добрый вечер, — тихо, все так же не глядя на меня, проговорила Джулин. — Ужин.

— Здравствуй, красавица, — улыбнулся я. — Ужин — это отлично.

Я отошел в сторону, чтобы она смогла зайти и закатить свою тележку, а, когда она оказалась внутри, я снова обратился к ней:

— Составишь мне компанию?

— Ой... — Она даже замерла на мгновение. — Я... Нет, не могу.

— Как это «не могу»? — деланно удивился я. — Руки на месте, рот есть, ты им говоришь, значит, очень даже можешь.

— Я... Нет... — не оборачиваясь, произнесла Джулин. — Другие пациенты...

— Неужели тебя некому подменить? — Я подошел сзади и положил руки на талию девушки. — В конце концов, не каждый же день тебя приглашают на ужин... Или каждый?

— Нет, не каждый, — тихо выдохнула девушка и явно поплыла в моих руках.

Но тут внезапно в нагрудном кармане ее халатика заскрипело, а потом раздался искаженный помехами голос:

— Джулин, помоги на третьем! Нужны еще руки!

— Простите! — пискнула девушка, вырываясь из моих рук и убегая так стремительно, что взлетевшие полы ее халатика на мгновение засветили трусики.

Белые, конечно же.

Знал бы, что у нее там рация, в нагрудном кармане, сразу бы забрал ее.

Ладно, это ж не последний раз.

Я с удовольствием поел. Благо, больничная еда оказалась выше всяких похвал — курица в сливках с рисом, какой-то сладкий пудинг и целый кувшин сока на пол-литра. Расправившись с ужином, решил все же выйти наружу и прогуляться.

Раз уж я получил преимущество в виде ножа после того, как переместился с одного места на другое, то, может быть, прогулка тоже принесет какие-нибудь плоды?

Вдруг я смогу почувствовать пропавший камень? Маловероятно, но вдруг?

На тележке с едой я обнаружил маленький телефон и пропуск на выход. Положив их в карманы брюк, я покинул палату, спустился по лестнице, вышел из больницы и окунулся в водоворот большого города.

А город и правда был большой.

Ноктар — столица Виаты — насчитывал более трех миллионов жителей, живущих в десятках тысячах домов и отдыхающих в тысячах торговых и развлекательных центров.

Сотни машин катались по улицам и переулкам разной степени узости и освещенности, и, когда я свернул в ближайший, в котором мне почудилась какая-то магическая струйка, меня внезапно окружило сразу пять фигур.

Одетые в черное, они явно не желали мне добра, это было очевидно даже несмотря на то, что я не видел их лиц. Собственно, поэтому и было очевидно — лица у них были закрыты черными платками.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался я. — Парни, я на улице не знакомлюсь.

— Не знаю, как и зачем ты встал из своей могилы, — прогудел один из них, — но

сделал это ты зря...

— Да что вы всё заладили — «могила», «могила». — Я поморщился. — Не было никакой могилы! Ну, в смысле, могила была, но я в ней так и не оказался, так что утверждения, будто я встал из могилы — только грязные инсинуации, и ничего кроме!

Кажется, я выбрал слишком сложные слова, чтобы донести свои мысли.

Недоброжелатели быстро переглянулись, то ли ища друг у друга поддержки, то ли просто не понимая, что делать дальше.

Наверняка они, как и все подобные личности, ожидали, что я испугаюсь, начну трястись от ужаса и заикаться. А, когда этого не произошло — хорошо известный и отработанный план дальнейших действий дал сбой.

Придется им помочь, что ли... Вроде взрослые люди, а тупят, как дети малые.

— Так что хотели-то? — напомнил я им.

— А, да... — опомнился тот, который заговорил со мной. — Короче, всё просто — обмолвишься хоть словом о леди Тюудор — и тебе кранты, понял?!

— О ком? Леди... как ты сказал?

— Не прикидывайся овощем! Ты прекрасно знаешь баронессу Тюудор! Это же именно она отправила тебя в гроб!

Так-так-так.

На ловца и зверь бежит, называется.

Только я решил прогуляться, чтобы поискать нечто интересное, нечто, что привлечет мое внимание — как оно тут же мне попало... Хотя нет, это же не случайно так получилось — наверняка эти гаврики вели меня от самой больницы, чтобы «поговорить по душам». Целенаправленно вели, ожидая, когда я сверну в безлюдный переулок, привлеченный слабым, очень-очень слабым отголоском магии.

Именно этот отголосок исходил от спрятанной за спину руки одного из моих недоброжелателей.

Вот оно значит что, у него там какой-то слабенький магический артефакт, на фон которого я и клюнул. Если бы не это, они могли безуспешно продолжать слежку за мной, так и не найдя в итоге подходящего места для «разговора».

Это даже хорошо, что получилось так, как получилось — считай, информация сама меня нашла. Теперь главное — вытянуть ее побольше, пока ребята не очухались и не вспомнили, зачем они тут, собственно, присутствуют.

— А как именно баронесса отправила меня в гроб? — спросил я.

— Да ну... — Предводитель задумался. — Я не знаю. А это важно? Да ты сам должен это знать лучше меня!

— Ну да, должен, — согласился я. — А где живет баронесса?

— А тебе зачем? — окончательно растерялся предводитель.

— Да так, поболтать. — Я пожал плечами. — Думаю, она будет рада узнать, что тот, кого она в гроб отправила, на самом деле жив.

— А, кстати! — оживился предводитель. — Не вздумай приближаться к баронессе, и уж тем более шантажировать ее своими фотографиями!

О как.

То есть, у меня есть еще и какие-то фотографии неведомой баронессы. И эти

фотографии — рычаг для шантажа. Все интереснее и интереснее! Жаль, что у меня так и не проснулась память предыдущего владельца этого тела. Там, похоже, много занятной информации скрыто!

— Ты понял? — уточнил предводитель.

— А не то, — твердо сказал я.

— А не то что? — снова растерялся предводитель.

— Вот я и говорю — ты забыл «а не то». Обычно говорят «не делай того-то, а не то...» и какую-нибудь угрозу. А ты ее не сказал.

— А не то я твои кости по одной пересчитаю! — довольно выпалил предводитель, который явно давно уже готовил эту угрозу.

— Двести шесть. — Я усмехнулся. — Как у любого другого сформировавшегося человека. Еще пожелания будут?

— Слышь, он по-моему умного дохера из себя строит, — произнес еще один недоброжелатель, что стоял у меня за спиной.

— Кстати, да, — поддакнул тот, что стоял справа. — Я прямо чую, что он глумится над тобой, Векс.

— Заткнись, придурок! — зашипел Векс. — Ты же меня спалил! Теперь он знает, как меня зовут!

— А, не переживай. — Я пожал плечами. — Я все равно не запомню.

— Это еще почему? — подозрительно скосился на меня Векс.

— Я не вижу смысла запоминать имена едва шевелящихся кусков мяса, нашпигованных осколками костей.

— Всё, мне надоело, — прокомментировал тот, что стоял за спиной.

И атаковал.

Здесь и сейчас не было дождя, на звук которого я мог бы ориентироваться, но он и не был мне нужен — здесь был свет. Рассеянный, нечеткий, льющийся откуда-то со спины, он превосходно обрисовывал тень нападающего со спины противника, предупреждая об атаке.

Я наблюдал за тем, как он одним шагом сокращает дистанцию до меня, а вторым проваливается вперед, вытянув ногу для мощного удара мне в спину.

«Проваливается» — потому что меня, конечно же, там не было.

Я крутанулся в сторону, пропуская удар мимо и одновременно разворачиваясь лицом к противнику. Подхватил его вытянутую ногу и шагнул назад, вытягивая ее за собой и заставляя его «провалиться» вперед намного больше, чем он собирался.

Кажется, я даже услышал, как захрустели и застонали паховые связки гопника, который ни минуты в жизни не потратил на их растяжку. От боли он не смог даже крикнуть — просто раскрыл рот, выпучил глаза и повалился сначала на задницу, а потом и на бок, скорчившись в позу эмбриона и зажав ладони между ног. Даже запищал.

— Со спины нападать некрасиво, — поучительно сказал я.

Не ему, конечно — он сейчас вряд ли был способен воспринимать информацию — а остальным.

— Да ты охерел! — заорал кто-то за спиной Векса, оттолкнул его в сторону и бросился на меня.

Одновременно с ним бросились и остальные. Каждый из них был на голову выше меня и на десяток килограммов тяжелее. Плюс их было трое против меня одного, и они собирались

использовать все эти преимущества.

Похоже, они не знали, что всё это — вовсе не преимущества.

Я спокойно дождался, когда они поравняются со мной и уже занесут кулаки для удара, и скользнул в сторону так, чтобы все трое оказались выстроены в одну линию со мной. Те двое, что оказались дальше от меня, запутались в собственных конечностях, пытаюсь остановиться, а самый дальний даже снес ближайший мусорный бак.

Пока они там возились, я занялся самым ближайшим.

Легко уклонился от его сильного, но неумелого прямого удара рукой в голову, поднырнул под второй, и на подъеме с нырка, дополнительно оттолкнувшись ногой от его же ботинка, врезал ему локтем в челюсть снизу вверх!

Голова гопника мотнулась назад, он нелепо взмахнул руками и отпрянул, пытаюсь удержать равновесие, но я дополнительно повернулся на опорной ноге, и врезал пяткой ему куда дотянулся — в грудь.

Гопник окончательно осел на пятую точку, чуть не придавив одного из двух оставшихся подельников, а потом и вовсе упал на бок — видимо, отрубился, что при таком ударе не удивительно. Я всю массу тела в него вложил.

Оставшиеся двое подскочили ко мне одновременно, но я снова сместился вбок, выстраивая их в одну линию, и, заканчивая шаг, ударил голенью ближайшего противника по неловко выставленной вперед ноге. Нога вылетела из-под гопника, и он рухнул вперед, по инерции попытавшись перенести вес тела на опору, которой уже не было.

Я любезно подставил колено под его перекошенное от неожиданности лицо, чтобы он не сильно ушибся. Встретив его своим и так плоским носом, противник расслабился и плавно стек на асфальт, отправляясь в страну грез.

Последний противник, пользуясь тем, что с предыдущим я провозился слишком долго, подскочил вплотную, ухватил меня одной рукой за плечо, а вторую с торжествующим выражением лица занес для удара.

Наверное, он очень гордился тем, что, в отличие от остальных, смог до меня добраться. Только торжество резко сменилось гримасой боли, когда я выбросил вперед руку с вытянутыми пальцами, целясь ему в кадык.

Издав непонятный звук, гопник отшатнулся, но удар все равно попытался нанести, правда уже не достал — сказался сделанный шаг назад. Я перехватил его неумело сжатый кулак с едва-едва прижатым большим пальцем, подцепил его, и вывернул в обратную сторону.

Раздался хруст.

Гопник взвыл от боли и рухнул на колени, подчиняясь заданному мной вектору движения и сразу став на две головы ниже меня. Я перехватил его поврежденную конечность еще и второй рукой, подхватил, и ударил коленом в лицо, «натягивая» руками на себя для пущего эффекта. Вой захлебнулся, и гопник рухнул на асфальт без чувств.

Я же повернулся к последнему — к Вексу, который все это время даже не пытался помочь своим. Повернулся — и увидел в его руке резной деревянный жезл, от которого исходили тонкие струйки прозрачного коричневого пара — магия.

Та самая магия, на запах которой я сюда пришел.

Векс слегка шевельнул жезлом, и из него внезапно вылетели размытые длинные тени. Они хлестнули по мне, как будто арканом, навились петлями, прижались, и внезапно я обнаружил, что скручен по рукам и ногам плотными коричневыми ремнями, будто из

плотной кожи.

Какая интересная штука.

Впервые такую вижу.

Я повертел головой, рассматривая скрутившие меня ремни, но не увидел ни пряжки, ни узла — ремень не имел ни начала, ни конца. Он сразу был создан бесконечной петлей, как и положено вещи, сотворенной при помощи магии.

— Так и знал, что с тобой будут проблемы, — с облегчением в голосе произнес Векс, опуская свой жезл. — С тем, кто встал живым из гроба, их просто не могло не быть!

— Что, правда? — Я снова поднял на него глаза. — Тогда с чего ты решил, что твои проблемы кончились?

Я призвал свой кинжал, и он сгустился в моей руке, моментально перерезая попавшие под клинок ремни и давая немного свободы руке. Я повернул запястье, цепляя следующий ремень, потом следующий, и, чем больше их разлеталось, тем свободнее я становился.

Уже через секунду я повел плечами, сбрасывая остатки кожаных плетей, и шагнул к Вексу.

Тот взвизгнул и отпрыгнул от меня, снова вскидывая своё оружие.

Я мог бы еще немного поразвлекаться с ним, но желания уже не было. У меня появилась новая цель, с которой следовало разобраться как можно скорее, так что и с гопниками покончить тоже следовало как можно скорее.

Поэтому, не дожидаясь, когда Векс выстрелит в меня новой порцией ремней, я одним движением пальцев перевернул нож фиолетовой стороной к земле и резанул сверху вниз, открывая проход в Изнанку.

Все замерло и лишилось цветов, как и в первый раз.

Векс, так и не успевший поднять оружие до моего уровня, застыл тоже, и я просто подошел к нему вплотную, резанул пространство чуть сбоку от противника и вышел в разрез. Едва только кожи коснулось тепло, я тут же подбил свободной рукой артефакт Векса снизу вверх, так, что вместо того, чтобы оказаться направленным туда, где я только что был, он взлетел ему под подбородок.

А вот остановить активацию жезла Векс уже не успел.

Ремни послушно вылетели из артефакта и оплели первое, что попало на пути — голову гопника.

Он протяжно замычал, не в силах издать других звуков из-за того, что челюсть стянуло прочным кожаным ремнем, выронил жезл и вцепился в оплетенную голову, пытаясь сорвать ремни. Его нос оказался не закрыт, так что переживать за то, что он задохнется — не следовало.

Уши тоже остались свободными, поэтому я со спокойной угрозой сказал противнику:

— Если я еще раз вас увижу, то пересчитаю все кости в ваших организмах. По одной. И если внезапно их окажется не тысяча тридцать, я буду пересчитывать их заново, пока их не станет столько, сколько должно быть. Ты меня понял?

Векс что-то промычал.

Я поднял ногу и слегка пнул его по задней стороне бедра:

— Ты меня понял?

Векс замер, и кивнул.

— Отлично. — Я нагнулся и поднял его артефакт. — А это я заберу. Артефакты тупицам не игрушка. Все, бывай.

Я снова спрятал кинжал в пространстве, засунул жезл за пояс брюк, прикрыл сверху майкой, и, оставив гопников валяться в переулке, вышел обратно на улицу.

Теперь я хорошо знал, куда мне нужно идти, и, как ни странно — обратно в больницу. Ведь там в моей комнате стоял целый замечательный компьютер, с помощью которого я смогу узнать о баронессе Тюудор всю информацию, какую только можно узнать, не подрывая на разведку гильдию воров... Если, конечно, тут вообще было что-то похожее на гильдию воров.

Я без приключений (если не считать приключением несколько кокетливых улыбок молоденьких девушек) добрался обратно до больницы, предъявил на входе пропуск, и поднялся на свой этаж.

Тележки в комнате уже не было — милашка Джулин позаботилась об этом. Я быстро принял душ, чтобы смыть с себя пот и пыль короткой, но все же схватки с гопниками, и включил компьютер.

Знания, вложенные в меня Громовым, усвоились просто прекрасно.

Несмотря на то, что еще несколько часов назад я даже представления не имел о существовании подобных технологий, сейчас я без труда и без запинок открыл браузер, нашел в нем поисковый сервис и ввел в текстовом поле «баронесса Тюудор».

Что ж...

Я быстро листнул несколько страниц итогов, после чего отлистал обратно, открыл сразу первые пять, и принялся по очереди изучать их, пропуская повторяющуюся информацию и откладывая в своей памяти то, что было новым. И уже через полчаса я знал все, что хотел.

Ванесса Тюудор — девятнадцатилетняя наследница богатого магического клана Тюудор, берущего свое начало с самого первого момента появления магии в этом мире.

Клан сделал себе громкое имя еще во время первой войны с Троттлом, за что правомерно получил дворянский титул и всяческие регалии. На данный момент их клан насчитывает почти двадцать человек, не считая всяких слуг, и Ванесса — самая молодая из них, из-за чего является постоянной целью всяких сталкеров и папарацци.

В этом году она должна поступать в магическую Академию, а это для любого местного мага как «обряд инициации», поэтому всякого рода журналисты из кожи вон лезли, чтобы на грани такого события достать какой-нибудь компромат или хотя бы пару жареных фактов, касающихся такой заметной фигуры.

Нередко попадались громкие заголовки вроде:

«Наследница известного рода отказалась платить по счету».

«Баронесса избила простолюдина».

«Паркуюсь как хочу — элите закон не писан!».

И, в общем-то, насколько я знаю всяких аристократов, а я их знаю довольно неплохо, все это укладывалось в образ избалованной баронессы. Мало того — оно не просто укладывалось в этот образ, а очень даже подтверждало пока еще не доказанный факт: именно баронесса отправила предыдущего хозяина моего тела в могилу.

Если присовокупить сюда то, что она сама — маг, да еще и подающий самые большие надежды из всех, кто в этом году заявился на поступление в Академию, можно сделать еще один вывод — именно в ней и надо искать ответ на вопрос, почему лишен магии я.

Возможно, на этот вопрос мне может ответить еще тысяча-другая магов этого мира... Но зачем мне снова тратить время и искать их, если адрес особняка баронессы — вот он, в свободном доступе? Да что там адрес — это такая огромная домина, что я даже на

виртуальной карте города нашел его без труда, и он там отдельно подписан.

В последнюю очередь я нашел и как следует запомнил фотографию баронессы.

Красивое аристократическое лицо, стройная и хрупкая фигура с высокой грудью не меньше третьего размера, бледная кожа. Ярко-рыжие волосы подстрижены довольно коротко и ассиметрично, лежат волосок к волоску. В придачу, холёная и надменная. От взгляда её зелёных глаз так и веет морозом. Она будто не просто смотрит с фотографии, а взводит курок и стреляет в упор, аккуратно тебе в лоб.

С такой точно будет непросто.

Выключив компьютер, я крутанулся на вращающемся кресле, оттолкнулся от него и завалился сразу на кровать. Стянул через голову майку, скинул штаны и закрыл глаза. Надо как следует выспаться. День был довольно насыщенный, а завтрашний обещал стать еще более тяжелым.

Шутка ли — проникнуть в целый особняк одного из самых могущественных магических кланов этого мира!..

Проснулся я от стука в дверь.

Кинул быстрый взгляд за окно, а там всюду уже царствовало солнце, и если здесь оно ведет себя так же, как в моем мире, то сейчас уже часов девять утра, никак не меньше.

Поспал я от души, но главное — выспался и был готов к новым свершениям. А их у меня на сегодня запланировано с избытком.

В дверь снова робко постучали. И не просто «робко», а «очень хорошо знакомо мне робко». Судя по всему, Джулин принесла завтрак, и это было очень кстати, поскольку я жутко проголодался.

Я откинул одеяло, вскакивая с кровати в чём был, подошел к двери и открыл. Как и думал, с той стороны стояла Джулин, на сей раз так низко опустив взгляд, что, казалось, она пытается разглядеть микробов на металлических колпаках, прикрывающих блюда.

— Завтрак, — практически прошептала девушка, закатывая тележку мимо меня и при этом всё так же не поднимая глаз.

Зато я без стеснения проводил ее взглядом, прикрывая дверь.

Она докатила тележку до стола, остановила ее и робко глянула через плечо:

— Я... Ой!..

Она спешно отвернулась, но я успел заметить, как ее щеки моментально вспыхнули красным, будто на них раздавили и размазали по крупной спелой вишне.

Девочка увидела меня в трусах, и зрелище явно ее смутило. Что же произошло бы с ней, если бы она посмотрела на меня с самого начала, а не только когда вошла в комнату? Прямо в коридоре развернулась бы и побежала туда, откуда пришла?

— Я просто поставлю... — опять прошептала Джулин, берясь за блюда и переставляя их на стол. — Здесь...

Прислонившись к стене и сложив руки на груди, я не без удовольствия наблюдал, как она переставляет блюда и стаканы на стол, стараясь даже случайно не посмотреть в мою сторону. К сожалению для нее, это одновременно означало почти что не смотреть и на саму тележку тоже, поэтому нет ничего удивительного, что буквально сразу же она неловко задела локтем вилку и та весело зазвенела по полу, закатываясь под стол.

Джулин ойкнула и быстренько наклонилась, чтобы поднять её. Короткий халатик, подчиняясь законам физики, пополз вверх, практически как и вчера, открывая округлую попку девушки и пересекающую ее полоску белых трусиков. Джулин застыла в согнутом положении, пытаясь выцепить вилку из-под стола, и я не стал упускать момент.

Отклеился от стены, подошел сзади, положил руки на бедра девушки и повел их вверх, задирая халатик еще выше.

Джулин вздрогнула и окаменела, кажется, даже перестав дышать.

— Если ты против, то сразу скажи, и я уберу руки, — тихо сказал я.

Девушка томно выдохнула и ухватилась за край стола. Это был однозначный ответ. Она сама подалась задом мне навстречу и безоговорочно отдалась в мои руки. Кажется, медсестра давно этого хотела, иначе как объяснить, что она не двинула мне между ног или не отвесила пощёчину.

Вместо этого Джулин с большой охотой продолжила нашу игру и разгорячилась практически сразу.

Я медленно стянул с неё бельё, пальцы с удовольствием обхватили упругие ягодицы девушки, ладонь прищёпнула по бледной незагоревшей коже. Джулин с еле слышным стоном выгнула спину и запрокинула голову. Её чепчик слетел на пол, белые волосы рассыпались по плечам, и уже через полминуты она крепко держалась за стол, а чашки и блюдца тихо постукивали друг о друга, вторя её тихим стонам и в такт всем моим движениям.

Задранный халатик смялся, от напора верхние пуговицы на нём отлетели, и крупная грудь, обхваченная белым кружевом, наконец высвободилась... ну а злополучная вилка так и осталась лежать на полу.

* * *

Когда Джулин исчезла, едва не забыв на кровати свои крошечные трусики, я наконец позавтракал уже успевшим остыть омлетом с беконом и зеленью и парой тостов, запил еду крепким кофе, который остался горячим благодаря тому, что был доставлен в комнату в термосе.

Даже остывшая, еда все равно была выше всяких похвал, а главное — я наконец утолил чувство голода, ненавязчиво напоминавшее о своем существовании еще с тех пор, как только открыл глаза. Да и Джулин очень меня взбодрила, она вообще оказалась нежной и в то же время горячей штучкой.

Девушка даже разговорилась, стала увереннее и немного рассказала о себе. на самом деле она была неплохим специалистом и умела не только доставлять пациентам завтраки, но внешность сыграла с ней плохую шутку. Далеко не все в больнице воспринимают её серьёзно, хотя я тоже недалеко от этого ушёл, но она с улыбкой сказала, что ни о чём не жалеет.

Проводив Джулин и перекусив, я решил, что теперь можно и к делам переходить. Переодевшись, вышел из здания больницы, направляясь к особняку Тюудор.

Буквально тут же телефон в моем кармане завибрировал и высветил имя звонящего — Громов.

Ну, надеюсь, это не из-за Джулин и не из-за того, что она немного у меня задержалась...

— Марк, доброе утро! Мне доложили, что вы покинули больницу. У вас все хорошо?

— Доброе утро, — поприветствовал я в ответ. — Да, все отлично, а что такое?

— Я же говорил, что на второй день возможны всяческие осложнения психологического плана. Вот я и подумал, вдруг ваши действия — результат сомнамбулизма. Вы же знаете, что такое сомнамбулизм?

— Это который лунатизм? — уточнил я. — Тогда знаю. Не переживайте, это не он. Я правда отлично себя чувствую, просто решил прогуляться, подышать свежим воздухом.

— Это очень правильно в вашем состоянии, — с облегчением сказал Громов. — Ну, тогда не будут мешать, но если вдруг что, вы знаете, что делать.

— Если у меня вдруг начнётся лунатизм, я обязательно вам перезвоню.

Он оценил мою дурацкую шутку и рассмеялся, не забыв при этом напомнить, что я всё больше его удивляю.

— Вы действительно медицинский курьёз, Марк. Но всё же будьте осторожны.

— Все будет хорошо, док.

Я сбросил звонок и осмотрелся.

Судя по тому, что вчера мне удалось изучить на виртуальной карте, город то ли изначально так строили, то ли он так сформировался в процессе своего существования, но здесь, где я сейчас находился, было что-то вроде «богатого» района.

В нём концентрировались родовые гнезда знатных кланов и вычурные заведения, которые их обслуживали, включая и ту больницу, в которой я временно пребывал.

Собственно, это делало историю с убийством прежнего владельца моего нового тела совершенно прозрачной — баронесса за что-то жажнула его, скорее всего, магией, а потом, испугавшись ответственности и того, что о случившемся прознают писаки, позаботилась о том, чтобы пострадавший оказался в самой ближайшей, а, возможно, и вообще в единственной известной ей больнице — больнице для богачей.

Ну и само собой именно она была тем самым анонимом, что оплатил «моё» пребывание в этой больнице.

Всё это сейчас играло мне на руку, поскольку идти до особняка Тюудор нужно было не больше десяти минут. Если бы сейчас оказалось, что он находится на другом конце города, было бы труднее. Хотя на улице стояла такая чудесная погода, что я бы и на другом конце города прогулялся с удовольствием, заодно испытал, как у этого тела с выносливостью.

Солнце уже вовсю сияло в небе, заливая улицы теплыми лучами, при этом по коже гулял прохладный ветерок, уравнивая жар. В итоге получалась чуть ли не идеальная для пешеходов температура, которой я искренне наслаждался.

Мягкие подошвы мокасин неслышно ступали по черному твердому асфальту, встречные девушки улыбались, никаких недомоганий вопреки опасениям Громова я не ощущал, да и вообще все было отлично.

Без проблем я дотопал до особняка рода Тюудор и, расположившись в тени на углу ближайшего здания, осмотрел его снаружи.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что здесь действительно проживают известные и очень богатые люди. Белоснежный особняк имел три этажа в высоту, плюс мансарда, судя по тому, что в скатах крыш тут и там виднелись окна. Вход представлял собой практически настоящую террасу размером с две моих палаты, крышу которой держали четыре элегантные колонны. От входной группы в стороны разбежались два крыла, и даже представить себе было сложно, сколько же там внутри места, учитывая этажность.

Они там что, в хоккей внутри играют?

Впрочем, аристократы же, с них станется...

Перед особняком, как и положено, был разбит небольшой парк. Дорожки, вымощенные серым камнем, обрамляли подрезанные строгими кубиками кусты. Кроны редких деревьев, в противовес кустам, имели форму идеальных шаров, а в самом центре парка весело блестел на солнце струями фонтан.

На его бортике сидела и читала книгу благообразная седая старушка в красно-черном платке, небрежно наброшенном на плечи, и простом сером платье.

Явно не та, кто мне был нужен.

Забор вокруг особняка был внушительным, но назвать его неприступным язык бы не повернулся. Собранный из металлических штырей, заточенных на концах, он возвышался бы надо мной на добрых три головы, если бы мне пришлось в голову встать рядом с ним, но это, в общем-то, не проблема — расстояние между прутьями было такое, что с моим новым

телом, я бы просто пролез между ними, если бы постарался.

Пролез бы, если бы не совершенно очевидный магический барьер, который, кажется, никто даже не пытался скрыть.

Он находился в одной плоскости с забором, и, возможно, сам забор и был его физическим носителем, хотя и это не столь важно. Главное — это был стационарный барьер, и в его основе мог лежать абсолютно любой источник энергии, включая и потенциально бесконечный.

Значит, и ждать от этого барьера можно было всего, чего угодно, но готов поспорить, что ничего из этого я не хотел бы испытывать на себе. Не тогда, когда в моем теле собственной магии не наберется даже на то, чтобы пылинку заставить изменить траекторию полета. Возможно, меня просто долбанет током, возможно, превратит в кучку пепла — ни тот, ни другой исход меня не устраивали.

А, может, просто попроситься войти?

Ну, вежливо.

Вежливо, но смело. Говорят, смелость города берет.

Я вышел из тени, пересёк дорогу и подошёл к большим кованым воротам, которые вели внутрь особняка. Перед воротами стояла квадратная будка, из которой при моем приближении появились три человека, двое из них — в черном. В самой что ни на есть боевой форме — бронежилеты, шлемы, наколенники, налокотники, подсумки с магазинами на передней плите и весь остальной фарш.

Даже оружие у них имелось — короткие пистолеты-пулеметы, висящие на ремнях, но так, чтобы их можно было без проблем в одно движение взять в руки.

Третий человек был одет в костюм — почти такой же, в каком я был на кладбище, только явно более дорогим и качественно пошитым. У него не имелось никакого оружия, вместо него была только спесь, с которой он смотрел на меня сверху вниз, с высоты своего немаленького роста. А ещё — маленькие, завитые в кольца на кончиках, усики над верхней губой.

Для себя я обозначил его как «франт».

— Доброго дня, — процедил он надменным тоном. — Вынужден сообщить вам, что здесь начинается частная территория рода Тюудор.

— О, правда? — Я сделал глупые глаза. — А я думал, тут конюшня.

Щека франта дернулась, но больше он не проявил никакой явной реакции, только сказал:

— Что ж, в таком случае рад, что смог помочь вам определиться с правильным направлением движения.

— Я пошутил. Мне нужна Ванесса Тюудор.

— У вас назначена встреча?

— Можно сказать и так.

— Ваша фамилия?

— Скажите, что это тот, кого она чуть не угробила. — Я сформулировал это так, чтобы поняла одна только баронесса.

Щека франта снова дернулась, и он процедил:

— Назовите вашу фамилию, будьте любезны. Запись производится по фамилиям, а не по характеристикам людей.

— И часто у вас приходят люди, которые пытаются попасть внутрь не по фамилиям, а

по характеристикам?

— Чаще, чем хотелось бы. Как я понимаю, никакой записи у вас нет?..

И тут произошло сразу несколько вещей.

Двое солдат за спиной у франта ловко и почти незаметно для глаз разошлись в стороны, наращивая дистанцию между собой и короткими движениями подтягивая оружие поближе к рукам.

Но это была половина беды.

Вторая половина беды заключалась в том, что от рук франта ощутимо повеяло магией, при этом никакого артефакта у него не было видно. Я почувствовал его силу на интуитивном уровне. Это был серьёзный маг и он не просто так тут в охране находился.

Плохо дело.

Это не безоружные гопники в подворотне, это противники совершенно другого порядка. Солдаты специально разошлись в разные стороны, чтобы увеличить время, которое мне потребуется для того, чтобы разобраться с обоими.

Возможно, с помощью кинжала я бы и смог это сделать, не получив при этом пулю, но вот франт... Не знаю, что там у него за магия, не могу посмотреть — своей-то магии нет, — но это в любом случае ломает всю игру.

Нападу на франта — пристрелят солдаты.

Нападу на солдат — что-то там намагичит франт.

Не знаю, от кого они тут защищались, но делали они это качественно и продуманно. Была бы со мной моя собственная магия, я бы, возможно, и поглядел, кто кого, но сейчас игра точно не стоила свеч. В конце концов, у меня же есть еще один способ проникнуть внутрь, и, видят небеса, я пытался обойтись без него и просто побыть вежливым.

— Простите. — Я улыбнулся как можно дружелюбнее. — Кажется, вышла ошибка. У меня нет записи, и вообще мне пора в конюшню, которую всё никак не могу найти. Спасибо за уделенное время.

Я развернулся и зашагал через улицу, глядя в отражение витрины напротив, как все трое провожают меня взглядами. Затем завернул за ближайший угол, обогнул дом и вышел к особняку с другой стороны — со стороны сплошного забора. Потом достал из воздуха кинжал, осмотрелся и, убедившись, что меня никто не видит, быстро разрезал пространство и юркнул в разрыв.

Уже ставший привычным холод накиннулся на меня, отбирая у тела тепло и жадно его пожирая.

Не теряя времени (хотя в Изнанке мира я не мог его потерять чисто физически), я подошел к забору вокруг особняка Тюудор и осторожно протянул к нему руку. И едва пальцы коснулись холодных стальных пик, из которых была собрана ограда — как она вспыхнула!

Яркие красные плоскости возникли между пиками, полностью оборачивая особняк, будто гофрированной алой лентой! И не только вокруг, но еще и наверху — да так высоко, что, даже задрав голову, я не смог разглядеть, где же эта стена красного света кончается!

Проклятье...

Не знаю, как они до этого додумались, но они защитились даже от такого способа проникнуть внутрь. Да, это были серьёзные ребята, и магия у них имелась такая же серьёзная.

На всякий случай я попытался продавить красные световые плоскости рукой, но пальцы уперлись во что-то твердое, будто я бетон пытался толкнуть. Попытки ковырнуть преграду

ножом тоже не увенчались успехом — он мог резать физические объекты, а никак не магические. И даже железный прут ограды не поддался клинку — скорее всего, потому что магическое поле окутывало их, скрывая в себе сильную и глубокую защиту.

Что ж, придется признать — у меня больше нет способов попасть в особняк. Через главный вход меня не пустят, через Изнанку я не могу проникнуть сам. И даже вариант с прыжком через стену при помощи шеста — не вариант, ведь магический барьер тянется на сотни метров вверх.

Я не стал больше маячить рядом с особняком и дожидаться, когда меня подловит охрана или тот франт, поэтому решил отступить. Что ж, пока Ванесса Тюудор осталась для меня недоступной.

Значит, самое время переходить к плану «Б». Более сложному, трудоемкому и авантюрному.

Подловить баронессу, когда она будет вне стен родового гнезда.

В отличие от плана А, план Б требовал намного более тщательной и продуманной подготовки, поэтому я развернулся и зашагал обратно к больнице.

Продолжать долбиться в непрошибаемый забор и уж тем более — в ворота, защищаемые сразу тремя противниками, было бессмысленно, а я бессмысленными вещами предпочитал не заниматься, потому что они... бессмысленны.

Азимут на здание больницы я держал уверенно и знал, что не заблужусь, поэтому решил вернуться каким-нибудь длинным кружным путем, чтобы рассмотреть город получше.

Торопиться мне некуда — лишние полчаса не сыграют никакой роли, а вот знать строение города, в котором я оказался, не на виртуальной картинке, а на деле — может пригодиться в будущем.

Мне в этом городе еще баронессу вылавливать предстоит.

Поэтому я шел в случайно выбранном направлении, откладывая в памяти все, что попадает на пути. Магазины, киоски, даже прячущиеся под деревьями лавочки и урны возле них — все отпечатывалось в моем натренированном сознании, занимало свои места, чтобы больше никогда не быть забытым. По крайней мере, до тех пор, пока я сам не решу забыть — как я это сделал с моим прошлым погибшим миром.

Минут через десять неспешного шага район богачей кончился. Это сразу стало заметно по тому, как резко возросла этажность окружающих зданий.

Если там, за спиной, остались низенькие особняки за высокими заборами, чаще всего, с личными участками-садами, то здесь все заполнили высокие свечки одинаково-серых домов. Девяти, двенадцати и даже — охренеть! — шестнадцатизэтажки торчали здесь, как разнокалиберные свечи на торте, разве что не горели.

Они стояли так плотно друг к другу, насколько это было возможно и, казалось, что с небольшой помощью, например, той же магии, можно перепрыгивать с одной крыши на другую.

Здесь было больше машин, но они, в отличие от района богачей, были попроще и погрязнее. Впрочем, как и люди, разве что люди не были грязными.

Если в районе богачей все напоминало своей атмосферой мою больницу, явно беря качеством, то район простых людей словно бы пытался сократить разрыв при помощи количества.

Сотни людей в разнообразной, но чаще всего тусклой и похожей одежде, двигались по тротуарам во все стороны сразу, как деловитые муравьи, каждый из которых делает доверенную ему строго определенную работу, но при взгляде сверху все это кажется безумным хаосом. Наверное, если посмотреть сверху, это и напоминало муравейник...

Магазины, кафе и места для развлечений тоже изменились.

Если в районе богачей это были отдельно стоящие здания, редко когда объединявшие даже два заведения в одном, то здесь они занимали первые этажи все тех же домов-свечек.

Ну еще бы — вряд ли кому-то захочется жить на первом этаже, когда любой прохожий может заглянуть к тебе в окно, просто привстав на цыпочки, а то и этого не делая. Вот и занимают эти неприглядные для проживания места тем, чему зеваки не страшны, а даже наоборот — на пользу. За просмотр денег, конечно, не берут, но просмотр может спровоцировать желание зайти перекусить или купить какую-то вещь.

Или сделать какую-то гадость, пользуясь тем, что в магазине есть люди...

И в последнем пункте я убедился на собственном опыте, когда витрина одного из магазинов на моем пути, буквально в двадцати метрах от меня, внезапно брызнула на улицу дождем стеклянных осколков, выпуская из себя огромный сноп пламени!

Громыкнуло так, будто мне прямо под ноги снова ударила молния, как уже было однажды!

Осколки стекла зазвенели по асфальту, дробно простучали по машинам, а из помещения магазина раздались крики и вопли. Вопли — болезненные. Крики — торжествующие.

А потом из расколотой взрывом витрины полезли люди в черном. Натурально во всем черном, и это даже нельзя было назвать одеждой, поскольку от одежды не могут тянуться вверх тонкие струйки дыма, будто испаряясь под действием солнца. Совершенно очевидно, что это была какая-то магия. Или доспех, или маскировка, или что-то еще, без собственной магии сказать трудно.

Зато что можно было сказать совершенно точно — именно эти шестеро были ответственны за то, что только что произошло. Мало того, что они торжествующе орали, так еще и один из них вытянул в сторону магазина руку, и та мгновенно вспыхнула красным. Прямо из пальцев ударила тугая струя пламени, поджигая все, что было внутри магазина!

Крики боли несчастных, попавших в огненную ловушку, стали громче, и я почувствовал, что теряю над собой контроль.

Кинжал сам собой стусился в руке, я вспорол пространство, пробежал через Изнанку разделяющие нас двадцать метров, вывалился прямо рядом с ближайшим противником, застывшим в этом времени, как и все остальное, и с размаху всадил клинок ему в спину, прямо в сердце.

Все же это доспехи...

Всережущий нож снова не справился с магией, и острие скользнуло по черному дыму, вырвав из него несколько дополнительных струек, но и только. Зато носитель черного доспеха обратил на меня внимание, повернул в мою сторону сначала голову, а потом поднял руку, направляя на меня сложенные пистолетом пальцы. Я не стал ждать, что произойдет, а резко присел, кругнувшись вокруг своей оси, и низкой подсечкой выбил ноги из-под противника.

Броня броней, но не приклеивает же она их к поверхности!

Нет, не приклеивает — черный полетел на асфальт, так и не успев ничего сделать и ничем выстрелить. Я поднялся, лихорадочно соображая, что же с ним делать. С ним и его броней, против которой — очевидно! — поможет только магия.

К счастью, у меня есть какая-никакая магия — тот самый жезл, который я отобрал у гопников в подворотне. Хрень, конечно, но лучше, чем ничего.

Но только я потянулся к жезлу, как мне на помощь пришла другая магия. Настоящая. И, конечно же, не моя.

Откуда-то сбоку громыкнуло, и мимо меня по асфальту пробежала тонкая ветвистая полоска голубого свечения, будто бы молния сверкнула! Она уткнулась точно в руки стоящего на четвереньках и пытающегося подняться черного, снова сверкнуло, снова грохнуло и его отбросило в сторону, будто его слон пнул!

Остальные обернулись на грохот, дружно посмотрели куда-то мне за спину, что было очевидно даже несмотря на то, что вместо лиц у них тоже были черные дымные маски, а потом резко исчезли с места и появились пятью метрами дальше. Возникли в странных

позах — словно пытались бежать, но их привязали за пояса к невидимой стене.

— Ну уж нет! — раздался у меня за спиной сильный хриловатый голос. — Так просто вы не отделаетесь!

Позади меня стоял высокий седой старец в серо-красном длинном плаще с закатанными рукавами и в круглых оранжево-красных зеркальных очках. На ногах у него были высокие сапоги с пластиковыми вставками, на руках — перчатки, тоже с защитными элементами.

Совсем не старческий наряд, да и вообще ничего, кроме седых волос, зачесанных назад и седой же бородки, сросшейся с усами и прячущей под собой рот, не давало даже намека на то, что этот мужчина на самом деле старец.

Зато сразу было понятно, что он маг.

Он поднял вверх руки, а потом резко сжал их в кулаки, и вокруг нас появилась яркая магическая стена, так похожая на то, что я видел в особняке Тюудор. Она замкнулась в кольцо, внутри которого оказался старец, я, черные и дом, в котором находился магазин.

Черные возле самой границы принялись колотиться в нее различной магией, яркие вспышки которой я различал даже на таком расстоянии, а сам старец сделал шаг, покрыв им разделяющие нас десять метров (упрощенная телепортация, надо полагать, местная вариация) и обратился ко мне:

— Ты как, сынок? Цел?

— В порядке, — ответил я. — Помощь нужна?

— Спасибо, уже помог, — без усмешки, серьезно ответил маг. — Тем, что задержал их и отвлек внимание на себя, позволив мне подобраться поближе.

— Ну, раз помощь не нужна... — Я кивнул на магазин, из разбитой витрины которого до сих пор вырывалось пламя пополам с дымом. — Тогда я займусь теми, кто остался внутри.

— Отличная идея. — Маг кивнул. — Буду тебе очень благодарен, потому что мне заняться этим они явно не позволят.

— Кто они? — Я посмотрел на черных.

Они перестали долбиться в стену и теперь снова развернулись к нам.

— Троттлисты, — коротко, но с нескрываемой ненавистью в голосе ответил маг и ударил кулаком в кулак, отчего его руки вспыхнули сразу двумя цветами магии, левая черным, а правая — красным.

Круче этого было бы только на каждый палец свою магию повесить, но это чревато запутыванием потоков и последствиями, которые невозможно не то что предсказать, но даже и представить. Я знаю — я пробовал.

Короче, это был крутой маг.

Без дураков, крутой, и действительно имеющий все возможности к тому, чтобы победить даже впятеро превосходящие силы противника. Поэтому я без зазрения совести оставил его и снова взялся за нож, открывая проход в Изнанку.

Несколько коротких секунд ледящего холода — и я, перепрыгнув через основание разбитой витрины, оказался внутри магазина.

Как я и думал, здесь произошел взрыв. И произошел он буквально в центре зала, когда-то заставленного манекенами и вешалками с одеждой. Сейчас же большинство манекенов, разорванные на куски, валялись по углам помещения, чадя черным жирным дымом, а одежда тлела и горела.

То есть, это там, снаружи, все происходило, а здесь, в Изнанке, эти процессы

остановились во времени — клубы дыма и языки пламени не двигались, не душили и не обжигали, я даже умудрился потрогать всполох огня, почувствовав легкое сопротивление, словно пытался поймать в ладонь паутинку.

Пользуясь всем этим, я быстро, пока мертвенный холод Изнанки не вытянул из меня последние жизненные силы, осмотрел магазин и нашел троих выживших. Все — женщины среднего возраста, одна из которых нашлась за стойкой зоны касс, вторая — в примерочной, заблокированная стеной пламени, а третья — почти возле входа, придавленная двумя манекенами.

Я начал с той, что была заблокирована в кабинках для переодевания. Прошел сквозь стены застывшего пламени, словно через густой туман, вспорол пространство и вышел в реальный мир.

Горло тут же ободрало сухим горячим воздухом, а кожу обожгло жаром, особенно злым на контрасте с холодом Изнанки. Глаза мгновенно заслезились от дыма, но я успел заметить, что женщина в примерочной уже почти отключилась — она стояла, привалившись к стене и медленно сползала по ней.

Так даже лучше.

По крайней мере, она не увидит того, что произойдет дальше.

Я подхватил ее под руку, как раненого бойца, она зашевелилась, но я рявкнул:

— Спокойно, спасатели! Не шевелиться, закрыть глаза!

Кажется, она плохо меня понимала — по крайней мере, вместо того, чтобы закрыть глаза она, наоборот, распахнула их еще шире. Тогда я нагнулся, поднял с пола одну из тряпок, которую, наверное, она тут применяла, накинул ей на голову и только после этого снова открыл проход в Изнанку.

Женщина вяло сопротивлялась, но я просто потащил ее за собой через холод, через застывшее пламя и призрачный дым. Дотащил до улицы, открыл новый разрыв и вытолкнул ее наружу, а сам остался внутри.

Похожим образом я вытащил двух оставшихся женщин, и под конец всей этой операции у меня даже кончики пальцев и мочки ушей онемели и стали на ощупь как будто стеклянными.

Возникло желание на минуту выйти из Изнанки в горящем магазине, чтобы погреться, но я отмел ее, и, перебежав через дорогу к застывшему, как и все остальное, магу, вышел из разрыва у него за спиной.

За те полминуты, что я спасал женщин, маг тоже справился со своей задачей. Все пятеро противников лежали на асфальте, где-то заливая его кровью, где-то — нет, но ни один из них не двигался, не орал и уж тем более не пытался выкинуть какой-то магический фокус.

Сам маг был цел, только глубокая царапина на лбу появилась, и плащ в нескольких местах обтрепался и обгорел. Он меня будто почувствовал — развернулся на месте, едва только я вышел из разрыва.

— Как ваши успехи, молодой человек? — поинтересовался он, сбрасывая с пальцев оставшиеся яркие капельки магии.

— Как и у вас. — Я указал глазами на черных. — Только чуть поменьше.

— Ну так вы и помоложе, чем я, — усмехнулся маг. — Тем страннее, но, признаюсь, приятнее наблюдать такое стремление помочь. Я же с первой секунды наблюдал за вами, за тем, как вы накинулись на троттлистов, в то время, как все остальные наоборот бежали

прочь от взрыва. Что вами двигало в тот момент?

— Рефлекс. — Я пожал плечами. — Я как-то не думал о том, что можно по-другому.

— Похвально-похвально, — степенно кивнул маг. — И вы, как я понимаю, маг? Со склонностью к телепортации? Планируете поступать в Академию, надо полагать?

Так, Академия у них — это школа магов, после которой любой, кто ее окончит, получает дворянское звание, но и всяких обязанностей тоже до кучи.

И это единственный способ для случайного магического самородка, не из знатного рода, выбиться в люди и вывести в свет свою семью, но при этом не все оказываются достаточно сильны, чтобы пройти вступительную комиссию, не все оказываются достаточно терпеливы, чтобы закончить обучение, а в совсем редких случаях маги даже не собираются поступать в Академию.

Я, конечно, относился к последним — нахрена мне эта Академия, когда я сам легко могу основать свою Академию в этом мире (ну, когда верну себе способности, конечно) и через год их собственная Академия закроется за отсутствием учеников.

Но вслух я ответил другое.

То, что ответили бы девяноста девять из ста опрошенных магически одаренных подростков этого мира:

— Да, конечно. Жду не дождусь, когда можно будет поступить в Академию.

— Это хорошо, это правильно, — снова кивнул старец. — Такие одаренные и преданные делу маги всегда в большом дефиците и большой цене. Рад был повидаться с вами и еще больше рад был сражаться с вами плечом к плечу, а сейчас идите. Если, конечно, у вас нет желания пообщаться еще и с полицией, которая вот-вот будет здесь.

Общаться с полицией у меня не было ни малейшего желания, поэтому я кивнул старцу, развернулся и пошел прочь, возвращаясь к больнице.

Вот я и познакомился с магами этого мира.

Вчерашние гопники не имели в себе ни капли магии, они только артефактом пользовались, а этот вот — настоящий. Использует несколько цветов (как я сам называл типы магии, поскольку именно так — цветами, — и видел их), мастерски управляет потоками маны и в одиночку может раскидать пятерых противников.

Он не был так уж силен. Против меня в мои лучшие годы таких понадобилось бы трое, а то и четверо, но он был, как минимум, опытен и собран. Одного этого было достаточно, чтобы он уже имел преимущество над черными, что запаниковали при одном только его появлении.

А еще я заметил, что у него не было никакого оружия.

В моем мире боевой маг в первую очередь был боевым, а уж потом — магом, и поэтому наличие при себе оружия было само собой разумеющимся. Можно попасть в мертвую зону, можно отравиться скралгом, лишившись магии до тех пор, пока отравы не выйдет из организма, мало ли что еще может произойти...

Похоже, у них тут таких проблем нет.

Я дошел до больницы, предъявил пропуск, поймал на себе несколько заинтересованных взглядов, адресованных правда не лично мне, а моей местами обгоревшей и запачкавшейся одежде, поднялся на свой этаж и первым делом сходил в душ, вымывая из тела и волос въевшийся запах дыма. Затем, не одеваясь и даже не вытираясь, сел в кресло и включил компьютер.

Следующие полчаса прошли в поисках и сборе информации о Ванессе Тюудор.

Где ее видели, как ее фотографировали, когда происходили разные важные события с ее участием. Информацию о ее путешествиях за границу и даже в другие города я тут же отбрасывал, как несущественную — никуда за пределы города я соваться не собирался. Оставлял только то, что касается столицы, набрасывая точки на виртуальную карту и постепенно сужая круг интересов.

И продолжалось это до тех пор, пока в дверь не постучались. Хорошо знакомым мне образом — тихо-тихо, неуверенно-неуверенно.

Я выключил монитор, встал с кресла, подошел к двери и открыл ее. Джулин, которая в кои-то веки смотрела не в пол, а аж на мою грудь, чуть улыбнулась:

— Добрый день, я...

А потом ее взгляд уже привычно скользнул чуть ниже и она резко смолкла. Смолкла и залилась такой яркой краской, что стала похожей на помидор.

Я проследил за ее взглядом и понял, что её так смутило — я ведь так и не оделся после душа. Хотя Джулин это, конечно, хорошо, вот только она не поможет мне в вопросе возвращения моей магии — у нее и своей-то ни капли нет.

Так что надо возвращаться к своему плану насчёт баронессы, а для этого понадобятся деньги и кое-что ещё...

Я отошел в сторонку, делая приглашающий жест рукой:

— Заходи. Я на минутку.

И, пока девушка, пряча глаза так старательно, что я всерьез начал волноваться, как бы она не споткнулась о порог или не впечаталась в стену сослепу, проходила в палату, я, не торопясь, прошел в душ и оделся.

Исключительно для того, чтобы не смущать бедняжку, которой сейчас явно даже простенького вопроса не задать — она его просто не услышит.

Милая девушка, что ни говори.

Чем-то напоминает Крону — мою спутницу в пустынях Кабанды, которая одновременно была еще и любовницей и проводником. Правда та малышка только казалась тихой и стеснительной, на деле же она была одним из членов местной лиги убийц, причем вращалась в самых высших кругах этого общества... Но свою маску стесняшки и тихони она настолько привыкла носить, что даже наедине с теми, кто прекрасно знал, какая она на самом деле — не снимала ее. Она даже меня по первой поре умудрилась обмануть. Ненадолго, конечно, но это все равно что-то да значит.

Интересно, может ли Джулин тоже быть какой-то засланкой, которая на самом деле — вовсе не та, кем кажется мне?

Технически может. Но зачем? Чтобы убить меня? Так я в этом мире никто, и выделяюсь лишь тем, что первый и пока что единственный во всем мире встал из гроба.

Выяснить у меня какую-то информацию? Так я ничего не знаю, в буквальном смысле.

Просто следить? Есть много более простых способов — те же камеры, например. Да и не вижу я в милой медсестре реальной угрозы. В Кроне видел или как минимум чувствовал, с самой первой секунды нашего знакомства, ощущал какие-то минимальные несовпадения ее движений, жестов, мимики. В Джулин — определенно, нет.

А вообще, если уж на то пошло, то я думаю не о той женщине.

Единственная, кто сейчас реально заслуживает моего внимания — это баронесса. Женщина, которая в данный момент для меня важнее любых любовниц, как прошлых, так нынешних и даже будущих... И это даже несмотря на то, что я ее никогда в жизни не видел.

Не думаю, что люди здесь так уж сильно отличаются от людей моего мира, а значит, чтобы попасть туда, где проводит свое время баронесса, и, возможно, даже найти ее, мне понадобятся деньги.

И в этом плане то, что я... хм... «сблизился» с Джулин — это даже хорошо. То есть, это в любом случае хорошо, но, помимо прочего, это мне может еще и помочь. Ведь с помощью стеснительной медсестры я могу сделать то, что мне не нужно было бы делать, если бы выгорел мой план с визитом в особняк, но что крайне нужно теперь.

— Джулин, солнышко... — обратился я к девушке. — Скажи, а где мои вещи?

— Так вот же. — Джулин кивнула на приоткрытый шкаф, в котором виднелась больничная одежда.

«А гвозди? Так вот же они!»

— Нет, ты не поняла. — Я улыбнулся. — Вещи, в которых я поступил в больницу. Ну, в самый первый раз, еще до всей этой истории. Надеюсь, их не уничтожили, не сожгли?

— Поняла! — Джулин глянула через плечо и кивнула. — Нет, они целы. Их должны

были забрать следователи после похорон... Ой...

Она запнулась и зарделась по своей привычке — ей явно не хотелось заканчивать фразу.

— Но так как похорон не было, никто ничего не забрал, — закончил я. — Правильно?

— Да... Они тебе нужны?

— Спрашиваешь! Конечно, нужны.

— Я принесу. — Джулин улыбнулась. — Могу прямо сейчас, если надо.

— Ты просто чудо. — Я улыбнулся тоже. — Было бы очень здорово.

— Тогда я сейчас! — Джулин застегнула пуговку на халате, одернула его и выскочила за дверь.

Я же принялся за обед, который уже успел наполовину остыть, даром что был накрыт пресловутыми железными колпаками.

Проклятье, я ведь так привыкну есть полу-холодную еду. Хотя, конечно, в предыдущей жизни, в предыдущем мире, мне чего только не приходилось есть, по сравнению с чем даже остывшая больничная еда будет божественными нектаром. Чего только стоят живые скорпионы все в той же пустыне, которых меня научила безопасно для здоровья ловить все та же Крона. Штука оказалась именно в том, что есть их надо живыми и сразу целиком, держа за ядовитое жало, поскольку, как только скорпион умирает, мышечный мешок с ядом в его хвосте расслабляется и яд практически моментально распространяется по всему телу, делая его несъедобным. Короче, тот еще опыт. Уж лучше полу-холодная больничная еда.

На обед была тарелка странного, но потрясающе вкусного даже в едва теплом виде красного супа, в котором угадывалась капуста, свекла и огромные куски мяса, и тоже красный кислый салат из моркови, картофеля и соленых огурцов и все той же свеклы. У них тут что, праздник какой-то, день свеклы сегодня? Но вкусно, надо сказать. Освежающе.

Джулин вернулась практически одновременно с тем, как я доел последнюю ложку. Она положила на кровать полиэтиленовый пакет далеко не самых крупных размеров, взяла за ручки тележку, и, мило улыбнувшись через плечо (и куда только девалась вся стеснительность?), вышла вместе с ней из палаты. Конечно же, закрыл за собой дверь — она же умница.

Я же принялся за осмотр пакета. Или, вернее сказать, просто взял его за уголки и перевернул, вытряхивая все содержимое на кровать.

Больше всего места занимала одежда, а, точнее, то, что от нее осталось. Черная футболка и синие штаны из грубой ткани, здесь называемые «джинсами», были криво разрезаны сразу в нескольких местах, так, что больше напоминали набор ленточек, нежели предметы одежды. Кроме того, они были еще и обуглены кое-где, словно в них попали какие-то раскаленные частицы. Я видел похожие повреждения на одежде, но они были обусловлены брызгами горячей смолы от огромных пылающих шаров, которые запускали в атакующие порядки с требушетов... Но здесь-то откуда им взяться?

Я долго смотрел на эти отверстия с обугленными краями и никак не мог ухватить ускользающую мысль, которая вертелась где-то на задворках сознания, а потом просто взял да и положил одежду на кровать, собрав ее снова так, как она сидела бы на мне.

И все стало понятно.

Обугленные отверстия пришлись точно на те точки, где мановоды проходят ближе всего к телу — обе ключицы, сердце, внешние части коленей и выпирающие косточки на подъемах стоп, там, где они соединялись с голеньями.

Если до этого какие-то сомнения в том, что баронесса причастна не просто к смерти

предыдущего владельца этого тела, но и в отсутствии магии — то теперь они полностью исчезли. Заодно это опровергло теорию о том, что это тело изначально не обладало магией — если бы это было так, то у него не было бы и мановодов, с которыми так точно совпали проплавленные дырки на одежде.

Магией тело обладало точно, но теперь мановоды по какой-то причине оказались заблокированы, перекрыты, что нарушало естественную циркуляцию маны по организму, и, как следствие — не давало пользоваться магией.

При этом чужую магию я продолжал видеть, то есть, моя собственная магия все еще при мне. Просто она не отзывается, не слушается меня.

В моем прежнем мире существовал только один известный человечеству способ добиться похожего эффекта — надеть на мага ошейник из специального сплава, висланита. И то, как выяснилось уже много позже того момента, когда их стали применять — он не блокировал мановоды, он перекрывал сигналы от мозга к мановодам, не нарушая при этом естественную циркуляцию маны.

По сути — тоже не давал пользоваться магией, но при этом ощущение маны в теле никуда не пропадало. Примерно как руку отлежать — она не двигается и не слушается, но ты прекрасно знаешь, что она осталась при тебе и никуда не исчезла.

Я это знаю, поскольку мне и ошейник потаскать на своем веку доводилось, да. Помнится, тогда меня спасло лишь то, что я вспомнил, что висланит — очень хрупкий сплав, и просто разбил его, а сейчас...

А сейчас разбивать просто нечего.

Да и ощущения, если честно, прямо максимально непохожи на то, что я испытывал тогда. Если бы я был простым человеком, лишенным магического дара, то, возможно, сравнил бы ощущения именно с этим, но я совершенно точно этого дара не был лишен и никогда не был лишен, как и любой другой маг. Нельзя стать магом, им можно только родиться вследствие случайной, достаточно редкой, мутации, поэтому маг и не способен понять, как это — жить без магии, как не способен слепой понять, чем красное яблоко отличается от зеленого.

Насмотревшись на одежду, я снова сел за компьютер и принялся искать все, что известно этому миру о магии. Спустя полчаса и несколько десятков закрытых вкладок, я пришел к неутешительному выводу — в этом мире нет даже висланита, или, по крайней мере, о нем не знают, и уж тем более нет никаких способов лишить другого человека магии.

По крайней мере, таких способов, о которых писали бы в общедоступных источниках.

Возможно, в кулуарах всех этих дворянских родов, в закоулках баронских имений были какие-то свои семейные секретные техники и тайные знания, но до них добраться пока что возможности просто нет.

Да и вообще здесь с магией знакомы не то чтобы хорошо — сказывается то, что в отличие от магов моего родного мира, которые веками изучали ману, ее суть и управление ею, здесь все это изучают всего-то двести лет.

Здесь уже построили теорию мановодов и манохранилищ, уже поняли принцип разделения маны по типам, но пока еще не написали никаких руководств к их усилению, к их... скажем так, «тренировке».

Здесь пока что обходились оттачиванием техник путем многократных повторений на тренировках с целью уменьшить манорасход, но совсем не занимались увеличением запаса маны — просто не знали как. И уж тем более здесь не добрались до разделения магии по

цветам, хотя первый слой магического зрения уже научились «натягивать» на глаза.

В общем, магия здесь не достигла и половины того, чем обладал я в своей прошлой жизни, а уж какая-то расфуфыренная баронесса-недоучка, пусть и в теории — гениальный гений, — лишившая мое тело магии... Ну, вообще звучит абсурдно.

Понятия не имею, как все это произошло, но одно очевидно — разобраться с этим мне поможет только та, кто все это и заварил.

Она одна расскажет, что конкретно со мной сделала, и, возможно, тогда я придумаю, как вернуть контроль над магией.

В джинсах обнаружился кошелек. Он явно попал под ножницы или чем там одежду срезали, поскольку у него был отрезан уголок, но внутреннему содержанию это, к счастью, не повредило.

В кошельке имелось двенадцать соло и два мили, и я понятия не имел, много это или мало — видимо, знание цен этого мира не входило в тот пакет, что Громов запихнул в мою голову вчера. А гуляя по городу, я, конечно же, не удосужился посмотреть на его цены — мне это просто было не нужно на тот момент.

К счастью, компьютер решил и эту проблему тоже, и буквально через пять минут поиска по сети и сравнения информации я пришел к выводу, что в кошельке моем денег примерно хватит на сытный ужин в приличном ресторане. Например, в том, в котором одна известная мне баронесса отказалась платить по счету — я специально первым делом нашел именно его в расчете на то, что мадам посещает заведения именно подобного класса и уровня цен.

А потом, немного поразмыслив, я понял, что мне, в общем-то, и по ресторанам ходить не нужно, и деньги не особенно нужны. Потому что весь мой план по поиску баронессы в городе по всяким значным местам не нужен был тоже.

Можно сделать все намного проще.

Ведь баронесса в том ресторане, о котором рассказывалось в новости, проводила время не просто так — она отмечала свое поступление в Академию магии! В Академию, в которую берут всех, кто проявляет склонность хотя бы к какой-то магии, чтобы в будущем воспитать из них настоящих, всесторонне развитых, магов.

И, как показала практика, я вполне могу выдать себя за магически одаренного.

В смысле, за полноценного магически одаренного, не искалеченного.

Если уж даже такой сильный маг, как тот дедуля, что в одиночку раскидал пятерых троттлистов, не заподозрил никакого подвоха и не заметил кинжала в моей руке, решив, что я владею телепортацией, то приемную комиссию обмануть-то я точно смогу.

Сомневаюсь, что там будут сидеть хотя бы вполовину такие же сильные маги, как тот старик. Как я понял, его уровень — это вообще чуть ли не венец магического развития этого мира.

И что самое интересное — у меня есть еще два дня на то, чтобы пройти вступительный тест в Академию и попасть в нее. А там уже все будет проще пареной репы, ведь Академия — это закрытое учреждение, работающее по принципу пансионата, и у студентов есть только один день в неделю, который они могут провести за его стенами.

А что это значит?

А это значит, что остальные шесть дней у молодой баронессы просто не будет возможности никуда от меня деться, даже если захочет. Зато если бы я продолжал придерживаться прежнего плана, получилось бы, что мои шансы встретить ее в каком-то

злачном месте снизились бы в семь раз, а это совсем не здорово.

Так что решено — буду поступать в Академию.

Быстренько добуду из баронессы нужные мне сведения, а потом как-нибудь свалю из школы. Придумаю что-нибудь, что там нужно, чтобы тебя отчислили? Достаточно стекло разбить в аудитории или надо ректора в жабу превратить? Ладно, разберемся.

Я откатился на кресле от компьютера и взял в руки последний предмет, что остался на кровати — телефон.

Нажал на кнопку, экран засветился, но телефон остался заблокированным. Пишет: «Приложите палец».

Я приложил палец к экрану, и тот приветственно моргнул. Батарейка была почти полная, что логично, ведь кроме меня никто не мог разблокировать телефон... По крайней мере, никто из тех, кто побрезгует трогать труп ради такой мелочи.

Я принялся копаться в телефоне, но там информации был самый минимум, если не сказать — информации не было вообще. Складывалось ощущение, что это какой-то ненастоящий телефон, не мой собственный, а вроде как «одноразовый», взятый только из-за того, что его можно потерять и он никуда и ни к кому после этого не сможет привести.

В информации о владельце — пусто.

В журнале звонков — только два исходящих на номера, не записанные в памяти. При этом, когда я попытался позвонить по обоим, мне заявили, что «номер не обслуживается». Телефон имел выход в сеть, но история браузера была пуста, будто никто и никогда этой возможностью не пользовался.

И только когда я открыл галерею с фотографиями — все встало на свои места.

Здесь были те самые фотографии, о которых говорил Векс в подворотне — фотографии голой баронессы. Не знаю, как именно предыдущий владелец этого тела сделал эти снимки, подловив баронессу в окне ее же собственного имения, да еще и такие четкие и крупные, но он их сделал.

Полтора десятка отлично сделанных фотографий того, как стройная и фигуристая баронесса крутится перед зеркалом, вставая в разные соблазнительные позы и явно любуясь собой. А потом еще одна — как она бросается к окну с перекошенным лицом.

Я заблокировал телефон, чувствуя, как на лицо наплывает улыбка. Сразу по двум причинам.

Во-первых, я полюбовался красивой обнаженной девушкой.

Очень красивой. Она напомнила мне ещё одну мою бывшую пассию. Такие же рыжие волосы, такой же надменный взгляд и такая же роскошная фигура. Я добивался той девушки долго, но это стоило того, и сейчас, думая о том, что она погибла вместе с моим старым миром, на меня накатывало щемящее чувство потери. И в то же время, видя эту баронессу на фотографиях, я был уверен, что пошёл по правильному пути.

Ну, а во-вторых, в голове уже созрел план, как мотивировать баронессу помочь мне в моих изысканиях.

Первым делом я начал искать информацию об Академии там же, где нашел всю прочую — в Сети.

С непривычки от монитора немного болели глаза, но я продолжал открывать и листать вкладки браузера, изучая всё, что касается этого учебного заведения.

Академия, в смысле Академия магии, в Виате была единственной — монополист, так сказать. Она существовала без малого полтора века и была основана еще самыми первыми магами, которые, познав тонкости и опасности магии на собственной шкуре, передавали свой опыт тем, кто только-только открыл в себе магические способности.

А они, надо сказать, не у всех проявлялись сразу.

В отличие от моего мира, здесь не существовало никакой методики проверки новорожденных на магический дар, да и подходящих артефактов для этого явно не создали, поэтому людям приходилось лишь ждать, когда с ними произойдет что-то необычное, что можно списать на проявление магического дара, и только после этого идти на вступительные экзамены в Академию.

У кого-то это происходило раньше, у кого-то — позже. Некоторые открывали в себе магию уже в преклонном возрасте и тогда, конечно, ни о каком обучении уже и речи не шло. Другим везло больше, и они понимали, что обладают магией в более раннем возрасте и в особенности это касалось аристократических родов.

Что интересно — чаще всего люди обнаруживали в себе магические способности в момент какого-то крайне серьезного стресса или потрясения иного рода, например, во время серьезного ДТП, падения с высоты и других ситуаций, в которых без магии ну просто не выжить.

И, если эту статистику наложить на другую статистику — как часто и в каком возрасте проявляются способности у отпрысков знатных родов, напрашиваются интересные выводы.

Трудно представить, что какая-нибудь там холеная баронесса или герцогиня в возрасте семи или десяти лет попадет в смертельную опасность (а между делом именно эти возраста отмечались как самые частые), так что вариант оставался только один — в застенках родовых поместий из мальчиков и девочек специально «вытаскивали» магию, подвергая их различным испытаниям.

Каким именно, конечно же, Сеть мне не ответила, да и сами по себе домыслы на эту тему домыслами и остались — кто же будет такую информацию выносить на всеобщее обозрение? — но я был уверен, что именно так все дело и обстоит.

Магия всегда имеет свою цену.

А в случае, когда «обладать магией» равно «обладать властью и статусом» эта цена может достигать заоблачных значений. Так что нет ничего удивительного и в том, что периодически я натыкался на новости о том, что отпрыск какого-то богатого рода «внезапно» скончался задолго до своего девятнадцатилетия — того самого минимального возраста, когда Академия принимает соискателей на экзамен.

Хотя от «экзамена» там одно только название.

Уж скорее это какие-то смотрины.

В отличие от «инициации» как здесь называют момент, когда в потенциальном маге просыпаются способности, на экзамене никакой смертельной опасности для абитуриента

нет. Он просто должен показать приемной комиссии, что действительно обладает способностями, которые он заявил, а их задача — определить, что это была не иллюзия, не фокус и не какой-то хитрый трюк, а действительно проявление магии.

Самый простой способ — это просто посмотреть на выброс магической энергии в процессе самого действия, но, согласно некоторым новостям, уже устаревшим, находились умники, которые умудрялись имитировать и это при помощи определенного галлюциногенного вещества. Они украдкой распыляли его в воздухе, чем вводили приемную комиссию в заблуждение, и один раз это даже привело к тому, что обманщика зачислили в Академию.

Правда, потом отчислили.

На что он вообще надеялся — лично я не знаю. Какие цели преследовал — понимаю, получить дворянский титул только лишь за то, что отучился в Академии. Но вот как конкретно этот человек собирался закончить Академию, когда он сам прекрасно понимал, что не обладает магией — оставалось загадкой.

То, что он не сможет учиться, стало очевидно на первом же занятии, когда он не смог повторить простейшую, элементарнейшую технику повышения температуры объекта, а когда у него кончился его галлюциноген, стало очевидно, что у него вообще нет ни капли магии.

И, кстати, это может стать проблемой и для меня. У меня-то тоже магии нет. И на самом деле, ситуация даже еще хуже — у моего кинжала тоже нет «магического фона», по крайней мере, такого, что можно увидеть со стороны.

Это простенькие дилетантские артефакты вроде того, что против меня пытался применить Векс, фонят в окружающий мир при срабатывании, исторгая из себя часть заложенного в них заряда магии.

Но мой-то кинжал не такой.

Та сторона, которая режет материю, вообще не имеет никакого отношения к магии — это просто неразрушимый сплав, не заточенный, но изначально созданный острым в идеальном смысле этого слова. Здесь, в этом мире, сказали бы, что лезвие моего кинжала толщиной в одну молекулу и тут же заявили бы, что он должен тупиться даже об воздух, но они не знают про мой кинжал, поэтому и говорить ничего не будут. А то, глядишь, их бы еще инфаркт хватил, когда узнают, что на самом деле мой кинжал не затупится, даже если я им буду целый день железные сваи строгать.

А что касается второй половины, которая режет проходы между мирами — она как раз работает с магией, ведь иного способа открыть этот проход просто не существует. Но в этом и кроется основная загадка — фиолетовое лезвие исторгает магию не в этот мир, оно исторгает ее между мирами, организуя разрыв. Что автоматически означает, что увидеть ее жителям этого мира просто не дано — для них ее нет.

Вот и получается, что я могу продемонстрировать приемной комиссии «фокус» с мгновенной телепортацией, но для них он так и останется фокусом, если только не найдется что-то еще, что-то сверх этого, что-то, что убедит их в обратном.

В другой ситуации я бы просто вызвал любого из приемной комиссии на тренировочный поединок и без труда одержал верх, но сейчас ситуация явно не «другая». Пафосные аристократы, из которых состоит приемная комиссия (а больше ей состоять просто не из кого, ведь все маги — аристократы) просто откажутся возиться с плебеем и тогда уж точно плакало мое поступление.

По большому счету, внешние проявления магии тоже не были определяющим фактором,

поскольку в каких-то случаях их выброс был минимален, а в каких-то, особенно в случае тех, кто демонстрировал способности к синей пространственной магии, он происходил очень быстро и след был «растерт» на протяжении всего перемещения мага. Это тоже затрудняло его отслеживание.

Нередко в таких ситуациях соискателя принимали в Академию просто на основании того, что он — отпрыск знатного рода, если, конечно, он таковым являлся. Без дополнительных проверок, по сути, на веру. Показывает чудеса, недоступные простым людям, плюс является сыном-внуком какой-нибудь магической шишки, возможно, даже, одного из тех, что сидит в приемной комиссии — значит, точно маг. Берем.

С плебеями, к числу которых явно относился в этом мире и я, никто миндальничать не будет.

Не можешь доказать магию — нахер с пляжа.

Короче говоря, придется импровизировать, поскольку уже завтра хорошо было бы разобраться с приемной комиссией. Послезавтра уже и учебный сезон начнется, и надо, чтобы он начался и для меня тоже. Профукаю этот шанс и что тогда — целый год ждать? Или пытаться выловить баронессу в городе в единственный выходной, когда студентов выпускают за стены? Так себе идея. Можно год провозиться, и так и не встретиться с ней.

В поисках информации об Академии я провел весь день, до самого вечера. Уже привезли ужин — в этот раз почему-то не Джулин, а незнакомая мне девушка, я поужинал и продолжил свои поиски. В конечном итоге, когда я выяснил все, что хотел, за окном уже было темно, и больница давно погрузилась в сон. Я решил тоже как следует отдохнуть, лег спать и моментально уснул.

Только-только солнце вышло из-за горизонта, а в мою дверь уже настойчиво стучался Громов, напоминая, что у нас сегодня продолжение сеанса восстановления памяти.

Само собой, я пошел с ним — авось моя память действительно расшевелится и я наконец узнаю что-то о личности предыдущего хозяина тела. А то забавно будет, если приемная комиссия спросит, кто я такой... А я даже фамилию свою не назову.

Впрочем, фамилию мне подсказал и сам Громов, и волею судьбы она тоже была на Г — Грауберг. Вместе мои новые имя с фамилией звучали так грубо и сложно, что я твердо решил когда-нибудь поменять что-то из них, а, может, и то и то сразу. Но потом.

Пройдя за Громовым в уже известную комнату, я сел в уже известную машину и снова отключился.

Когда я снова пришел в себя, Громов довольно потирал руки и смотрел на меня, как кот на сметану.

— Сколько на этот раз? — поинтересовался я.

— Три часа! — ответил довольный Громов. — И мы закончили! Сейчас в вас вложено все, что мы только могли вложить! Как самочувствие?

— Без изменений, — посетовал я. — О себе я так ничего и не вспомнил.

— Что ж, печально, — приуныл Громов. — Но эффект может оказаться накопительным, так что пока что не будем делать поспешных выводов! Результат может появиться уже к вечеру, так что подождем.

— Подождем, — согласился я. — А теперь я могу идти?

Попрощавшись с доктором, я проглотил завтрак, который дожидался меня в палате, и вышел из больницы, направляясь в сторону приемной комиссии Академии.

Ее каждый раз располагали в разных местах, поскольку владельцы любого здания и

любого помещения из кожи вон лезли, чтобы комиссия расположилась именно у них — ведь это такой крутой рекламный ход, да еще и бесплатно!

И в этот раз приемная комиссия располагалась в здании буквально вплотную стоящем к богатому кварталу... Впрочем, скорее всего, она каждый раз располагалась в подобном здании — если не в самом квартале аристократов, то близко к нему, положение не позволяет уютиться в каком-нибудь подвале с клопами, что вы, что вы...

Часы показывали уже далеко за полдень — сказывалась задержка, которой подверг меня Громов. Ничего страшного в этом не было, ведь приемная комиссия работала аж до трех часов дня, поэтому я и не торопился.

Даже если бы Громов не задержал меня со своей машиной, которая все равно не сработала так, как он надеялся, я бы не поперся на суд неизвестных мне людей с утра пораньше.

Во-первых, с утра там наверняка целая толпа таких же желающих поступить, как и я, которые треплют нервы себе и другим, во-вторых, сами члены приемной комиссии вряд ли в добром расположении духа — не проснулись еще, ну а в-третьих — чем больше времени на часах, тем больше их усталость и желание поскорее со всем этим покончить.

Внимание рассеивается, порог требований снижается и вот это вот все. Я за свою жизнь сдавал множество экзаменов и везде всегда все шло по одному сценарию. С чего бы сейчас быть по-другому?

Когда я подошел к зданию, в котором в этом году располагалась приемная комиссия, перед ним никого не было — я снова оказался прав. Все, кто хотел попытать счастья именно сегодня — уже его попытали и ушли прочь. К тому же, сегодня предпоследний день работы приемной комиссии в принципе, и все, кто хотел — давно уже прошли свой экзамен.

Сегодня могли бы прийти только те, кто по какой-то причине не смог явиться раньше.

Например, в гробу лежал.

Приемная комиссия расположилась в отдельно стоящем одноэтажном магазинчике, вывеску которого даже не стали снимать — только спешно завесили тканью, надпись на которой гласила, что здесь располагается «Приемная Комиссия Академии Магии». Большие панорамные окна также были занавешены изнутри, так что разглядеть, что происходит внутри, было невозможно. И, так как никого перед зданием видно не было, я подошел к двери, распахнул и шагнул внутрь.

В нос сразу ударил сладковатый запах сандала и малины — похожий запах издавали тлеющие палочки, которые поджигали во время своих медитаций альвийские монахи.

Здесь, судя по всему, источником запаха тоже служил дым. Именно он затягивал внутреннее помещение магазина, что вкупе с полумраком сводило обзорность к минимуму.

— Доброго дня, — раздался откуда-то из дыма приятный мужской голос.

— Здравствуйте, — в тон ответил я.

— Ваше имя?

— Марк Грауберг, — чуть ли не по буквам, чтобы правильно выговорить все эти зубодробительные слоги, проговорил я.

— Что ж, продемонстрируйте, что умеет, Марк, — велел все тот же голос.

Попривыкшие к мраку и дыму глаза наконец вычленили из окружения говорившего — он сидел в позе лотоса между двумя колоннам, подпирающими потолок. На нем была маска, похожая на козлиный череп, только без рогов, а еще простой серый балахон, складками собранный на сложенных ногах.

Он находился здесь не один.

Среди других колонн, а всего я насчитал их восемь, сидело еще пятеро — в таких же халатах, но в разных масках. В двух я однозначно опознал женщин, насчет еще одного сомневался — очень уж непонятная фигура. Итого шестеро.

Многовато...

Я вздохнул, изображая волнение, встряхнул несколько раз руками, и на последнее движение сгустил в руке кинжал, резанул по пространству и шагнул вперед.

Холод радостно запустил в меня свои когти, заставляя поежиться после теплого дымного помещения. Здесь никакого дыма не было, а полумрак реального мира здесь прибавил контрастности, из-за чего перестал быть проблемой для зрения.

Я обвел помещение взглядом, теперь уже четко видя всех шестерых, сидевших вокруг меня и самое главное — седьмого, который стоял в самом дальнем от входа углу. Он явно не собирался допускать даже возможности того, что его рассмотрят, что о его присутствии узнают.

Что ж, тем лучше.

На крайний случай знание того, что он там есть, мне поможет.

Я быстро прошел вперед на десять метров и вышел из разрыва. Только-только коснулся ногами пола, как за спиной тут же раздалось:

— Остановитесь, Марк, достаточно.

На сей раз голос был женский, и, судя по направлению, исходил как раз от той фигуры, чей пол я не смог определить на глаз. Теперь вот определил.

— Ну что, дамы и господа, — продолжил тот же голос. — Кто-нибудь заметил хотя бы одну крошечку магии?

Ответом ей было напряженное молчание.

Впрочем, я и так знал, что подобное случится, поэтому ничуть не удивился.

— Марк, вы можете повторить свою телепортацию? — попросил один из приемной комиссии. — Только на сей раз... Скажем, вот туда.

Он взмахнул рукой, показывая на колонну напротив себя. На ней появилось маленькое голубое пятно чистой маны, которая медленно испарялась в окружающее пространство.

— Разумеется. — Я кивнул, слегка добавив в голос испуга. — Что-то не так?

— Просто повторите.

Я шагнул сквозь изнанку обратно, на сей раз замаскировав разрез под подъем руки с целью указать точку, в которую попасть. И снова, едва я коснулся пола ногами, все та же женщина произнесла:

— Достаточно, Марк, спасибо. Ну что, дамы и господа, вы убедились, что перед нами очередной фокусник?

— Даже не знаю... — с сомнением произнесла одна из женщин. — Он же повторил, да к тому же по заданным параметрам.

— Но магия-то где? — развел руками один из мужчин. — Даже у... Дар... Кхм, господина Третьего, при всем его мастерстве, было видно, как мана отделяется от тела. А у этого молодого человека?

— Скажите, Марк, — обратилась ко мне еще одна женщина, — как давно у вас эти способности?

— Да вот, только проявились, — нисколько не кривя душой, ответил я.

Если это проверка, а это наверняка проверка, то пусть считают, что я ничего еще не

знаю о своих способностях и не могу ответить на их вопросы.

— Только проявились, а вы уже способны телепортироваться в заданную точку? — с непонятной интонацией повторила женщина.

— Хм, а ведь и правда... — задумчиво сказал тот мужчина, который просил меня телепортироваться к колонне. — Это явно не тот уровень, что бывает у только что вскрывшихся.

Проклятье...

Я же совершенно забыл, каково мне было, когда я только-только осваивал магию, тем более магию пространства! Забыл настолько, что даже при всем желании не смог бы из себя изображать профана, который не способен контролировать собственные способности, не говоря уже о том, что мне и в голову не пришло это делать!..

И они это заметили.

— О чем я и говорю, дамы и господа, — подытожила все та же женщина. — Я считаю, что перед нами очередной фокусник, но, надо признать, довольно талантливый, ведь он смог обмануть нас даже несмотря на наши меры защиты. Я думаю, что нет смысла дальше тратить время, предлагаю переходить к голосованию. Я — против.

Что ж... Не могу сказать, что я не был готов к такому повороту событий.

Не ожидал его — да, но был готов. И даже успел выработать план действий на такой случай. Поэтому, не дожидаясь, когда остальные члены приемной комиссии выскажут свое мнение, я открыл рот и набрал в грудь побольше воздуха, чтобы выпалить:

— А у меня еще есть способности, кроме телепортации!

Но сделать это не успел.

Едва только закончил вдох, едва только один из присутствующих поднял руку, желая проголосовать, как из того угла, где прятался тот самый седьмой, на которого я хотел указать, раздался укоризненный голос:

— Ну право же, господа, зачем же торопиться с выводами?

Несмотря на то, что голос был искажен маской, да и дым его скрадывал, он показался мне смутно знакомым, будто я уже однажды его слышал.

— Седьмой? — с непонятной полу-вопросительной интонацией спросила та, что уже проголосовала против.

— Вы же сами видели, что у молодого человека действительно есть способности, и при этом он не пытается пудрить вам мозги галлюциногенными веществами, как это делали другие, — продолжил Седьмой, сделав несколько шагов вперед, из-за чего его силуэт стал видим в сладковатом дыму. — А что насчет того, что вы не смогли увидеть магию в его действиях... Может, вы просто не так смотрели? Или не туда?

— Седьмой, поясните? — с заметной обидой в голосе попросил один из мужчин.

— Что мы знаем о магии? — непонятно начал Седьмой. — О магии мы на данный момент знаем лишь то, что ничего о ней не знаем, не так ли? Так почему вы не рассматриваете тот вариант, что все то, к чему вы привыкли — на самом деле обстоит совсем не так? Что, если существуют люди, магия которых работает по иному принципу? Или их магия просто не излучается в пространство? Что, если этот молодой человек на самом деле настоящий маг, одаренный даже больше, чем моя внучка?

— Ну ладно... — недоверчиво протянула одна из женщин.

— Не утверждаю! — Седьмой поднял вытянутый палец. — Но не удивлюсь. В конце концов, давно уже подмечено, что, чем дольше существует магия в нашем мире, тем более сильными рождаются дети. И моя внучка — подтверждение этому. Но что если, они рождаются не только сильными, но еще и одаренными? Какой-то другой магией? Которой мы не только можем научить, но у которой можем поучиться и сами?

— Это очень смелая теория... — снова заметила «женщина-против». — Но почему вдруг вы так активно продвигаете ее именно в отношении этого юноши? Сегодня мы уже выкинули за дверь одного фокусника, и его вы не пытались выгораживать!

— Потому что того фокусника я знать не знал. — Седьмой покачал головой. — А этого юношу я уже видел ранее. И не просто видел — я практически участвовал в бою бок о бок с ним. И можете мне поверить — его способности это не фокус и не галлюцинация, они реальны. И, говоря откровенно, очень и очень незаурядны!

Маг-старец, с которым мы столкнулись возле взорванного магазина, вот кто это был!

То-то я думал, что его голос мне знаком — если бы не маска и не дым, я бы точно его узнал, хоть и слышал от него всего десяток слов один раз в жизни!

Значит, этот маг тоже в приемной комиссии, да причем еще и каким-то седьмым номером — видимо, существующим для тех ситуаций, когда голоса делятся поровну и нужно чье-то решающее мнение. Ну, или для тех ситуаций, когда надо вмешаться, как сейчас. Видимо, его голос имеет какое-то решающее значение.

— В бою? — одновременно переспросили сразу трое из приемной комиссии. — Когда? Где? Как?

— На днях, если помните, троттлисты устроили взрыв в магазине одежды. — Седьмой дождался, пока все остальные кивнут, и продолжил. — Я оказался рядом и поспешил на помощь, а когда подоспел, то увидел, как этот юноша практически с голыми руками, пользуясь одной лишь своей телепортацией, налетел на них. Я поспешил на помощь и занялся террористами, пока он занимался эвакуацией пострадавших из магазина.

— Вот оно что... — изменившимся тоном протянул мужчина, который хотел, да не успел проголосовать. — А в отчетах не фигурировал второй участник...

— Потому что я отпустил его. — Седьмой пожал плечами. — Он молодой, у него куча дел, он наверняка куда-то спешил. А теперь представьте, что полиция забрала бы его в отдел на допрос, и когда бы его отпустили? Не лучшая благодарность за то, что он спас жизни трём гражданским, не думаете? Тем более, что я видел все практически с самого начала и все показания мог дать в одиночку.

— То есть, вы отпустили ценного свидетеля, а, может быть, даже и подозреваемого с места преступления? — подозрительно спросила «женщина-против».

— Да. — Седьмой снова пожал плечами. — Полно вам, Пятая! Можно подумать, вы не были в том возрасте, когда часов в сутках не хватает! В общем, дамы и господа, я призываю вас пересмотреть решение в пользу зачисления этого молодого человека в Академию. Я видел его непосредственно в деле и готов поставить на кон свою собственную репутацию и всю свою магию, если бы существовала возможность как-то ее изъять — этот юноша еще даст нам всем прикурить!

Что ж, вот тут он был как никогда прав. Именно это я и собирался сделать.

Некоторое время приемная комиссия в полном составе молчала, переваривая услышанное. Потом один из мужчин поднял вверх руку и сказал:

— Да будет так. Я за. Седьмой не зря находится на своем месте, и даже если то, что он говорит, навеяно ему одной лишь только интуицией, я — за. Насколько я знаю, его интуиция еще ни разу его не обманывала.

— И я за. — Одна из женщин тоже подняла руку. — В конце концов, Марк действительно продемонстрировал нам свои способности и сделал это несмотря на нашу защиту. А значит, он как минимум не фокусник.

— И я за. — Еще один мужчина поднял руку. — В конце концов, если он самозванец, то вылетит из Академии в первую же неделю.

После этого еще двое тоже подняли руки и сказали, что они «за».

Мадам «против» осталась в одиночестве, она руки так и не подняла. Мне показалось, что я даже сквозь маску увидел, как она недовольно поджала губы.

— Значит, решено. — Седьмой, имени которого я так и не знал, хлопнул в ладоши, отчего дым завихрился вокруг его рук. — Практически единогласно. Марк, вы приняты в Академию! Завтра вечером ждем вас на причале с вещами.

— Завтра? — удивился я. — Вроде же прием заканчивается послезавтра, нет?

— Нет, послезавтра начинается учебный сезон, — ответил Седьмой. — А последний

день работы приемной комиссии и отправка студентов — уже завтра. С собой надо иметь, само собой, паспорт и аттестат об окончании средней школы... Если он есть, конечно. В крайнем случае сами подтянем его из открытых источников.

Я понятия не имел, есть ли у меня какой-то аттестат, но, если можно без него, то и хорошо.

А вот с паспортом вопрос оставался открытым — я понятия не имел, где мой паспорт. Если его не было в моих вещах, значит, логично предположить, что он лежит дома. Только вот моя память так и не подсказала мне, где мой дом.

— Вы свободны, Марк, — практически не разжимая губ, процедила мадам «против».

Я кивнул и вышел из здания приемной комиссии. На улице достал из кармана телефон, который мне дал Громов для связи с ним, и вызвал доктора.

— Что случилось, Марк? — тут же переполошился тот, взяв трубку моментально, словно сидел с ней в руках.

— Все хорошо, док. — Я поспешил его успокоить. — У меня просто вопрос возник... А у вас случайно нет какой-то информации о том, где я живу? Я тут подумал, может, если посетить свое место жительства, то это поможет моей памяти?

— Оч-чень здравая мысль, знаете ли! — оживился доктор. — Сейчас посмотрю, может, где-то и есть информация, минуточку...

Спустя несколько секунд сосредоточенного клацанья клавиш доктор выдал мне адрес, который совершенно ни о чем мне не говорил.

Поблагодарив его за помощь, я отыскал на карте обозначенный дом и отправился к нему через половину города — прошлый я жил далековато от богатого района. Я бы даже сказал, он жил в районе, который был настолько противоположен богатому, насколько вообще возможно...

Это были еще не трущобы, но уже далеко не благополучные улицы. Дома здесь стояли облупившиеся, местами даже покосившиеся, а редкие встречные люди провожали меня настороженными взглядами, будто ожидали, что я вот-вот достану нож и кинусь на них.

Впрочем, небезосновательно — я ведь и правда мог это сделать.

Тем не менее, до указанного дома я добрался без проблем. Открыл покосившуюся деревянную дверь без какого-то намека на замок, поднялся по скрипучим деревянным ступеням на второй этаж и остановился перед дверью квартиры номер девять.

Дверь хоть и была железная, но по ней четко было видно, что это самая дешевая железная дверь из всех, что только можно найти. Ее даже не покрасили, поверхность покрылась ржавчиной.

Только голыми руками такую всё равно не вскрыть.

Я, конечно, мог бы вскрыть ее кинжалом, как нечего делать, но едва уловимое шуршание за соседней дверью и мелькнувшая в круглом глазке тень подсказали мне, что лучше этого не делать. Лучше не делать вещей, которые могут у сторонних наблюдателей вызвать дополнительные вопросы.

Тем более, что существовал и другой путь.

В вещах, которые принесла мне Джулин, был даже телефон, причем не разбитый, но не было ключа от дома. А значит, прошлый я не носил его с собой, то ли из страха потерять, то ли еще почему-то. Значит, ключ он хранит где-то возле квартиры.

Я бегло осмотрел всё вокруг двери — ничего. Потом шаркнул ногой по коврику и с удовлетворением услышал глухое звяканье. Присел, делая вид, что завязываю

несуществующие шнурки, отогнул уголок пыльного, последний раз выбивавшегося примерно никогда, коврика, и достал оттуда плоский фигурный ключ.

Как и следовало ожидать, он подошел к замочной скважине идеально. Повернув на два оборота, я открыл дверь и шагнул в узкий коридорчик. Пошарил рукой по стене слева, потом справа, нащупал выключатель, включил свет, закрыл за собой дверь и отправился изучать свое жилище.

Свою берлогу.

Или даже конуру.

Здесь была всего одна комната, половину которой занимал покосившийся шкаф, а еще половину — узкая односпальная кровать. Кухни не было вовсе, крошечный холодильник и электрическая плитка стояли прямо в коридоре. Душевая кабинка и унитаз в ванной комнате стояли разве что не друг в друге, никакой раковины не было вовсе.

«Жилище» прошлого меня не то, что не напомнило мне ничего о моей прошлой жизни — оно наоборот всем своим видом, всем своим убожеством вызывало желание забыть напрочь и его, и жизнь в целом.

Сказать, что прошлый я жил небогато — значило сделать очень лестный комплимент. Скорее всего, и всю историю с фотографиями баронессы горе-папарацци затеял для того, чтобы срубить на этом денег. Или сам додумался и решил потом шантажировать Ванессу, или собирался продать файлы какой-нибудь газетке... Или, как знать, вообще взялся за это дело по чьему-то заданию.

Зато я нашел в квартире паспорт.

В том самом шкафу, одна из створок которого, едва я потянул за нее, оторвалась от петли и чуть не съездила мне по башке. Внутри, среди нескольких явно не новых вещей, нашлась пачка документов, в том числе паспорт и даже тот самый аттестат. Прошлый я учился далеко не так хорошо, как я нынешний, но хоть двоек не хватал, и то хорошо.

Я снова обошел свою квартирку, сделав при этом десять шагов, не больше, но так и не нашел больше ничего интересного. Даже собирать особенно было нечего, разве что некоторые вещи, что попримечнее выглядели. Я упаковал их в найденный в том же шкафу потертый зеленый рюкзак. Какая разница — скоро всё это мне уже будет не нужно.

Покончив с осмотром, я вышел из квартиры, закрыл дверь и оставил ключ все там же — под половиком. Не брать же его с собой.

Когда я вставал с колена, за соседней дверью снова раздался шорох. Я замер, прислушался... а потом резко кинулся вперед, приближая глаз вплотную к глазку, словно хотел через него заглянуть в квартиру!

За дверью раздался скрип деревянных ножек по полу, и смачный шлепок, будто кто-то хлопнулся на задницу. А потом — дробный топот маленьких детских ног, уносящийся прочь в глубину квартиры.

— То-то же, — пробурчал я и вышел из дома.

Остаток дня прошел в изучении дополнительной информации об Академии и о том, как в ней проходит обучение.

Оказалось, что Академия — это даже не столько именно академия, сколько лагерь, расположенный в отдельном районе недалеко от столицы, в получасе езды. Огромная территория, на которой места для проживания и учебные классы составляли только третью часть от всей площади, была огорожена всеми возможными барьерами, не только физическими, но и магическими. Это гарантировало, что никакие силы извне не смогут

помешать юным магам постигать ремесло.

Ну, и еще гарантировало, что никто из них не сбежит оттуда... По крайней мере, без ведома преподавателей.

А преподавателями в Академии являлись представители разнообразных кланов. Каждый год среди них выбирался самый достойный претендент и отправлялся на весь срок учебы в Академию, чтобы делиться знаниями с юными магами. Нередко случалось, что это были постоянно одни и те же люди, но некоторые кланы наоборот завели себе традицию каждый год менять своих представителей в Академии. Не всегда удачно, надо сказать...

К сожалению, нигде не было списка преподавателей этого года.

Так же я не смог найти никакого упоминания членов приемной комиссии, у которых сегодня проходил экзамен, так что имя таинственного Седьмого, который так удачно оказался там, я так и не выяснил. Не факт, что он вообще будет преподавать в Академии в этом году, но все же...

Ужин снова привезла другая медсестра, и это было уже странно. Я поблагодарил ее, но спросил, когда она уже собралась уходить:

— А что с Джулин? Куда она пропала?

— Она заболела, — погрузнев, ответила медсестра.

— Надеюсь, не что-то передающееся половым путем? — наполовину пошутил я.

— Нет, что вы, просто грипп, — улыбнулась девушка. — Но даже с ним на работу нельзя, а то пациентов заразит.

Я снова поблагодарил медсестру за информацию, поужинал и лег спать.

Проснувшись с утра, я позавтракал и принялся упаковывать все то, что собирался взять с собой. Вещей имелось не то, чтобы много, но места в рюкзаке было еще меньше, поэтому я порядком намучился, прежде чем смог запихать все, что хотел. Потом потратил около часа на то, чтобы выбрать из всей найденной вчера информации то, что может пригодиться в Академии, и перекачать это в телефон.

После обеда я вышел из больницы, нашел поблизости цветочный ларек, купил самый большой и красивый букет, какой только мог позволить на свои деньги, и пошел с ним к Громову, предварительно по телефону выяснив, где его искать.

— Док, я ухажу, — с порога заявил я. — Я поступил в Академию магии и сегодня уезжаю.

— Вот как! — поразился Громов. — Удивительно, насколько я знаю, вы раньше не были замечены в обладании магией... Просто удивительно!

— Видимо, смерть что-то такое во мне пробудила. — Я выдавил из себя кривую ухмылку. — Жаль только, с памятью так не работает.

— Так ничего и не вспомнили? — вздохнул Громов. — Ну, вы телефон у себя оставьте, и если вдруг что...

— Обязательно, — пообещал я. — У меня тоже взамен будет просьба. Передайте этот букет Джулин. Медсестре, которая за мной ухаживала поначалу.

— Само собой, — кивнул Громов. — Передадим в лучшем виде!

— И спасибо, — чистосердечно поблагодарил я. — Пусть даже ничего не получилось, все равно спасибо за попытки.

— Отчего же «ничего» не получилось? — хитро улыбнулся доктор. — Пусть получилось не все, но что-то — тоже результат!

Я кинул быстрый взгляд на экран его компьютера, где колонки текста перемежались

графиками и диаграммами, и тоже улыбнулся:

— Ну тогда мы в расчете. Увидимся!

— Оч-чень на это надеюсь! — воодушевленно ответил доктор и поправил очки. —

Удачи в Академии!

Я вернулся в палату, взял все свои вещи и отправился на причал.

Забавный факт — несмотря на то, что до Академии можно было за полчаса добраться по земле, на каком-нибудь автобусе, или машине, поступивших первокурсников доставляли на место водным путем, растянув это на целых шесть часов.

Корабль, целиком сделанный из стали, чего я раньше никогда не видел, был размером с самый большой линкор, что я встречал на морских гладях моего мира, но при этом считался даже не средним, а скорее средне-малым.

Кое-что в Сети я успел прочитать на этот счет, и вроде как подобный способ доставки молодого пополнения в место их обучения даже нес какой-то там символизм.

Правда я так и не понял, какой.

Вроде как, это означало новое рождение, уже не просто человеком, а магом, но хоть убей — я не видел никакой связи между тем и этим.

Тем не менее, на борт корабля я поднимался с охотой — интересно же посмотреть на то, чего раньше никогда не видел, и прокатиться на том, на чем раньше никогда не катался.

У корабля насчитывалось три палубы, где предполагалось веселье и кутеж, и еще несколько тех, на которых не предполагалось даже появляться — по крайней мере, абитуриентам.

На первой палубе располагались длинные столы, застеленные белыми скатертями и заставленные едой и напитками в свободном доступе. Здесь были и целиком запеченные поросята с яблоками в пасти, и мелкие птички, похожие на перепелок, с бумажными колпачками на ногах, зажаренные прямо целиком, куча разнообразных салатов, закусок, нарезок, фруктов, и поди разбери чего еще.

Часть блюд была мне знакома, часть я видел в первый раз, напитки же вообще все как один были яркими и цветастыми, так что непонятно было, наливаешь ли ты себе в стакан то, что можно пить, или это краска какая-то.

На второй палубе, находящейся над первой, устраивали развлечения практически на любой вкус. На любой аристократический вкус, само собой. Здесь стояло несколько столов для бильярда, имелся небольшой танцпол с громко играющей современной музыкой, имелись огороженные сетками поля для мини-гольфа и столы для настольного тенниса.

Третья палуба целиком представляла собой бассейн, что лично мне показалось странным. Не наличие бассейна именно там, а наличие бассейна в принципе. Вокруг и так воды — хоть закупайся до потери сознания, но нет, мы воду отдельно на корабле повезем.

Тем не менее, именно в бассейн и ломанулась почти что четверть взошедших на борт молодых парней и девушек. Всего нас было около пятидесяти, точнее я не считал, поскольку был занят поисками в толпе Ванессы Тюудор, лицо которой запомнил в мелочах, пусть и по фотографиям.

Тем не менее, беглый осмотр не помог в ее идентификации, поскольку очень многие по случаю солнечного дня были или в солнцезащитных очках на пол лица, или в широкополых шляпах или кепках, а то и в том и в другом сразу. Сказать, что эти аксессуары меняли лицо — ничего не сказать, поэтому я решил подождать, когда абитуриенты поднимутся на борт корабля и всё это снимут.

В конце концов, торопиться мне особо некуда — как только я поднимусь на борт, пути обратно не будет. Придется как минимум доплыть до Академии, потому что с корабля

даться некуда — не в воду же прыгать в надежде доплыть до берега. Как максимум — придется задержаться еще и в Академии, если я по той или иной причине не смогу поговорить с Ванессой по пути.

Поэтому я и не торопился.

Поднялся вместе со всеми по сходням, неоднократно ловя на себе недовольные взгляды холеных аристократов (у некоторых представителей даже в полированных ногтях отражалось больше, чем в ином зеркале). Затем прошел к фуршетным столам, бросив свою сумку на одну из лавочек, что окружали их по периметру, соорудил себе бутерброд из куска хлеба, ветчины и сыра, налил стакан чего-то минимально яркого, предварительно понюхав (это оказался апельсиновый сок), и, потихоньку жуя, принялся оглядывать абитуриентов.

Создавалось ощущение, что, прежде чем собраться здесь, на корабле, они сначала собрались в чате и договорились, кто в какое цветовое сочетание будет одет.

Чаще всего сочетание двух цветов делилось на верх и низ, например — белая рубашка, красная юбка, или черные брюки — синяя футболка, — но находились уникамы, которые делили свою одежду на два цвета по вертикали, а два особенных отличились просто по максимуму — у одного цвета делились на уровне колен и локтей, а второй был раскрашен в такую вырвиглазную клетку из ярко-желтого и черного, что долго смотреть на него было просто невозможно — глаза болеть начинали.

Я уже немного понимал в здешней магически-клановой системе, поэтому знал, что подобная раскраска это по сути знак принадлежности к определенной семье.

У каждого клана, как у рода с древней историей, начавшегося с военных свершений, был свой герб, и этот герб, как водится, имел определенные родовые цвета. Вот именно эти цвета юные маги и носили, демонстрируя принадлежность к семье.

Это не было обязательным для них, это не было даже какой-то традицией или неписанным правилом. Взрослые представители магических родов, которые уже переросли юношеский максимализм и желание выпятить себя вперед остальных. Они практически никогда не одевались в родовые цвета, отдавая предпочтение более простой и неброской одежде. Им уже не нужно было ничего доказывать, они предпочитали представлять что-то из себя самостоятельно, а не прятаться за славой семьи.

Но то взрослые.

Сборище же молодёжи напоминало, скорее, сборную солянку из птенцов экзотических видов. Десятков разных видов.

Я насчитал минимум пятнадцать разных цветовых сочетаний, и это только те, кто остался в одежде, а ведь были еще и те, кто ее скинул, чтобы занырнуть в бассейн.

Впрочем, использовать его непосредственно как бассейн юные маги, похоже, не собирались. Пару раз проплыв туда и обратно, они устраивались на ступеньках по периметру, закинув руки на бортики и находясь в воде по грудь. Вместо того, чтобы плавать, они тянули коктейли через соломинки, болтали друг с другом и без конца делали фотографии на свои телефоны.

Я понаблюдал за ними некоторое время, но, даже несмотря на то, что многие даже в бассейне не сняли темные очки, вынужден был констатировать, что Ванессы среди них нет.

Тогда я спустился на вторую палубу, чтобы поискать ее среди играющих или танцующих, но и там меня постигла неудача. Я некоторое время погонял полосатые шары на одном из столов, явно не пользующихся популярностью у аристократов (получилось, кстати, на удивление неплохо, особенно, когда я понял, что главное в этой игре — геометрия). В

перерывах между ударами сделал вид, что обдумываю следующий, но на самом деле — высматривал Ванессу, но здесь ее не было тоже.

Я снова спустился на палубу с едой и сделал себе еще один бутерброд, осматривая скучковавшихся абитуриентов второй раз.

За то время, что я гулял между другими палубами, они перемешались между собой, поэтому пришлось «знакомиться» с ними заново. Тем не менее, по второму кругу осмотрев всех, я пришел к выводу, что Ванессы нет и здесь.

Получается, что либо она находится где-то не там, где все остальные, либо ее просто нет на корабле.

Такое возможно? Конечно, возможно.

Но маловероятно.

Намного вероятнее, что она и не думала присоединиться к общему веселью и сейчас находится одна где-то в другом месте. И если это так, то для меня это чуть ли не самый лучший вариант. Осталось только найти это «где-то».

Так как основная часть развлечений для аристократических детишек располагалась в центральной части корабля, оставляя свободными носовую и кормовую, искать баронессу имело смысл именно там. Поэтому, взяв еще стакан сока, чтобы выглядеть праздно шатающимся гулякой, а не вынюхивающим всякие секреты шпионом, я направился на нос корабля.

Прямо на нос я пройти, конечно, не смог — там все было перегорожено даже не цепями, как на кораблях в моем мире, а настоящими стенами с кодовыми замками. Это был недвусмысленный намек, что подвыпившим детишкам нечего делать в таких опасных местах.

Что ж, если туда не могу проникнуть я, то Ванесса тоже вряд ли окажется там. Да и зачем ей? Я бы скорее ожидал увидеть её тусящей среди своей аристократической братии, нежели забившейся в самый дальний и самый тихий уголок и испуганно глядящей оттуда на всякого, кто попытается вытащить оттуда.

Сделав логичные выводы, я развернулся и пошел в кормовую часть корабля.

Там никаких ограничений на свободу перемещения наложено не было — ни дверей, ни даже цепей, только разве что натертый до блеска медный колокол — рында, — но он не тянул на способ ограничения. Так что можно было свободно гулять по дугообразной корме, а, нагулявшись, подняться по двум лестницам на вторую и третью палубу. Или спуститься с них, если вдруг захотелось подышать свежим воздухом.

Единственным живым существом на корме бы белобрысый паренёк с зачесанными назад, буквально зализанными, волосами.

Вот ему явно хотелось подышать. Прямо очень.

Но даже с этим у него имелись проблемы.

Парень был настолько пьян, что едва стоял на ногах. Положив локти на перила, а голову — на сложенные ладони, он почти висел на фальшборте, практически не упираясь в палубу ногами. Висел, и, кажется, что-то бормотал вполголоса.

Как он умудрился так напороться?

На столе, конечно, был алкоголь — я нюхал, — но там стояли совсем не крепкие напитки вроде пунша или глинтвейна для тех, кто замерз.

Впрочем, пустая фляжка довольно красноречиво поясняла, как именно он умудрился напороться — с собой принес. Непонятно только зачем, ну да это не мое дело.

Каждый проводит время так, как хочет, хотя странно, конечно, что он умудрился так налакаться с маленькой фляжки, граммов на двести, не больше. Молодой вроде организм, должен как-то справляться с подобными невзгодами, а тут...

В любом случае, баронессы не было и здесь тоже. Здесь вообще никого не было, кроме этого пьянчуги, а значит и мне тут делать нечего. Пусть приходит в себя, не буду ему мешать.

Но только я собрался развернуться, как паренек икнул, дернулся, зацепил ногой фляжку, отчего та загремела по палубе, и это его словно разбудило. Приподняв с рук прилизанную башку, парень обвел окружение мутным взглядом и зацепился за, наверное, единственное, что изменилось тут с того момента, как он открыл флягу — за меня.

— О! П-привет! — снова икнул он. — Как... сам?!

— Пить меньше надо, — вздохнул я. — А лучше вообще не пить.

— С-согласен... — с трудом выговорил паренек. — Больше... никогда...

— И меньше тоже, — усмехнулся я. — Да? Как всегда?

— Всегда... — Паренек неловко развернулся, опираясь на фальшборт разъезжающимися локтями за спиной. — Никогда... Я ник... огда раньше...

— Не пил? — удивился я.

— Аха! — радостно улыбнулся паренек. — Не пил...

Он снова икнул и погрузился в свои внутренние размышления.

Я покачал головой и решил все же оставить бедолагу в покое. Если он действительно никогда раньше не пил, то понятно, отчего его так развезло, но все еще непонятно, зачем он решил начать пить. Обычно люди так делают, когда у них что-то случается, и я — последний в мире, кто полезет в чужую душу в такой ситуации.

Только я собрался развернуться во второй раз, как паренек, заметив мое движение, снова собрал глаза в кучу, сфокусировав взгляд на мне:

— С... стой!

Он неловко дернулся ко мне, будто собирался схватить за плечо через пять метров пустого пространства, и нечаянно задел ногой флягу, которая, радостно прогремев по палубе, выпрыгнула за борт.

— Стой! — снова повторил паренек, но уже фляге: — С... стой!

Прямо на моих глазах он снова развернулся, неожиданно ловко перекинул ногу через фальшборт и... прыгнул вперед — прямо за борт!

Нож в моей руке сгустился раньше, чем я успел о нем подумать. Сгустился — и взрезал пространство, впуская меня в изнанку и замораживая время вокруг.

Я подбежал к корме и выглянул за борт. Паренек уже находился слишком далеко, и у меня не было никакой возможно дотянуться до него, по крайней мере, без того, чтобы упасть самому.

А там, внизу, ведь не только фляга, уже коснувшаяся воды — там еще и корабельные винты! Которые затянут под себя все, и, если не перемелют в кашу, то как минимум — не дадут выплыть, постоянно заталкивая все глубже и глубже под воду!

Я бросил взгляд влево-вправо, пытаюсь понять, как же помочь недалекому алкоголику, и в голове молниеносно созрел план действий.

Сначала я вскрыл изнанку, но не прямо перед собой, а чуть сбоку, чтобы разрыв оказался между мной и медной рындой, которая, казалось, сияла даже в этом лишенном ярких красок мире, и швырнул нож в колокол, одновременно выпрыгивая из разрыва тоже!

Только вот я прыгал в другом направлении — в направлении зависшего в полутора метрах от фальшборта парня, изо всех сил толкнувшись ногами от фальшборта, чтобы придать себе как можно больше горизонтальной скорости. Сбил его в падении, обхватил, передавая часть инерции и ему тоже, вынося его и себя как можно дальше от винтов, как можно дальше от коварной кильватерной струи...

Я даже успел услышать, как кинжал ударился в колокол, вызывая густой важный «бом-м-м», извещающий всех, кто услышит, о том, что происходит что-то важное.

А потом мы с белобрысым упали в воду...

* * *

Холодные соленые волны захлестнули нас с головой.

Перехлесты кильватерной струи схватили меня за ноги, потянули вниз. Я предварительно набрал воздуха в грудь и не сопротивлялся, понимая, что это бесполезно — надо просто переждать, когда корабль отойдет подальше и вода станет поспокойнее...

Я — но не пьянчуга.

Упав в воду, тот начал дергаться и вырываться — наверное, ему с пьяных глаз показалось, что его Кракен схватил. Он дрыгался отчаянно, как муха в лапках паука, раскрывал рот, пытаясь что-то орать, но от того лишь теряя драгоценные запасы воздуха.

Так и хотелось закричать ему «Береги воздух, идиот!», но, если бы я это сделал, идиотом был бы только я сам.

К счастью, вода успокоилась раньше, чем тело белобрысого обмякло и перестало дёргаться. У меня к тому моменту уже начинало жечь в груди, поэтому я выгреб на поверхность, и, подняв голову над водой, выдохнул и снова жадно вдохнул.

Вынырнувший рядом белобрысый — тоже. Его глаза были ошалевшими, как у мыши, которая, проснувшись, обнаружила у себя в норке кошачью семью. Зато, по крайней мере, они больше не были осоловело-пьяными.

— Мать твою! — неожиданно пронзительно заорал он. — Мать твою!.. Мать! Мать!.. Холодно! Почему так холодно?!

— Потому что алкоголь расширяет кровеносные сосуды, повышая температуру тела, — спокойно ответил я. — Поэтому предметы, которых ты касаешься, кажутся холоднее, чем есть. Не надо было пить.

— Да я никогда! Больше никогда! Да нахер надо! — заорал парень, откидывая со лба намокшие и прилипшие белые патлы. — Мать твою!..

За спиной раздались взволнованные крики, а когда я обернулся, то увидел, что на корме собралась кучка студентов, которые показывали на нас пальцами.

Рядом с ними возникли фигуры двоих или даже троих взрослых, и в нашу сторону устремились спасательные круги, привязанные веревками.

Корабль заглушил двигатели, нас вместе с кругами подняли на борт и тут же развернули операцию по нашему отогреву — раздели, предварительно проводив аж в каюту капитана, дали полотенца и теплые одеяла, предложили даже алкоголь, на что мой визави смерил их таким взглядом, что я понадеялся, что он не из огненного клана, а не то остались бы одни угольки от матросов корабля.

На вопрос как мы оказались за бортом, я сказал, что белобрысый легкомысленно сидел

на фальшборте и навернулся вниз, а мне пришлось прыгать за ним, предварительно позвонив в рынду.

Кинжал они, конечно же, не нашли, поскольку я его сразу же растворил в пространстве, как только услышал звон колокола.

— Я же говорил тебе, что надо повесить табличку «На фальшборте не сидеть!» — попенял старпом капитану, выходя из каюты. — А ты «умные, образованные, элита!» Сегодня же закажу табличку!

Когда они вышли, я покосился на белобрысого.

Он пил горячий чай из керамической чашки, сжимая ее обеими руками.

— Я же правильно понял, что про алкоголь лучше было не упоминать?

— Правильнее некуда, — кивнул тот. — Спасибо... И спасибо. Меня, кстати, Нокс зовут. Нокс Маннер.

— Марк, — представился я. — Сделай одолжение, не втягивай меня больше в такие истории, ладно?

— Я постараюсь, — потупился Нокс. — Глупо, конечно, получилось. Я просто никогда в жизни не пробовал алкоголь, а вот сегодня впервые в жизни вырвался из-под наблюдения родителей, вот и решил, что я уже взрослый, и теперь можно.

— Тираны? — понимающе протянул я.

— Нет-нет, что ты! — поспешил разуверить меня Нокс. — Они замечательные! Даже слишком... Считают, что я сам ни на что не способен, считают, что без них и их указки я пропаду. Даже не хотели меня отпускать в Академию, потому что, — представляешь! — всерьез считают, что я не смогу там жить без маминого пожелания спокойной ночи на ночь.

— Кошмар, — согласился я. — Ну ничего, теперь твоя жизнь станет... другой.

— Это точно, — согласился Нокс.

Вскоре нам принесли наши вещи, и мы смогли переодеться в сухое.

— Ух, хорошо, что я протрезвел от холодной воды... — поежился Никс, когда переоделся. — Правда теперь так есть охота.

— Так давай вернемся к столу. — Я пожал плечами. — Пока всю еду там не съели.

— Это точно, — невпопад ответил Нокс. — Жрать мы все горазды, а вот как в бильярд поиграть так не найдешь желающих.

— О, ты играешь? Так давай я тебе составлю компанию. Все равно... надо еще время убить до прибытия.

Я вовремя подменил фразу «все равно баронессы тут нет, как я успел убедиться», и Нокс ничего не заметил.

Нас проводили обратно к юным магам, которые захлеб обсуждали произошедшее, мы быстро и незаметно набрали себе еды и напитков и слиняли на вторую палубу, подальше от любопытных взглядов и расспросов.

За игрой в бильярд оставшиеся часы пролетели, как одна минута, и в скором времени по кораблю разнесся голос капитана, усиленный системой громкоговорителей:

— Внимание пассажирам! Через две минуты мы пришвартуемся к причалу Академии магии! Просьба всем собирать свои вещи внимательно, чтобы ничего не забыть, и... Удачи!..

Академия... внушала.

Ничего не скажешь — внушала.

Для того, чтобы полностью осмотреть ее, пришлось подойти к самому фальшборту, лечь на него животом, согнувшись пополам, и вывернуть голову вверх — настолько высоким было это здание!

Оно буквально нависало над кораблем своей громадой.

Вернее, даже два здания, похожих на две части усеченного конуса, который разрезали вдоль продольной оси, от самого верха до самого низа. На самом деле, на половинки конуса эти гиганты были похожи весьма отдаленно.

Внешняя их поверхность была не гладкой, а бугристой, а кое-где даже выступающей наростами и наплывами стали и бетона. Между зданиями, каждое из которых было высотой этажей в пятнадцать, не меньше, виднелась щель... Ну как щель — на самом деле, её ширина исчислялась метрами, если не десятками метров, но по сравнению с высотой здания это выглядело как щель, местами перекрытая ниточками прозрачных переходов, соединяющих коридоры одного здания с коридорами другого.

Оба здания стояли на большой бетонированной площадке, круглой, будто циркулем обвели, и со стороны, ближайшей к нам, эта площадка плавно перетекала в бетонный пирс, к которому сейчас и причаливал наш корабль.

А вот остальная территория...

Остальная территория выглядела намного интереснее.

Это был лес, и, судя по его виду, это был настоящий лес, а не выхолненный лесопарк, или как оно там называется, когда в черте города этот самый лес неумело пытаются имитировать.

Я, кажется, даже расслышал несущийся из-за деревьев птичий щебет, но из-за взволнованного гомона будущих студентов уверенности у меня не было. Судя по всему, они, как и я, не ожидали такого интересного сплетения живой природы и холодного сплава бетона, стекла и стали.

Сразу создавалось ощущение, что это место просто кишит всякими тайнами и интересностями. Не лес, в смысле, а Академия в целом. Тем более, что это не просто Академия, а Академия магии. Тут просто не может не быть тайн и интересностей, или я хоть что-то понимаю в Академиях магии.

Матросы, которые еще совсем недавно вытаскивали из воды меня и Нокса, ловко перепрыгнули на пирс и не менее ловко накинули на кнехты привязные канаты, фиксируя корабль на месте. Студенты загомонили громче и вся толпа качнулась к сходням, да так синхронно, словно они боялись, что пропускной способности трапа не хватит, чтобы все сошли с корабля, и кто-то останется на борту.

Забавные.

Я стоял самым последним в очереди и не только потому, что не хотел толкаться плечами за право первым сойти на берег, но еще и потому, что так на меня никто не пялился после происшествия с чуть не утонувшим Ноксом.

Он, кстати, стоял прямо передо мной и вот ему, кажется, было немного неприятно то, что он не находится в центре внимания. Нежелание светиться в лучах славы, которое было у

него поначалу, бесследно испарилось, как это бывает в таких ситуациях. Когда люди хотят уделять внимание — его избегают, а как только появляется что-то, что это внимание оттягивает на себя (в нашем случае Академия) — тут же желают его вернуть.

Когда наконец все сошли на берег, оказалось, что нас уже встречают.

Это была высокая статная, но при этом тонкая, будто молодой кипарис, женщина в ослепительно-белом одеянии. Белый приталенный пиджак, белые брюки, белые туфли, даже ее короткие, зачесанные набок, волосы были белыми, как платина, даже голубые глаза были такими светлыми, что издали казались белыми.

Женщина стояла навтыжку, чуть ли не на носочках, как рядовой перед генералом, только, в отличие от рядового, она держала руки сложенными за спиной и все то время, что толпа студентов выгружалась на берег, она не проронила ни слова и даже не шелохнулась.

При более близком рассмотрении стало понятно, что женщина на самом деле немолода — ей уже было годам к сорока пяти. Фигура и подтянутое пластическими хирургами лицо, конечно, усиленно пускали пыль в глаза, но некоторые морщины, видимые только если знать, куда смотреть, не под силу даже профессионалам скальпеля и иглы. Но надо отдать им должное — женщина даже с двух метров создавала полное впечатление тридцатилетней, а то и моложе.

Когда студенты столпились перед ней, тихо гудя и обсуждая все увиденное, она сделала первое за все время движение — обвела толпу взглядом, и одного лишь этого хватило, чтобы всех как-то моментально придавило, и разговаривать расхотелось.

— Здравствуйте, юные маги, — неожиданно мягким голосом проговорила женщина. — Я — Каролина Нова, заместитель директора Академии Магии. Сегодня я приветствую вас всех и особенно — тех, кто прибыл сюда впервые. Завтра начнется ваше обучение, полное тайн, загадок и новых возможностей, ну а сегодня по традиции у нас запланирован день экскурсий и свободного времяпровождения. И для начала я поселю вас в жилом блоке. Прошу следовать за мной.

Она развернулась на одном каблуке так четко, резко и отработано, будто вообще не совершала никакого движения — просто моментально стала смотреть в другую сторону.

Держа руки все так же сцепленными за спиной, она пошла вперед строгими выверенными шагами, даже не обернувшись, чтобы узнать, последовали ли студенты за ней.

Конечно, последовали, куда им деваться?

Чеканя шаг, Каролина повела нас по бетонной дорожке к двум зданиям. Двигаясь за ней следом, я, тем не менее, не забывал крутить головой по сторонам, запоминая окружение.

А запоминать было что.

Оказалось, что вокруг площадки, обрамляющей строения, раскинулась целая сеть узких бетонированных тропинок, тут и там убегающих в лес. Мало того — кое-где прямо между деревьями пряталось что-то вроде огороженных забором полей для мини-футбола, или, может, хоккея.

На самом деле это были тренировочные площадки, на которых предполагалось учиться обращаться со своими силами, и каждая из них была рассчитана на свой вид магии и защищена соответственно от нее.

Так, при всем желании ничего не получится выбросить силой мысли из площадки для отработки фиолетовой магии, равно как не получится поджечь траву за пределами площадки для красной.

Умно, ничего не скажешь.

Объединять несколько видов магии в одной площадке было бы слишком рискованно и чревато запутыванием потоков, если не сразу, то как минимум в тот момент, когда студенты начнут бестолково разбрасываться внутри собственной маной, дестабилизируя защиту. А когда это моноцвет, то он стабилен и ему трудно навредить.

Я даже видел легкое цветное марево над этими тренировочными площадками, и жутко хотелось потянуться к ним, коснуться, выпитать эту просачивающуюся во внешний мир ману, пополнить собственные запасы... Но я прекрасно понимал, что это лишь глупая трата времени.

Помимо тренировочных площадок, среди деревьев много где прятались многочисленные террасы и лавочки, рассчитанные то ли на тех, кто придет устроить пикник на природе, то ли на тех, кто просто устанет гулять по лесу.

И что интересно — все эти постройки будто бы никак не мешали природе цвести и жить полной жизнью. Между деревьями порхали птицы, прыгали белки, а один раз через дорогу прямо на моих глазах протопал упитанный ежик.

В общем, сразу становилось понятно — это не лес сажали на территории Академии, это Академию строили в лесу. Причем строили очень осторожно и бережно, чтобы сохранить максимум окружающей биосферы.

Вслед за Каролиной мы дошли до подножья здания. К стеклянным дверям, сейчас приветливо распахнутым, вела череда ступенек, и замдиректора остановилась на первой из них, и снова четко развернулась на одном каблук:

— Перед вами жилой комплекс, который мы условно называем «Правый». Первый и второй этажи отведены под системы инфраструктуры здания и туда доступа у студентов, разумеется, нет. На третьем располагается общий обеденный зал, в котором студенты принимают пищу, в прочее время он исполняет роль некой гостиной, в которой можно проводить свободное время при желании. Начиная с четвертого этажа начинаются жилые зоны, по два этажа на каждый курс, итого десять этажей. На каждом этаже расположено по три двухместных комнаты, плюс на каждые два этажа выделена прачечная и две душевые — мужская и женская. Первый курс занимает четвертый и пятый этаж, второй — шестой и седьмой, и так далее. На каждом четном этаже, кроме второго, так же имеется переход в учебно-административный корпус, который мы зовем «Левый», но к нему мы перейдем позже. А пока что приглашаю вас проследовать в жилые комнаты и занять их соответственно вашему курсу и собственным пожеланиям. Строго в таком порядке.

Каролина одним скольльзящим шагом отошла в сторону, освобождая нам проход.

Первыми к двери пошли те, кто постарше — им-то все было знакомо, они тут не в первый раз.

За ними потянулись и все остальные. Правда выяснилось, что за дверями всей толпе делать было нечего — там оказалось всего лишь два лифта, которые при всем желании не смогли бы вместить всех желающих, поэтому ожидание обещало затянуться.

Я скользнул взглядом по помещению и обнаружил то, что и искал — лестницу в дальнем углу помещения, а, вернее, всего одну, самую нижнюю, ступеньку этой лестницы, выглядывающую из-за лифтовых шахт.

Вот и отлично.

Пусть изнеженные аристократы ждут свои самоходные кабинки, мне же не зазорно и пешком пройти три этажа. Быстрее будет.

Так как я стоял последним в очереди, никто не заметил, что я отделился и куда-то

пошел. Никто, кроме Нокса. Он несколько раз перевел взгляд с меня на лифт, а потом махнул рукой и, смешно пригнувшись, словно пытался укрыться от чужих взглядов, подбежал ко мне, волоча за собой чемодан на колесиках.

— Ты куда? — свистящим шепотом спросил он.

Я молча кивнул на лестницу.

— А-а-а... — протянул Нокс, и снова посмотрел на лифт, в который упихивалась очередная, уже третья по счету, группа студентов.

Оставалось еще где-то семь.

— Я с тобой, — заговорщицки подмигнул Нокс, и мы ступили на лестницу.

Чемодан по ступенькам, конечно, не хотел катиться, так что Ноксу пришлось тащить его на горбу, отдуваясь и пыхтя. Тем не менее, я не услышал от него ни единого намека на жалобы, что слегка прибавило ему очков в моих глазах — сам решил идти, сам же и терпит. Молодец.

На четвертом этаже мы оказались вторыми.

В одной из жилых комнат уже была открыта дверь, и там возились две девушки. Нокс с дурацкой улыбкой помахал в ответ на их взгляды, я же просто прошел мимо и дернул соседнюю дверь, мимоходом отметив, что на ней наклеена конструкция в виде перемещающейся туда-сюда непрозрачной пластины, под которой прячутся буквы М и Ж таким образом, что одна из них всегда закрыта этой самой пластиной.

Умно, ничего не скажешь.

Но еще умнее было бы просто расселить парней и девушек по разным этажам... Хотя когда и кому это мешало?

Само собой, у комнат был еще и порядковый номер, и наша была по логике второй. Судя по тому, что я успел углядеть в комнате, мимо которой мы прошли, в нашей имелось все то же самое.

Было бы глупо ожидать, что здесь будет что-то другое, комнаты наверняка типовые — кто же будет делать их разными? Да и незачем.

Собственно, комната не отличалась особым шиком. Левая и правая половины были полными зеркальными близнецами, будто их отрисовали на сложенной пополам кальке, а потом развернули лист.

Небольшой стол, на котором стоит моноблочный компьютер и есть место для того, чтобы положить пару тетрадей, пара полок над ним, узкий высокий шкаф для личных вещей и кровать вдоль стены — вот и все убранство.

Аскетично, но со вкусом. Окружение, которое сразу, с первых секунд, дает понять, что в этом учебном заведении баклуши бить не принято, здесь придется работать и выкладываться.

Впрочем, кое-чем половинки комнаты все же отличались — в одной из половин виднелась дополнительная дверь, ведущая, надо понимать, в крошечный, буквально на унитаз и раковину, санузел, а в торце комнаты, прямо напротив двери, виднелось окно, через которое проникали солнечные лучи.

Если их не хватало, то можно было включить верхний свет, который на самом деле не был верхним, а представлял собой светодиодные ленты по периметру потолка. Наверное, если еще и их включить, тут станет светло как яснейшим днем, но и без этого вполне хватало света — умно подобранные материалы окружения, в основном сталь и стекло, как один, отражали световые лучи, поэтому света из окна вполне хватало.

Короче, хорошая комната. Я бы даже сказал — отличная. Очень технологичная, но при этом не лишенная уюта.

— Чур, я слева! — тут же заявил Нокс.

— Да пожалуйста. — Я пожал плечами. — Мне вообще все равно.

Мы прошли и расположились по своим половинам. Я просто открыл дверь шкафа и кинул туда свою сумку, намереваясь разобрать ее попозже, а вот чемодан Нокса не влез бы в этот узкий пенал при всем желании. Это понял даже он сам, поэтому в ступоре встал рядом со шкафом, переводя взгляд с одного на другой, словно пытался в уме решить задачу трех тел, где первым был шкаф, вторым — чемодан, а третьим — он сам.

Внезапно где-то под потолком щелкнуло, и по комнате разнесся легко узнаваемый голос Каролины Новы... Или Нова, хрен пойми, как правильно.

— Внимание, студенты! Всем, кто уже расположился, просьба подойти в обеденный зал для проведения церемонии знакомства и праздничного обеда. Напоминаю — чтобы попасть в обеденный зал, необходимо спуститься на третий этаж этого корпуса.

Под потолком снова щелкнуло, и голос стих. Мы с Ноксом переглянулись, он снова посмотрел на свой чемодан, вздохнул и махнул рукой:

— Идем. Потом разберусь.

Мы вышли из комнаты и снова по лестнице, не желая ожидать лифт, спустились на этаж ниже. Открыв единственную дверь, что вела с лестницы, мы оказались в большом зале, заставленном длинными столами.

Каждый из четырех был накрыт белоснежной скатертью и уставлен всякой едой — как будто взяли стол с теплохода, увеличили вчетверо и перенесли сюда. И таких столов — четыре, будто не на полсотни студентов, а на армию голодных огров.

Правда, армии голодных огров не было и даже, кажется, не планировалось. Здесь вообще пока еще никого не было, кроме нас. Нас и еще одной девушки, которая сидела ровно посередине одного из столов, спиной к нам, и даже не обратила внимания на то, что здесь появился кто-то еще.

За нашими спинами дзинькнул лифт, и из открывшихся дверей высыпали студенты.

Они занимали места за столами, и мы, переглянувшись с Ноксом, тоже решили не отставать от общей тусовки. Пройдя в самый дальний от лестницы угол зала, куда еще не успели добраться остальные студенты, а, значит, было максимум свободных мест, мы сели по центру стола, и Нокс тут же деловито потянулся к ближайшему блюду с колбасой.

Я же в это время принялся осматривать лица прибывающих студентов, пытаясь снова высмотреть среди них баронессу. Это было особенно удобно делать здесь, поскольку сюда юные маги прибывали небольшими группами и можно было сразу же просканировать взглядом каждого.

Вот только никто моему поисковому запросу не соответствовал.

Даже когда весь зал уже заполнился, и лифты перестали приезжать, я так и не нашел среди студентов баронессу. И тогда, уже понимая, где она, я перевел взгляд на ту самую единственную девушку, которая сидела здесь еще до того, как пришли мы. Её я и оставил на потом именно потому, что пытался рассмотреть всех входящих, чтобы потом не путаться, кого уже видел, а кого — еще нет.

И, конечно же, это оказалась баронесса.

И мало того — она смотрела на меня так же пристально, как и я на нее.

Я уперся руками в стол, чтобы встать и подойти к ней, но Нокс внезапно принялся стучать ладонью по моей руке, привлекая внимание:

— Смотри, смотри!

И делал он это настолько активно, настолько возбужденным выглядел, что даже я не сдержался и оторвал взгляд от лица баронессы, чтобы посмотреть, что же там взбудоражило Нокса.

А оказалось, что ничего особенного не произошло.

Просто на небольшом помосте, который стоял возле стены, и на котором располагался еще один стол, поменьше, всего-то человек на десять. Прямо перед этим самым столом появился человек. Высокий и статный, с проседью в волосах и в стильных красных очках.

Это был тот самый маг, который уже дважды мне помог за все время пребывания в этом мире.

Тот самый маг, даже имени которого я не знал.

— Приветствую вас, юные маги! — громким, хорошо поставленным голосом начал он. — Думаю, что в представлении я не нуждаюсь, все из вас меня хорошо знают не просто как мага, но и как директора Академии...

Вот это поворот!

Так это, получается, не просто какой-то усредненный маг, а целый директор Академии?

Ну тогда все вопросы насчет его личности отпадают целиком и полностью. И насчет того, почему он внаглую пошел против всей приемной комиссии, и насчет того, почему вообще эта самая комиссия его послушалась. Ну и заодно — насчет того, почему он такой сильный, что даже я это отметил. Достаточно сильный для того, чтобы противостоять пятерым противникам и выйти из этого противостояния без единой царапины.

Надо думать, в директора Академии магии кого попало не берут.

Директор обвел всех присутствующих взглядом, задерживаясь на каждом буквально на мгновение, словно запоминал лица, и остановился на мне. Слегка улыбнулся, — только губы и дрогнули, — и я решил немного обождать с тем, чтобы идти к баронессе с разборками.

В конце концов, я кое-чем был обязан этому мужчине, и даже два раза. Без него я бы наверняка пострадал в драке с троттлистами, если вообще выжил бы, это раз. И без него я вряд ли оказался бы в Академии — это два. Так что следует выказать ему уважение и дать хотя бы договорить. В конце концов, раз уж баронесса наконец здесь, не убежит же она никуда.

Я расслабил руки и опустил только-только оторвавшуюся от скамьи задницу обратно.

Директор, все это время глядевший прямо на меня, едва заметно кивнул, и продолжил, обращаясь ко всем:

— Я рад приветствовать вас в стенах нашей академии! Многих из вас я вижу не в первый раз, с другими же еще только предстоит познакомиться, и о них пока что я не знаю ничего. Но я совершенно уверен, что каждый из вас, кто дойдет до конца обучения, кто пройдет полный цикл, начиная с первого курса и заканчивая шестым, ни пожалеет ни об одной минуте времени, проведенной в нашей Академии! Здесь вас научат не просто тому, как владеть своей магией, но и тому, как ее развивать, как делать ее лучше. А самое главное — тому, как открывать новые грани собственных возможностей. Всегда помните — две

сотни лет тому назад люди не владели магией вовсе. Полторы сотни лет назад люди владели магией, но не умели толком ей пользоваться. Полсотни лет тому назад в магии впервые наметили разделение на разные типы. Девять лет назад никто не знал о существовании интуитивной магии. О чем это нам говорит? О том, что о магии мы можем с уверенностью утверждать лишь одно — мы знаем лишь малую толику того, что следовало бы о ней знать. Того, что можно о ней знать. Поэтому каждый из вас потенциально — первооткрыватель чего-то нового в магии. Новых техник, новых умений, или, кто знает — может быть, даже какого-то нового течения в магии!..

Дальше я уже не слушал.

Во-первых, все примерно то же самое я уже слышал на приемной комиссии, ведь примерно все то же самое директор задвигал и приемному составу тоже. Но «во-первых» было не сильно важно, потому что в иной ситуации я бы все равно с удовольствием послушал этого человека. Он создавал впечатление умного и просвещенного.

Однако было еще и «во-вторых».

И заключалось оно в том, что к нашему столу, а конкретнее говоря — к моему месту, откуда-то из-за границы поля зрения, протянулась вполне отчетливая струйка магии.

Если бы не моя привычка постоянно, каждые несколько секунд, глядеть на мир магическим зрением, я бы даже мог это пропустить. Но я не пропустил. Поэтому, когда к стоящему возле моей правой руки изящного металлического кубка, в который я уже успел налить вишневого сока, протянулось щупальце магии, я его заметил.

Тонкая струйка, в которой перемешивались оранжевые, черные, зеленые и чуть-чуть фиолетовых пятен, обмоталась вокруг ножки бокала, словно действительно щупальце любопытного осьминога, который решил изучить неведомую штуку. Только вместо того, чтобы дернуть бокал к себе, магическое щупальце, обмотавшись вокруг ножки, сперва уплотнилось, превратившись в небольшое облачко, а потом потекло вверх. Истончаясь и вытягиваясь, оно облегло стенки бокала, натягиваясь на них, как тугий чулок, и медленно, но верно подбиралось к напитку внутри.

Надо признать — действия были настолько наглыми, беспардонными, что на мгновение я даже опешил.

Только и делал, что наблюдал за этой совершенно не прикрытой попыткой что-то сотворить с моим напитком. И только взяв себя в руки, я наконец скользнул взглядом по щупальцу магии, чтобы узнать, откуда же оно тянется.

И почему-то совершенно не удивился, поняв, что начинается оно в руках Ванессы Тюудор.

Причем именно в «руках». Не в одной руке, как это обычно происходит, когда маг целенаправленно кидает куда-то сгусток магии, указывая на цель пальцем, а двух.

Баронесса поставила локти на стол, переплела пальцы, повернув их костяшками к потолку, и положила на них голову, сверля меня внимательным взглядом, который, казалось, не отрывала от меня с самого момента моего появления в общем зале. И вот как раз между переплетенными пальцами у нее и пробивались цветные струйки магии, которые стекали на стол, соединялись в один пятнистый поток и тянулись ко мне.

Казалось, что баронесса вообще не отдает себе отчета в том, что делает — взгляд ее был расфокусирован, словно она смотрела даже не на меня, а куда-то внутрь себя. Пальцы были сжаты так плотно, что даже костяшки побелели, даже ногти впились в кожу.

Интересно, что с ней происходит?

— А теперь — давайте уже наконец поедим! — громогласно закончил свою речь директор на сцене и зал взорвался овациями.

— Ура! — гаркнул рядом со мной Нокс. — Наконец-то! Я проголодался, как бегемот!

Пока звучала речь, он уже успел наполнить свою тарелку всякими вкусностями и, как только директор сказал последнее слово, Нокс тут же ухватил за кость крупную, целиком зажаренную ногу какого-то животного, щедро мазнул по ней густым красным соусом, даже на вид таким острым, что я чуть было глаза не порезал, таким ярким и блестящим, что лично я бы поостерегся вот так ложками его есть, и отгрыз с кости сразу половину мяса!

Он успел сделать буквально два жевательных движения, после чего остановился. Глаза его моментально увлажнились, щеки покраснели, а руки задрожали.

— Ух... — выдохнул он с набитым ртом. — Ух-х... Ух!

Бросив кость с остатками мяса на блюдо, он принялся махать руками в открытый рот, словно пытался остудить его. Не добившись никакого результата, он попытался проглотить мясо, но не пошло, и тогда он схватил свой кубок и в один присест, в один глоток, осушил его. Сделал могучий глоток, от которого его горло раздулось, как у лягушки, когда она квакает, и довольно крикнул:

— Вот! Теперь хоро...

Не договорив, он заткнулся на полуслове и слегка склонил голову набок, словно прислушиваясь к себе.

— А нет, не хорошо... — неуверенно произнес он. — Не хорошо, вообще не хорошо!

Ну еще бы, головой-то думать надо. Напиток только разнесет остроту по всему рту, и уж явно никак не поможет в том, чтобы ее удалить!

Но Ноксу объяснять этого я не стал — судя по прерывистому дыханию, трясущимся рукам и красным глазам, бегающим по столу в поисках спасения, он бы все равно меня сейчас не услышал. Сейчас он практически на инстинктах искал, чем бы еще залить бушующий внутри него пожар...

И ближайшим, что к нему оказалось, был мой кубок.

Я даже не успел открыть рот, чтобы предупредить его о том, что с ним что-то нахимичили, а, вернее, намагичили, как напиток уже был опрокинут в глотку Нокса. Один глоток, чуть менее большой, чем в предыдущий раз — и вся магия исчезла у него в желудке вместе с соком, который я так и не попробовал.

Да уж... Это буквально все, что я могу сказать на тему происходящего.

А Нокс, между делом, с громким стуком поставив бокал на стол, зажмурился, словно ему лимонного сока в глаза налили, посидел так несколько секунд, а потом распахнул глаза и довольно улыбнулся:

— А вот теперь точно хорошо!.. Ух, хорошо! Марк, что за нектар у тебя в бокале? Как будто и не было никакого перца!

— О, знаешь, я и сам особо не в курсе, — ответил я, переводя взгляд на Ванессу. — В общем-то, там могло оказаться все, что угодно.

Баронесса, которая наконец вынырнула из собственного сознания, перехватила мой взгляд.

Её ноздри гневно раздулись, а пальцы напряглись еще сильнее — так, что мне показалось, что сейчас тоненькие косточки не выдержат нагрузки и сломаются, пропарывая кожу острыми концами.

Баронесса ожгла меня таким яростным взглядом, каким даже я вряд ли награждал

своего злейшего врага — Вальтора — и опустила глаза в тарелку, берясь за вилку и нож. Вокруг ее пальцев все еще витали в воздухе остаточные струйки магии, но сама она будто и не замечала этого.

Или просто делала вид, что не замечает, в надежде на то, что не вижу и я тоже? В надежде на то, что я не умею смотреть магическим зрением или на то, что я не стану им смотреть?

— Эй, Марк... — внезапно тихо позвал меня Нокс, который вроде как несколько секунд назад был уже в нормальном состоянии и настроении. — Что-то мне хреново...

Нисколько не удивленный тем, что ему внезапно стало хреново, я оторвал взгляд от Ванессы, которая все равно уставилась в свою тарелку, и перевел его на Нокса. Парень был белым как мел, прямо под цвет своих волос. Он сидел неестественно прямо, будто боевой посох проглотил, и в глазах его стояло откровенное непонимание.

— Я... — тихо начал он. — Ик!..

Он громко икнул, раскрыв рот, и из него внезапно вырвался... огромный мыльный пузырь!

Это было настолько неожиданно, что я не удержался и ткнул его пальцем. Мыльный пузырь, как ему и положено, лопнул, брызнув на окружающих крошечными капельками.

— Что за ху... — пораженно прошептал Нокс, но договорить не смог. — Ик!..

Он снова громко икнул, перекрывая даже стук вилок по тарелкам, и снова из его рта вырвался огромный, с голову размером, мыльный пузырь. В этот раз лопать я его не стал, и тот величаво поплыл по залу.

И чем дальше он плыл, тем тише становилось в зале.

Грохот посуды и разговоры студентов прекращались, словно пузырь тащил за собой какой-то полог тишины. Взгляды всех присутствующих, включая десять взрослых людей, сидящих за столом, что стоял на подиуме (среди них были и директор и Каролина Нова, что позволяло предположить, что все это — преподавательский состав) были прикованы к летящему шару, переливающемуся всеми цветами радуги, будто он был живым воплощением магии.

В общем-то, так оно и было.

— Твою... Ик!.. — огорченно прошептал Нокс. — Мать... Ик!..

Еще два мыльных пузыря отправились в полет, и, когда преподаватели проследили, откуда они берут свое начало, то тут же вскочили, побросав вилки, и побежали к Ноксу.

— Спокойно! — заявил директор, на мгновение задержавшись на краю помоста. — Все под контролем! Продолжайте трапезу!

Остальные преподаватели под руководством Каролины Нова вытащили из-за стола Нокса, который икал уже безостановочно, выстреливая пузыри очередями, будто из пузыремета. Один из преподавателей схватил попавшийся под руку небольшой сервировочный столик, прожарил его мощным импульсом трехцветной магии — желтой, оранжевой и голубой, и превратил его в больничную каталку, почти такую же, как я видел в собственно больнице. Преподаватели аккуратно положили Нокса на нее, и трое из них, уворачиваясь от мыльных пузырей, покатали его куда-то прочь из зала.

Студенты взволнованно шептались в зале, где-то раздавались смешки. Директор обвел зал взглядом и посмотрел на меня. Я не видел его глаз под очками, но чувствовал, что директор ощущает, что я как-то связан с произошедшим.

Не удержавшись, я перевел взгляд на Ванессу, чтобы узнать, куда смотрит она, но

баронесса по-прежнему пялилась к себе в тарелку, в которой не убавилось ни кусочка.

Оно и не удивительно — трудно, а, вернее, почти невозможно, есть вилкой, которую так сжали в руке, что она практически сложилась пополам.

— Все под контролем! — повторил директор. — Ему будет оказана вся необходимая помощь! Возвращайтесь к трапезе!

— ...здесь не на что смотреть, — одними губами продолжил я фразу, которая так и напрашивалась сюда, и принялся наконец за еду.

Вместо своего кубка на всякий случай я взял ноксовский — ему все равно не понадобится уже, а на моем еще могли остаться следы магии. Пузырями икать вряд ли буду, но даже если это будет всего лишь ощущением мыльного вкуса во рту — все равно ничего хорошего.

Когда все студенты покончили с трапезой и по одному начали уходить из общего зала, я дождался, когда Ванесса тоже встанет из-за стола, и пошел следом за ней. Догнал через полсотни метров, уже в стеклянном переходе между зданиями, перегнал и встал прямо перед ней.

Баронесса остановилась, посмотрела на меня снизу вверх (она была ниже сантиметров на десять) и прошипела змеей:

— Пош-ш-шел проч-ч-чь!..

— Цыц. — Я поднял палец. — Ты меня отравить хотела вообще-то. Тот бокал предназначался мне, и ты это знаешь!

— Я сказала, пошел прочь! — переходя с шипения на угрожающий шепот, повторила баронесса. — Иначе отравление покажется тебе детской шуткой!

— Что, убьешь меня? — хмыкнул я. — Нет, милая, такая штука работает только один раз!

— Пошел прочь! — заверещала девушка так, что у меня даже уши заложило. — Не смей больше никогда подходить ко мне!

От ее ультразвука аж в голове помутилось. Я уже поднял было руку, чтобы отвесить ей легкую отрезвляющую пощечину, чтобы прекратить истерику, как внезапно из-за спины девушки раздался властный голос:

— Что тут происходит?!

И из-за спины Ванессы вышел директор.

Баронесса моментально заткнулась (так резко, словно ей и правда затычку в рот вставили), и я тоже сдержал позыв отвесить ей леща. Раз устранен раздражитель, то и руки распускать не стоит.

— Марк, что здесь происходит? — поинтересовался директор.

— Распевка, — мило улыбнулся я. — Я читал, что баронесса Тюудор обладает ангельским голосом, вот и попросил ее продемонстрировать ее способности. Да только, видать, за ужином она съела что-то не то, и голос не в форме. Неудобно получилось.

Директор поджал губы и глянул на баронессу, но она не стала ничего говорить. Ни опровергать сказанное мной, ни подтверждать. Только стояла, тяжело дыша и сжимая кулаки.

— Раз мы во всем разобрались, я пойду с вашего позволения, — я слегка наклонил голову. — Директор, мое почтение.

— Идите, Марк, идите, — каким-то странным отрешенным тоном ответил директор, и я развернулся и пошел прочь.

За окном уже ощутимо стемнело и поэтому остекление переходного туннеля, задрапированное с той стороны ночным бархатом, превратилось практически в зеркало. И, скосив глаза, я в подробностях видел, как директор, оглядевшись, нагнулся к Ванессе, положил руку ей на плечо и что-то вкрадчиво ей втолковывал. А она стояла, зыря на него исподлобья, и молчала.

А потом выдала всего одну фразу. Но такую, из-за которой я чуть с шага не сбился.

— Ну, деда-а-а-а!..

Само собой, я не споткнулся и вообще никак не показал, что услышал что-то интересное для себя.

Во-первых, вполне возможно, что ни для кого, кроме меня родственная связь баронессы и директора и не была секретом... Да и для меня не стала бы, если бы у меня было больше времени поискать информацию не только про Ванессу, но и про ее родственников.

Ну а во-вторых, даже если их родство особенно нигде не афишируется, то тем более намного лучше сделать вид, что ничего не слышал и получить козырь в рукаве, нежели спалиться и получить в лучшем случае еще один злобный взгляд.

Деда, значит...

Теперь многое из того, что раньше вызывало вопросы, встало на свои места. На приемной комиссии директор, тогда еще делающий вид, что мы незнакомы, рассказывал о своей внучке, которая является какой-то новой вехой развития магии в этом мире, и теперь я выяснил, что эта внучка — та самая, что отправила в гроб предыдущего владельца моего тела.

Причем не просто отправила, это как раз сделать не особенно сложно, а заодно еще и что-то сделала с магией, и вот это уже вызывает вопросы.

Кроме этого, директор буквально двадцать минут назад упомянул об интуитивной магии, которую открыли всего девять лет назад, и это полностью согласуется с той датой, когда в Ванессе обнаружили магический потенциал — это было как раз девять лет тому назад. Но это еще не доказательство, конечно. Только зацепка.

А вот что является доказательством — так это то, что Ванесса провернула с моим бокалом в столовой. Сплетение сразу четырех цветов, да еще в таких неравных пропорциях, да еще и так долго удерживаемое — это вообще ни разу не просто.

Два цвета — это стандарт.

Резкий выброс импульса, чтобы дать противнику как можно меньше времени на реакцию — это тоже стандарт.

Но два цвета сильно ограничивают мага в том, что он может сотворить, а резкий импульс подразумевает изначально ограниченную мощность импульса.

То же, что делала Ванесса, как раз больше всего подходило под понятие «интуитивной» магии, или, как ее называли в моей мире — бесконтрольной. Интересное совпадение — в моем мире она появилась тоже относительно недавно, каких-то полсотни лет тому назад, если считать от момента его гибели.

Как следствие, ее толком еще не изучили, да и вообще ее подтвержденных носителей было всего пятьдесят два человека на весь мир, но зато каждый из них по силе мог сравниться с водопадом. С цунами. С селевым потоком или пробуждающимся вулканом.

В теории.

На практике же все упиралось в то, что свои силы они практически не контролировали. Если для всех остальных магов мира могущество в магии определялось тем, насколько строго они следуют утвержденным техникам и как много этих техник знают, то для интуитивных магов, «бесконов», как их называли для краткости, таких понятий как «техники» вообще не существовали. Они не были способны освоить даже простейшие из них, они не могли банально нагреть или остудить предмет...

Да что там — они не были способны даже на то, чтобы почувствовать внутри себя ману и покрасить ее в нужный цвет! Что бы они ни пытались сделать, какие бы действия ни повторяли — все без толку. Существовал только один способ сделать так, чтобы бескон продемонстрировал свою силу.

Сделать так, чтобы он захотел это сделать.

Бесконы ничего не делали для того, чтобы управлять магией. Они просто хотели, чтобы что-то произошло, и оно происходило. Они не владели магией, как остальные маги, они с ней... дружили? Не знаю, как еще объяснить этот феномен. Но главное — стоило бескону чего-то пожелать, прямо отчаянно пожелать, как желает хотя бы поток воды умирающий от палящего пустынного солнца, и мир послушно менялся под действием невероятного напора магии этих людей.

Что там поток воды — бескон мог себе целое озеро создать! Или даже не создать, а перенести к себе уже готовое. А потом обратно. Если захочет...

Само собой, это не поддавалось никакому контролю. Никакие эксперименты не способны были приблизить магов к ответу на вопрос, как этим пользоваться. Бесконы всегда знали, что условия эксперимента контролируемы, никакой реальной опасности нет, и поэтому ничего не помогало.

Они не способны были вытащить из себя ни единой цветной, да ладно цветной — даже прозрачной! — струйки маны, а кто мог — были не в состоянии этой маной даже поменять траекторию падающей пылинки. Но зато когда происходило так, что жизнь бескона или его близкого оказывалась в опасности, или происходило что-то еще подобного толка... О, тогда мир готов был в спичечный коробок упихаться, лишь бы угодить этим людям.

И теперь оказывается, что я умудрился пересечься с первым в этом мире бесконом, причем пересечься дважды. И это даже логично — только у подобного мага хотя бы в теории может существовать вероятность, что он, или, вернее, она, сможет лишить другого человека магии.

Ни у кого другого таких возможностей нет. Не существует таких техник. Не существует такой магии. Если бы она существовала, то я бы о ней знал. Я бы самый первый ее изучил и применил против Вальтора. И тогда мой родной мир был бы цел.

Я дошел до своей комнаты, и обнаружил там Нокса. Он выглядел все еще немного бледным, но по крайней мере больше не икал пузырями. Парень лежал на кровати и пялился в потолок, будто ему там кино показывали.

— Как сам? — поинтересовался я, садясь на свою кровать.

— Пойдет, — вяло ответил Нокс. — Бывало и хуже.

— Сказали, что с тобой было?

— Не. — Нокс скривился. — Только велели воды побольше пить.

— Ну это понятно. — Я кивнул. — Слушай, я вопрос хотел задать... Я не то чтобы сильно в курсе всех этих академических штучек, я же не из какого-то там знатного рода, я так... с улицы почти что.

— Да мне наплевать, если ты об этом. — Нокс перевел на меня мутный взгляд. — Я же не такой, как мои родители. Мне главное, чтобы человек был хороший.

— Спасибо. — Я хмыкнул. — Но на самом деле я не об этом. Мой вопрос связан с Академией.

— А... Ну давай.

— Как я понял из Сети, состав преподавателей каждый год разный, верно?

— Восемь преподавателей каждый год набираются разные, да. Но директор и заместитель директора одни и те же. Ну, сента Нова, ты уже видел ее.

«Сента» это они тут так называют старших по рангу. Простые люди — магов, а маги — других магов, кто посильнее. «Сента» это обращение к женщине, а «сент» соответственно к мужчине.

— Ее видел, да. А вот директор... Как его зовут?

— Ну привет. — Нокс удивленно посмотрел на меня и приподнялся на локтях. — Ты сейчас серьезно? Ты не можешь не знать, как зовут директора, это знают даже те, кто вообще к магии не имеет отношения.

— Ну упс. — Я развел руками. — Мои интересы до поры до времени лежали в несколько другой плоскости.

— Его зовут Виктор. Виктор Тюдор. Он патриарх клана Тюдор, как можно догадаться.

— Действительно, можно, — согласился я. — Спасибо, Нокс.

— Да не за что. — Нокс пожал плечами и лег обратно на кровать, прикрыв глаза. — Всегда рад помочь.

Я тоже хотел было лечь на кровать и обдумать план дальнейших действий, как вдруг внезапно в дверь нашей комнаты постучали. Не сильно, но настойчиво — так, что лично у меня не осталось сомнений в том, что стучащий даже возможности не допускает того, что ему не откроют.

Я перевел взгляд на Нокса:

— Ты кого-то ждешь?

Поджав губы, он с сомнением покачал головой, глядя на дверь.

— Ну, значит это ко мне. — Я пожал плечами, скинул ноги с кровати, встал и подошел к двери.

Ванесса-Ванессочка... Неужели ты так быстро сломалась и пришла выяснять отношения? Даже часа не прошло, как тебе сделали втык за то, что ты слишком громкая, а ты...

Но за дверью оказалась не Ванесса. Там был другой представитель рода Тюдор.

Директор Виктор стоял за дверью, сложив руки на груди, словно был сильно чем-то недоволен. Он внимательно осмотрел меня с головы до пят, чуть склонив голову (все же он был на полголовы выше меня), потом обратно. И, когда уже я сам хотел спросить, в чем дело и чем обязан, директор заговорил:

— Марк, добрый вечер. Вы не заняты? Сможете уделить мне пару минут?

— Разумеется, — ответил я. — Совершенно ничем не занят, только...

— Что?

— Мы будем говорить прямо здесь? Я думал, когда директор Академии желает устроить разбор полетов со студентом, он приглашает его к себе через посредников... Разве нет?

— В общем и целом, верно, — улыбнулся Виктор. — Только с чего вы взяли, что мы будем устраивать какой-то разбор полетов? Или, может быть, произошло что-то, чего я не знаю, но должен знать?

— Если и произошло, то я о том не в курсе, — тоже улыбнулся я.

— Вот и отлично. Прогуляемся?

Я кивнул, повернулся лицом в сторону Нокса, который обеспокоенно смотрел на меня с кровати, показал ему оттопыренный большой палец и закрыл за собой дверь.

Виктор Тюудор уже двигался вдоль по коридору в сторону стеклянных переходов. Я легко, в два шага, нагнал его и пошел рядом.

— Ведете на место преступления? — снова пошутил я.

— Веду туда, где будет меньше всего лишних ушей, — серьезно ответил директор. — Хоть наш разговор и несет частный характер, а не деловой, но все же не очень хочется, чтобы кто-то его подслушал.

— Как скажете, сент Тюудор.

— Полно, Марк. После всего того, что мы с вами уже успели пережить вместе, можете звать меня Виктор. Но не при посторонних, разумеется.

— Как скажете, Виктор.

Мы дошли до того самого места, где Ванесса сегодня тренировалась в оперном пении, и директор встал лицом к стеклу, опираясь на металлический поручень:

— Скажите, Марк, вы ведь в курсе, что Ванесса Тюудор — моя внучка?

— Ну если бы и не был в курсе, догадаться нетрудно. — Я хмыкнул. — Как минимум, по фамилии.

— В таком случае, вы простите мне мое беспокойство на эту тему. И, думаю, поймете мой следующий вопрос — что вас с ней связывает?

— А-а-а, вон в чем дело. — Я тоже облокотился на поручень, но встав к нему спиной. — Опасаетесь, что, если она будет водить шашни с безродным оборванцем, это бросит тень на ваш род?

— Абсолютно нет. — Глядя на звезды за стеклом, ответил Виктор. — Марк, мне слишком много лет для того, чтобы я продолжал судить людей по тому, сколько у них денег на счету, в каком роду они родились и какие цвета носят. Я достаточно повидал в этом мире для того, чтобы выработать для себя одно простое правило...

— Строить мнение о людях на основании того, что и как они делают? — Я повернул голову к директору.

— Лучше и не скажешь. — Виктор кивнул. — Я бы выразился проще: «Судить по поступкам», но ваша формулировка передает суть точнее. Именно «что» и «как», именно вместе. Я, конечно, еще не до конца сформировал мнение о вас, Марк, но то, что я пока что видел, позволяет предположить, что вы... скажем так, человек, которого я мог бы уважать.

— Я польщен. Но я все еще не понимаю, при чем тут ваша внучка, и в чем заключается проблема, которую мы обсуждаем?

— Проблема, Марк, в том, что моя внучка — это не я. — Виктор тоже повернул голову в мою сторону. — В силу некоторых обстоятельств, получилось так, что мы начали тесно общаться сравнительно недавно и соответственно ее личность к тому моменту уже была сформирована. И сформирована оказалась как раз по тому принципу, что сейчас моден среди магической богемы Виаты. Дерзкая, избалованная, высокомерная, продолжите сами...

Я просто кивнул, показывая, что понял.

— И, как следствие, из этого вытекает, что ей как раз-таки важно, сколько денег на счету у человека, какого он рода и каких цветов, — продолжил Виктор. — У нынешней молодежи стало модно меряться всем подряд, начиная от оригинальности цветового узора и заканчивая количеством нулей на банковском счету.

— Все еще не вполне понимаю, каким образом все это касается меня, — признался я.

— Да все просто. Я хочу знать, какие планы у вас на мою внучку.

Во загнул.

Хотя нет, это он не загнул, это он как раз в лоб поинтересовался. Походил немного вокруг да около, упомянул про свое уважение, чтобы притупить бдительность, а потом — на тебе. Смутить меня захотел.

Вот только я не смутился, конечно же. Мало того — я даже умудрился из этого короткого диалога, наполненного расшаркиваниями, сделать один интересный и неожиданный вывод.

Виктор не знает о том, что произошло между его внучкой и мной, моим старым телом. Если бы знал — не задавал бы такие вопросы. Вообще не стал бы вести со мной частных бесед. Даже, возможно, не стал бы пытаться пропихнуть меня в Академию вопреки мнению приемной комиссии. Для него я простой (почти) паренек по имени Марк, который однажды помог ему и теперь имеет виды на его внучку. Ну, пусть так оно и останется.

— Какие у меня могут быть планы? — я усмехнулся. — Виктор, вы же только что сказали, что она на меня даже не посмотрит, я же безродыш.

— Еще одна черта, которую я уважаю в людях и которую ожидал встретить в вас. — Виктор щелкнул пальцами. — Трезвый взгляд на ситуацию. Вы совершенно правы, она на вас даже не посмотрит, а если и посмотрит, то лишь для того, чтобы убедиться, что плевать надо в этом направлении.

— Можно мне другого психолога? — хмыкнул я.

Виктор тоже улыбнулся уголком губ и продолжил:

— Но давайте на секунду предположим, что вы... поднялись на одну с ней ступеньку. Возможно, не в абсолютном смысле, а только в ее глазах. Что тогда?

Я ответил ему то, что он хотел услышать:

— Чтобы подняться в ее глазах, мне надо сначала подняться в собственных. Я же неуч, ноль, никто. И я это прекрасно понимаю.

— Верно, спорить не буду. — Директор кивнул. — Но я же сказал — предположим. Предположим, что каким-то образом обстоятельства сложились таким образом, что Ванесса... Скажем так, проявила к вам интерес. Поймите меня правильно — я против того, как воспитана моя внучка, но не против ее самой, поэтому, если я пойму, что для вас это лишь аналог трофея, чтобы хвастаться перед друзьями, то я сделаю все, чтобы вы не смогли подойти к ней ближе, чем на пять метров.

Я хохотнул:

— Я правда похож на собирателя трофеев? Seriously? Да вы мне уже второй раз льстите!

— Не похож, в том и дело. Был бы похож — разговора бы не было вообще, я просто сразу бы сделал то, о чем только что сказал. Но мне все равно нужно ваше личное подтверждение.

— Что ж. — Я усмехнулся. — В таком случае, спешу развеять ваши подозрения — все мои планы на Ванессу несут строго серьезный и фундаментальный характер.

И я даже не соврал. Я даже никак не искажил истину. Мои планы на Ванессу действительно были серьезнее некуда. Другое дело, что мы с Виктором говорим о разных планах, но ведь о терминах никто и не договаривался. Мало ли какие у кого планы.

— Вот и отлично. — Виктор кивнул. — Вижу, что не врете.

— А что это меняет? — Я толкнулся локтями от перил. — Ведь то, что мы обсуждали... ну, про то, что Ванесса обратит на меня внимание, мы обсуждали строго гипотетически, разве нет? Или у вас есть какой-то способ, как это сделать?

— У меня есть много способов сделать совершенно разные вещи. — Директор тоже выпрямился. — Но в данном случае речь идет не обо мне. Речь идет о вас. В конце концов, несмотря на то, что я хорошо к вам отношусь, я же должен быть уверен, что вы достойны моей внучки. В конце концов, вы же и так находитесь в Академии, если выразаться совсем уж грубо «на птичьих правах», и несмотря на все ваши прошлые заслуги и мое к вам отношение, я все еще не вполне уверен, что вы здесь находитесь по праву. Скажем так, я могу обеспечить вам возможность проявить себя... Но проявлять придется самостоятельно, и это будет довольно серьезное испытание.

— Не вопрос. — Я кивнул. — Когда?

Виктор улыбнулся:

— Да прямо завтра.

Что ж, следовало отдать старикану должное — интриговать он умел.

Конечно, встретиться я с ним на пике своей славы и формы (на котором, к слову, я и возрастом не сильно отличался от Виктора), мы бы, конечно, еще посмотрели, кто кого переинтригует, но здесь и сейчас...

Здесь и сейчас мне оставалось только дожидаться следующего дня, чтобы выяснить, что же такое каверзное и одновременно полезное приготовил для меня патриарх Тюудор.

Судя по его лукавому взгляду, это мероприятие будет не из простых, ведь ему подтверждение того, что я достоин его внучки, на самом деле требуется подтверждение несколько не меньше, чем ей самой. И лучшей подготовкой к этому было бы просто выспаться как следует. День выдался довольно насыщенный, ничего не скажешь.

Я вернулся в комнату, и Нокс первым делом с порога сочувственно спросил:

— Всыпали?

— В смысле? — не понял я. — За что?

— Ну не знаю. — Нокс пожал плечами. — Я же не в курсе, что там произошло в общем зале, когда меня увезли. Может, ты чего-то натворил. Наорал на кого, разбил посуду, применил магию, подрался, да мало ли...

— Нет, все было нормально, никто ничего не творил. — Я покачал головой и прошел к своей кровати.

— А почему тогда директор приходил?

— Ну... — Я быстренько прикинул, что ему ответить. — Я же сидел рядом с тобой, вот он и спрашивал, не знаю ли я, почему тебе поплохело.

— Что, сам директор обо мне спрашивал? Не заместитель, не кто-то из преподавателей? Почему?

— Так а я откуда знаю? — Я завалился на свою кровать, закинув руку за голову. — Если хочешь знать, то пойди и спроси у него сам.

— Ну нет уж, — после недолго раздумья, будто он на самом всерьез рассматривал вариант пойти и спросить лично, ответил Нокс. — Нет особого желания. Просто странно все это. Зачем директору такие мелочи? Очень странно.

— Не страннее, чем икающий пузырями первокурсник, думаю, — ухмыльнулся я. — А вообще давай спать. Тебе так особенно надо восстанавливаться после всего пережитого сегодня ужаса.

— Неплохая идея, — вяло согласился Нокс. — Какой-то дурацкий день. Сначала теплоход и купание, потом пузыри эти...

Я не стал ему говорить, что завтрашний день, скорее всего, будет не менее дурацким — еще в уныние впадет, чего доброго. По большому счету, конечно, мне все равно, но жить в одной комнате с персонажем, который вечно ноет, особого желания не было. Не думаю, что здесь сильно много свободных комнат, в которые можно будет отселиться в случае чего. Вероятнее всего, их тут вообще нет.

Ночью разразилась гроза. Сквозь чуткий, натренированный многими годами и десятилетиями, сон я слышал, как барабанят капли по отливу подоконника и как грохочет где-то вдалеке гром. Несмотря на то, что дождь меня практически разбудил, я отлично выспался — под стук капель всегда отлично спится.

А вот Нокс поутрувид имел не сильно довольный жизнью. Его лицо выглядело так, будто его снова поразило проклятье мыльных пузырей, но от предложения позвать преподавателей он отказался:

— Не хочу снова в медблоке проваляться несколько часов. Ну его. Пойдем лучше на завтрак.

Как раз в этот момент по громкой связи объявили о том, что все студенты приглашаются в общий зал на завтрак, и мы отправились туда.

— Жду не дождусь, когда уже начнутся занятия, — сказал Нокс, когда мы шли через стеклянный переход. — Говорят, что каждое занятие каждый преподаватель начинает со слов «Забудьте, чему вас учили до этого».

Я улыбнулся и не стал говорить, что так говорится много где, если не вообще везде. Особенно там, где дело касается обучения чему-либо.

Когда мы пришли в общий зал, он уже был наполовину заполнен — видимо, студенты со вчерашнего дня очень уж проголодались. Повсюду уже звенело стекло, стучали ложки по тарелкам и, конечно же, висел густой и плотный гул, издаваемый десятками молодых магов. Они делились впечатлениями от вчерашнего дня и от Академии в целом, знакомились, если не успели это сделать вчера, и, конечно же, набивали животы.

Столы, как и вчера, просто ломились от всяческой снеди, только сегодня она была более легкой, как и полагается завтраку. Большие глубокие тарелки с разнообразными кашами, блюда с фруктами, отварными и жареными сосисками, омлетом, и всякой прочей едой, которую в этом мире принято есть на завтрак. В стеклянных кувшинах стояли разноцветные соки и вода, а так же лежали пакетики с чаем.

Хорошо они тут живут, ничего не скажешь.

В моей прошлой жизни, помнится, нередко были ситуации, когда завтрак происходил по принципу «что поймал или подстрелишь — то и будешь есть», при этом, само собой, нередко были ситуации, когда ни поймать, ни подстрелить никакую добычу просто не удавалось. А уж если ситуация предполагала разведывательный рейд на территорию противника, и оставлять следы нельзя было никакие и нигде, тогда даже и об охоте речи не шло. Что взял с собой — то и ешь. А на обратном пути — ешь то, что осталось.

Поэтому я сел за стол и с большим удовольствием наложил себе сразу целую гору еды — кусок омлета, сосиску жареную, сосиску вареную, кусок хлеба, колбасу, сыр, и каждого соуса по маленькой ложке.

Глядя на меня, Нокс тоже навалил себе полную тарелку снеди, но, в отличие от меня, с удовольствием уплетающего за обе щеки, он только грустно смотрел на свой завтрак и есть явно не собирался. Только ковырял грустно кусок омлета вилкой и пил сок.

К тому моменту, когда общий зал заполнился до отказа, я успел расправиться с половиной завтрака. Гул множества голосов усилился, ложки и вилки по тарелкам застучали с утроенной силой, где-то изредка стал раздаваться смех, а я только и делал, что следил, чтобы сегодня никакая магия не коснулась ни меня, ни моей еды, ни напитка.

Ничего из этого, к счастью, не произошло.

А когда я нашел взглядом Ванессу, то оказалось, что она вовсе не обращает внимания на мое присутствие и с удовольствием завтракает тоже, мило щебеча с двумя девчонками по бокам от себя.

Девочки подобостратно улыбались и буквально заглядывали в рот баронессе, ловя каждое ее слово, и, кажется, ей этого было достаточно для того, чтобы забыть о моем

существовании. Или, по крайней мере, притвориться, что забыла.

Внезапно со стороны преподавательского стола раздался громкий звон, будто кто-то стучал обухом ножа по стеклянному бокалу. Гул голосов немедленно стих, а все взгляды, включая и мой, устремились на помост, где расположились преподаватели.

Виктор Тюудор, вставший во весь свой немалый рост, убедился, что обратил на себя максимум внимания, и заговорил:

— Здравствуйте, студенты! Я вновь рад всех вас видеть в этом зале в добром здравии, — он хитро посмотрел на Нокса, — и в добром расположении духа! И у меня для вас есть необычная новость! Как вы знаете, этот учебный сезон юбилейный — сто пятидесятый. И, в честь этого события, было принято решение сделать этот учебный сезон особенным. А, говоря совсем откровенно — сделать особенным его начало, сегодняшней день. В любое другое время, в любой другой день, включая завтрашний и все последующие, сразу после завтрака вас ждали бы занятия. Но сегодня ситуация совершенно другая, и поэтому, сразу после завтрака, прошу вас всех собраться перед главным входом Академии. Мы приготовили для вас сюрприз. Спасибо за ваше внимание, увидимся после завтрака.

И, не дождавшись, да и не дожидаясь никакой реакции, директор сел обратно на свое место и продолжил трапезу как ни в чем ни бывало.

А вот студенты наоборот взволнованно загудели, обсуждая сказанное и строя догадки о том, что же для них приготовил директор. Даже Нокс после объявления пришел в более или менее нормальный вид и толкнул меня локтем:

— Слышал, слышал?! Сегодня не будет занятий!

— С чего ты взял? — ответил я. — Директор всего лишь сказал, что приготовил нам сюрприз. О том, что занятий не будет, он не говорил.

— А... — начал было Нокс, но так и застыл с открытым ртом. Крыть ему было нечем.

— Да расслабься, — я улыбнулся. — Скорее всего, занятия действительно начнутся только завтра.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что этот «сюрприз», о котором упомянул директор — это тот самый способ проявить себя, о котором он говорил вчера. Думать, что это будет какое-то общее построение на пять минут — просто глупо. Напротив — это должно быть что-то серьезное, если не сказать «монументальное». Какие занятия, когда тут планируется что-то настолько серьезное?

— Что же они там такое задумали? — продолжал гадать Нокс, пока я доедал.

— Да расслабься, — посоветовал я. — Скоро все узнаем. Только нервы себе треплешь.

— Ага, — согласился Нокс и тут же продолжил. — Но все же, что они такое задумали?

Мне откровенно надоело его слушать, поэтому я как можно быстрее закинул в себя остатки завтрака и поднялся из-за стола. Многие уже успели покинуть общий зал, и я тоже направился к выходу из Академии, а не перестававший гадать Нокс двинулся за мной следом:

— Может, они хотят провести день самоуправления? Ну знаешь, когда студенты и преподаватели меняются местами? А, может, они хотят, чтобы мы убрали всю территорию, вроде субботника? Хотя сегодня не суббота... А, может...

На третьем предположении я просто перестал его слушать — все равно скоро все узнаю сам. Единственное, что я сделал — это проверил украдкой, как слушается меня нож. Убедился, что рукоять послушно сгустилась в руке, и довольно кивнул.

Какой бы там сюрприз для нас не приготовили преподаватели, я к нему готов.

Возле главного входа в Академию уже толпилась куча студентов, и мы с Ноксом влились в эту толпу, и протолкнулись в первые ряды, чтобы видеть, что происходит перед Академией.

А перед Академией уже стояли в ряд все преподаватели, и возглавлял их, конечно же, директор. Он широко улыбался, глядя на все прибывающих студентов, и, когда счел, что собралось достаточное количество, громко прочистил горло и начал говорить:

— Я уверен, что многие из вас, если не все, знают, что означает быть магом. Это тяжелый труд, подразумевающий развитие не только в плане непосредственно магии, но и в отношении прочих аспектов человеческого тела. Маг не может быть глупым, маг не может быть слабым. Если маг будет глупым или слабым, то от него не будет ровным счетом никакого толка, а то, может быть, и наоборот — он будет опасен для своих же союзников. Поэтому магу мало развития в магии, ему необходимо также тренировать тело, разум и дух. И, конечно же, в процессе обучения в нашей Академии этому тоже будет уделено необходимое внимание. Однако! — директор назидательно поднял палец. — Как я уже сказал, этот учебный сезон — особый, и начать его мы решили тоже по-особому. Мы решили сразу дать каждому из вас возможность проявить себя, еще не как полноценного мага, но уже человека, готового им стать. Мы, всем преподавательским составом, подготовили всю внешнюю часть территории Академии магии, сделав из нее один большой... Скажем так, полигон. Полигон, на котором у вас будет возможность показать все те способности, о которых я только что говорил. Загадки для ума, испытания на силу и выносливость, и, конечно же, магические задачи — без них никуда. Сейчас мы разобьем вас всех на команды по два человека случайным образом, само собой, сделав разделение по курсам. Не будет такого, что третьекурснику окажется в одной команде с первокурсником, а два пятикурсника обскачут всех за счет своей подготовки. Тем не менее, мы допускаем, что некоторая разница в степени подготовки представителей разных кланов может существовать, но так даже интереснее, ведь это позволяет подходить к решению одних и тех же задач с разных сторон. После жеребьевки, каждая команда выйдет на свой маршрут, на котором их будут ожидать три задания — на интеллект, силу и с ловкостью и на владение магией соответственно. Их необходимо будет пройти для того, чтобы выйти к конечной точке маршрута, а конечная точка для всех команд одна, но лишь та команда, которая достигнет ее первой, удостоится победы и получит заслуженный приз, который пока что мы оставим в секрете. Соответственно, призов будет пять, столько же, сколько участвует курсов, и соответственно для каждого курса будет выделена своя часть территории Академии. Какие-то вопросы есть?

Все молчали, переваривая услышанное.

Вопросов ни от кого слышно не было, но, возможно, это лишь потому, что никто толком не мог их сформулировать. Конечно же, всем хотелось бы заранее узнать, какие испытания будут ждать нас в лесу, но так же все понимали, что на эти вопросы никто ответа не даст. И, может быть, нашелся бы кто-то из тех, кому не помешало бы потренировать интеллект, кто-то, кто задал бы какой-нибудь тупой вопрос, но директор решил не ждать этого.

— Вот и отлично! — объявил он, громко хлопнув в ладоши. — Я знал, что вы все поймете с первого раза! Ну а раз так, то перейдем к распределению по командам, и начнем мы с тех, кто уже почти что стал полноценными магами — с пятого курса! Пожалуйста, сента Нова, будьте любезны.

Каролина Нова, все в той же белой одежде и со строгой прической, вышла вперед, выкатывая перед собой небольшой столик на колесиках, на котором стояло что-то, накрытое

плотной тканью. Каролина сунула руку под ткань и извлекла бумажку, поднесла ее к глазам и громко зачитала:

— Велемина Айфорт!

Толпа студентов тихо загудела, зашевелилась и вытолкнула вперед скромно потупившуюся брюнетку в красно-синем платье. Даже не посмотрев на нее, сента Нова снова запустила руку под ткань и извлекла вторую бумажку.

— Корвуд Блинкен!

И вперед вышел самодовольный красавчик, горделиво вскинувший подбородок. Словно его выбрали как минимум представлять человечество во время контакта с инопланетной цивилизацией, а не просто для небольшого школьного междусобойчика.

— Амалия Голдблюм! Джефф Бродхайм!

Сента Нова продолжала называть имена, и студенты выходили из толпы и вставали по парам, как прилежные детишки в детском саду. Когда очередная пара занимала свое место, директор подходил к ним и вручал им запечатанный конверт, который никто не открывал.

Закончив с пятым курсом, директор и заместитель перешли к четвертому, потом к третьему, второму и под самый конец занялись первокурсниками.

И первым, кого объявила сента Нова, был:

— Нокс Маннер!

Нокс рядом со мной икнул так громко, что я даже скосился на него посмотреть, не вылетел ли из его рта новый мыльный пузырь, но на сей раз обошлось.

Ноксу в напарницы выдали Фрейю Корс — красивую блондинку с длинными белыми локонами и совершенно кукольным личиком. Нокс косился на нее и явно изо всех сил думал о том, как бы снова не икнуть при такой-то писаной красоте.

— Ганс Лютес! Ника Ворвуд!

Рядом с Ноксом и блондинкой встали еще двое — рыжий парень с наглым взглядом, который на всех оставшихся смотрел свысока, и брюнетка, которой, казалось, вообще не было никакого дела до того, что творится вокруг.

А сента Нова продолжала называть имена.

Студенты по одному выходили и вставали парами, и, чем меньше нас оставалось, тем яснее я понимал замысел директора. Ведь когда речь заходит о «случайном образе» стоит понимать, что случайности не случайны.

Случайность она только когда надо случайность. А когда надо — тонкий расчет. Поэтому, даже не глядя по сторонам, и не отслеживая, сколько студентов уже вышли из общей толпы, и кто конкретно остался, я уже знал, что прозвучит из уст Каролины Нова в последнюю очередь.

И, разумеется, я оказался прав.

— И последняя пара — Марк Грайер и Ванесса Тюдор!..

Что ж, это было ожидаемо. Для меня.

Для Ванессы, конечно же, нет.

Она, словно бы не сразу поняла, что случилось, вспыхнула ярким румянцем ярости и посмотрела на меня таким взглядом, что я приготовился к новой волне магии.

Но нет — если у баронессы и был позыв испепелить меня, то она его сдержала. Только и сделала, что обожгла меня таким взглядом, что и никакой магии не нужно было, чтобы я почувствовал, как лицо обдало жаром.

Я шагнул вперед и встал рядом с остальными участниками турнира. Ванесса встала рядом со мной, но демонстративно отстранившись и сложив руки на груди. С учетом того, что сегодня она оделась в короткое облегающее платье спортивного кроя с немаленьким вырезом, это выглядело особенно интересно, поскольку грудь ее от этого жеста поднялась и чуть ли не вылезла из декольте.

Я отчетливо хмыкнул, дождался, когда Ванесса, не в состоянии пересилить свой интерес, посмотрит на меня, а потом глазами указал на ее декольте. Она тоже перевела взгляд, вспыхнула румянцем еще гуще и поспешно расцепила руки.

Вместо этого она уперла их в бока, но просчиталась и в этом — платье от этого обтянуло фигуру еще сильнее, из-за чего грудь обрисовало даже лучше, чем было до этого.

Поняв это, баронесса резко потупилась, но перед этим бросила быстрый и недовольный взгляд на директора. Не зная куда деть руки, она сложила их за спиной, и, пожалуй, это был самый лучший из возможных вариантов.

Директор подошел к нам и протянул черный конверт, запечатанный ярко-красной печатью. опередив баронессу на долю секунды (ее-то руки все еще были сложены за спиной), я взял конверт и заслужил этим еще один уничтожающий взгляд. Ну а директор хитро улыбнулся нам, отошел на несколько шагов так, чтобы видеть все получившиеся команды разом, и провозгласил:

— Теперь, когда все поделены и получили свои конверты, отправляйтесь за преподавателями в зону, выделенную для турнира вашего курса! Первый курс отправляется с сентой Нова, второй курс...

Дальше я уже не слушал — развернулся на каблуках и посмотрел на Каролину Нова. Дождавшись, когда все остальные последуют моему примеру и сосредоточат на ней взоры, она коротко сказала:

— За мной.

А потом развернулась и пошла вперед своим обычным размашистым чеканным шагом.

Кучка первокурсников двинулась следом. Я поискал глазами Нокса и увидел, как он буквально растекается перед своей напарницей-блондинкой, что-то рассказывая ей и отчаянно жестикулируя при этом. Кукольное личико блондинки при этом не выражало никаких эмоций, словно и вправду было сделано из фарфора — видимо, ей было совсем не интересно.

— Только не думай!.. — внезапно прошипела баронесса и замолкла, не договорив.

— Не думать что? — я покосился на нее.

— Ничего! Вообще ничего не думай! А особенно не думай, что мне нравится находиться с тобой... рядом. Это вынужденная мера!

— Никаких проблем, — легко согласился я. — Только давай сразу договоримся, что, если вдруг что-то пойдет не так, ты не станешь меня убивать. А то один раз уже получилось ведь.

— Заткнись! — прошипела баронесса пуще прежнего. — Никому об этом ни слова!

— Да? — деланно удивился я. — Ладно, а о горячих фотографиях обнаженной баронессы — можно говорить?

Ванесса аж споткнулась при этих словах. Она сжала кулаки так, что костяшки побелели, и тихо, угрожающе произнесла:

— Если ты... Если ты...

— Остынь. — Я махнул рукой. — Тебе нечем мне угрожать. Самое плохое, что было в твоих силах, ты уже сделала, и, как видишь, это ни к чему не привело. Я тоже не виноват в том, что нас с тобой поставили вместе, но, знаешь... Это, возможно, даже к лучшему. У меня есть предложение к тебе. Мы сегодня ведем себя как нормальные люди и пытаемся пройти этот турнир, а, может, и победить в нем, а я... А я так и быть не стану нигде публиковать эти фотографии.

— Так и быть?! — вспыхнула Ванесса. — Да что ты вообще себе позволяешь?!

— Все, что пожелаю. — Я пожал плечами. — Хотя нет, пока еще не все. Но если ты продолжишь упорствовать, то я потребую еще вечерний массаж в подарок.

Ванесса даже не смогла ничего ответить — она просто захлебнулась желчью и негодованием и только и могла, что тяжело дышать, едва сдерживая ярость и глядя на меня.

— Ну, если надумаешь, дай знать, — сказал я и чуть ускорил шаг, чтобы оказаться слегка впереди.

Мы прошли почти десяток шагов, прежде чем баронесса тихо сказала из-за моей спины:

— Никакого массажа... Даже не мечтай... Но потерпеть тебя я постараюсь...

— Вот и договорились. — Я кивнул. — Ты главное не забудь об этой нашей договоренности.

Сента Нова обошла здание Академии по кругу, и в итоге мы оказались точно с противоположной от главного входа точке. Здесь замдиректора остановилась и махнула рукой:

— Видите красные линии?

Красные полупрозрачные линии нестабилизированной, свободной маны, тянулись от стен здания Академии куда-то в лес. Они шли под углом друг к другу, и крайние ограничивали сектор гигантского размера — видимо, ни много ни мало, пятую часть территории Академии. Возле стен расстояние между линиями было небольшим, но, чем дальше в лес они тянулись, тем шире расходились, и в итоге просто терялись между деревьями.

— Это ваши сектора. У каждой команды — свой, и соответственно их столько, сколько команд. Испытания у всех будут совершенно одинаковые, так что все будут в равных условиях. Ваша задача — пронести ваш конверт через все испытания... — тут Каролина Нова хитро улыбнулась, — и понять, что с ним делать в конце. Та команда что выполнит все эти условия — победит. Ну а теперь...

Она подняла вверх руку с вытянутым указательным пальцем:

— Приготовиться к старту! Три! Два! Один! Начали!

И красные линии, ограничивающие наши сектора, резко стали синими, словно разрешая движение.

Первым вперед, буквально таща за руку свою блондинку-напарницу, на лице которой застыло все то же самое индифферентное ко всему происходящему выражение, вперед ломанулся Нокс. Они вдвоем добежали до границы леса и скрылись между деревьями.

— Ну что же вы? — подбодрила оставшихся Каролина Нова. — Вперед! К победе!

И оставшиеся четыре команды, включая и нашу, тоже двинулись вперед, и, преодолев отделяющие от кромки двадцать метров, мы скрылись под кронами деревьев.

За каких-то полтора часа, что успели пройти с момента завтрака, солнце успело подняться в зенит и теперь жарило оттуда что есть мочи, поэтому оказаться под сенью древесных крон было даже приятно.

Мы с Ванессой топали вперед на почтительном расстоянии друг от друга, держась при этом линий и ожидая, когда же впереди появится что-то похожее на первую задачку. Баронесса хранила молчание, и, поджав губы, упрямо смотрела прямо перед собой, у меня тоже не было желания начинать разговор первым. Не сейчас. Сейчас это просто бессмысленно.

Когда мы прошли уже, наверное, сотню метров вперед, между деревьями, впервые появилось что-то, отличающееся по виду от окружающего пейзажа. И, когда мы подошли поближе, оказалось, что это ни что иное, как магическая стена, пересекающая наш маршрут от левого края до правого, от одной линии маны, ограничивающей наш сектор, до другой.

Стена была полупрозрачной, и, если напрячь зрение, можно было рассмотреть, что там по другую сторону, но это было не очень важно. Намного важнее то, что стены не ставят просто так, тем более магические, их ставят для того, чтобы не дать кому-то пройти. В данном случае — нам. К нашему счастью, в стене было предусмотрено целых два прохода.

К нашему несчастью, возле каждого из них стояло по огромной каменной статуе, что изображала рыцаря в полных доспехах, и с каменным копьём в руках. Копья они держали параллельно земле, перегораживая оба прохода, будто шлагбаумами.

Уверенно шагающая вперед Ванесса при виде неожиданного препятствия сбавила шаг и, не доходя пяти шагов до рыцарей, остановилась. Взялась правой рукой за локоть левой, а левой — потерла подбородок, глядя на стену.

Я остановился рядом и внимательно осмотрел рыцарей, пытаюсь понять, в чем же заключается загадка. Осмотрел, конечно же, магическим зрением, но оно не особенно помогло — только подтвердило, что магия в статуях действительно есть, причем ее там много, и она чуть ли не всех возможных цветов намешана.

— Это загадка? — неуверенно спросила Ванесса.

Ответить ей я ничего не успел — вместо меня внезапно заговорили каменные истуканы.

— Один из нас всегда говорит правду! — громогласно, словно через жестяное ведро, произнесла одна статуя.

— Другой все время лжет! — вторил ему второй.

— Один из проходов ведет дальше!

— Пройдя другим, вы закончите свой путь!

— Вы можете задать всего один вопрос кому-то из нас!

— И в итоге вы должны выбрать проход!

— Мы ждем...

И рыцари затихли, словно и не умели говорить никогда.

— Ясно, это загадка, — вздохнула Ванесса. — Тогда надо спросить... Надо спросить... Знаю!

— Стой! — я схватил ее за руку, чтобы обратить на себя внимание, и добился этим даже большего успеха, чем собирался — Ванесса аж поперхнулась от такой наглости.

Вот и хорошо, а то сейчас наломала бы дров.

— Чего тебе?!

— Какой вопрос ты хочешь задать?

— В какой из проходов надо идти, чтобы продолжить путь... Нет, погоди... А кто из них врет?

Она задумалась.

— Вот именно. — Я кивнул. — Ты же не знаешь, кто из них врет. Если тебе повезет и ты обратишься к тому, кто говорит правду, то все выгорит. А если нет?

— А если нет, то он укажет на неверную дверь... — произнесла Ванесса. — Да отпусти ты меня!

Она вырвала руку и снова подперла подбородок пальцами:

— И что же делать?

— Задать такой вопрос, ответ на который заставил бы их обоих указать на один и тот же выход. — Я пожал плечами. — И того, что лжет, и того, что говорит правду.

— А как сделать так, чтобы этот выход одновременно был еще и тем, что нужен нам?

— А вот это и есть самый правильный вопрос. И, кажется, у меня есть ответ. Тебе интересно? Или я сразу обращаюсь к статуям?

Баронесса красноречиво фыркнула и махнула рукой, никак не комментируя свой жест. Тогда я пожал плечами, подошел к ближайшему рыцарю, и, раньше, чем баронесса успела меня остановить и даже что-то сказать, обратился к нему:

— Если я спрошу у другого стражника, в какой проход надо идти, чтобы продолжить путь, куда он укажет?

— Сто-о-ой... — запоздало протянула баронесса упавшим голосом. — Ну ты...

Рыцарь медленно поднял руку и указал в проход возле себя. Одновременно они оба подняли копья, и оба прохода теперь были свободны.

Я повернулся к баронессе и ткнул во второй проход:

— Нам сюда.

— Да с чего ты взял?!

— Все элементарно. Смотри, если это был врущий стражник, то он, зная, что правдивый стражник укажет на нужный нам проход, сам указал бы на плохой вариант. А если это был правдивый стражник, то он, зная, что лгун указал бы на неправильный проход, сам бы тоже указал на него. Таким образом, отвечая на мой вопрос они оба укажут на неверный путь, а, значит, нам нужно в другой.

Ванесса несколько секунд переваривала услышанное, сверля меня суровым взглядом прищуренных глаз, а потом кивнула:

— Что ж, звучит логично. Давай проверим, так ли это. Иди первый.

— Если я ошибся, нас все равно выкинет обоих. — Я усмехнулся. — Но я не ошибся. Проверь.

И я спокойно шагнул через выбранный проход, картинно прошел десяток шагов вперед и развернулся, глядя на баронессу:

— Вопросы?

— Ладно, убедил. — Ванесса сдержанно кивнула. — Но все равно это ничего не...

— ...значит, — закончил я за нее. — Да, я помню. Главное, что наша договоренность

еще в силе. Нам еще два испытания проходить. Интеллект остался позади, значит, остались на силу и на магию.

— Или выносливость и магию, — не упустила шанса встрять Ванесса. — Или скорость и магию. Или...

— Ну да, или, или, или... — перебил я ее. — Я все это объединяю под словом «сила», в смысле «физическая». Все, идем уже.

Я бросил последний взгляд на магическую стену, которая с этой стороны выглядела точно так же, как и с той, разве что фигур рыцарей не было видно, и пошел вперед, не оборачиваясь.

Ванесса спешно догнала меня и пошла рядом, даже чуть впереди. Ну и хорошо, мне так ее даже лучше видно и проще контролировать.

— Ладно, признаю, — внезапно через сотню шагов сказала она. — Это было очень умно.

— Я вроде не напрашивался на комплименты. — Я пожал плечами. — Но спасибо.

— Только это!..

— ...ничего не значит, помню. Погляди-ка, а это что впереди?

А там действительно что-то появилось.

Деревья впереди будто бы расступились, или их как будто раздвинули, создавая длинный коридор, стенами которому служили стволы и кроны. Сам коридор шириной метров в семь и длиной в сотню, был совершенно пуст, только по густой траве бегали волны от дуновений легкого ветерка.

— Это тоже испытание? — неуверенно спросила Ванесса. — На что?

— Понятия не имею, — ответил я, останавливаясь перед границей зеленого коридора. — Может, у тебя есть идеи? Ты же у нас из знатного магического рода.

— Ой, завязывай. — Баронесса поморщилась. — Я вижу то же самое, что ты. Может, это испытание на скорость? Типа пробежать побыстрее?

— Точно нет. — Я обвел коридор взглядом. — Здесь что-то более интересное. Но выяснить, что именно, мы можем только одним способом.

И я шагнул вперед, пересекая условную границу коридора. Шагнул и повернулся к баронессе, чтобы пригласить ее шагнуть вперед тоже.

В конце концов, что могло случиться? Это же Академия, школа по сути! Никто же не станет подвергать студентов реальной опасности?

Но, судя по лицу Ванессы, где-то в своих рассуждениях я допустил ошибку. Потому что её глаза расширились до таких размеров, что практически сравнялись с её грудью, а рот округлился в громком испуганном вопле:

— Кро-о-о-онги!

Я резко развернулся, материализуя в руке кинжал, взятый обратным хватом, скрывая его за предплечьем.

С дальнего конца коридора к нам двигались странные фигуры похожие на очень худых, экстремально худых, почти как палочники, людей, вставших на четвереньки. Руки у них были длиннее, чем ноги, поэтому двигались они как бы в приседе, полу-прыжками, «шагая» руками и подтягивая под себя ноги. Их морды (лицами назвать язык не поворачивался), похожие на помесь обезьяншей и лошадиной, да вдобавок будто бы высушенные до состояния костей, обтянутых кожей, были направлены на нас и двигались они тоже безальтернативно — к нам.

— Так! — резко произнес я. — Быстро и не задумываясь — кто такие и чем опасны?!

— Это кронги! — с паникой в голосе ответила Ванесса.

— Я понял, что кронги, в чем проблема?!

— Это же кронги! — чуть не плача, ответила Ванесса. — Ты что, не понимаешь?!

Она подняла руки, словно пытаясь заслониться от надвигающейся опасности, и я догадался посмотреть на нее магическим зрением.

И на мгновение опешил от того, какие облака магии собирались вокруг рук хрупкой девушки... Превышающие размером ее саму, они практически скрыли ее силуэт, они постоянно меняли цвета и форму, словно не могли определиться, какую форму принять...

Но какую бы форму они ни приняли, это будет чудовищный удар. Такой силы, что все, что находится перед баронессой, будет просто уничтожено. Испепелено.

И я в том числе.

Не знаю, что это за кронги такие, мне достаточно реакции Ванессы, чтобы узнать о них все, что мне нужно было знать. И эта информация совершенно не вязалась с логикой.

Не может быть, чтобы студентов подвергали такой опасности, от которой Ванесса готова исторгнуть из себя столько магии, сколько не наберется во всех магах этой Академии! Это невозможно, это противоречит тому, для чего эта самая Академия создавалась!

Если только эта опасность действительно существует...

Я бросил быстрый взгляд на тварей, до которых осталось пять метров, и все понял. Просто шагнул вперед, бросив через плечо:

— Смотри на меня! И ничего не делай!

Я вытянул вперед руку, убрав из нее кинжал, и практически коснулся рожи ближайшего кронга.

Ванесса за спиной судорожно вздохнула...

Голова кронга прошла сквозь мои пальцы неощутимым призраком. Вся атакующая тварь, оказавшаяся простым мороком, просочилась через мои тело и, — я обернулся, — показалась с другой стороны. Добежала до края коридора и тут же исчезла, словно ей было заказано пересекать эту границу.

А потом за кронгом последовал второй, тоже полностью проигнорировавший мое присутствие. А потом третий. И все остальные.

Призрачные кронги так и бежали бесконечной чередой, появляясь в дальнем конце зеленого коридора, и исчезая, едва только добегали до его окончания. Один за другим, один за другим, без конца.

— Вот так. — Я опустил руку, и обернулся к баронессе. — Спокойно. Это не настоящие твари. Это иллюзии. Возможно, адсорбционные.

— Адсорбционные? — все еще бледная от страха, чуть ли не слогам повторила баронесса. — Это как?

— Это так, что, чем больше ты в них магии вливаешь, тем материальнее они становятся, — охотно пояснил я.

— А как... ты догадался? — все еще не опуская рук, тяжело сглотнула Ванесса.

— Трава. — Я указал на зеленую шелковистую траву, устилавшую лесной коридор. — Они ее не придавливали. Следов не оставляли.

Ванесса перевела взгляд на траву, и в ее глазах наконец появилось осмысленное выражение:

— Ой, а ведь и правда... Но тогда что это за испытание было такое?

— На магию. Очевидно же.

— Как на магию? — Ванесса покосилась на меня. — Ведь именно магию-то мы и не применяли!

— Вот именно. — Я спокойно прошел через иллюзии кронгов, подошел к ней и поднял палец. — А какое первое правило магии?

— Понятия не имею. — Ванесса, как замороженная смотрела на мой палец. — Есть какие-то правила?

— А то. Первое правило — маг всегда должен понимать, когда применять магию, а когда можно обойтись без нее. — Я тронул пальцем кончик носа Ванессы, и это даже вызвало у нее легкую улыбку.

Правда потом она вспомнила, что обижена и злится на меня, и напустила на себя серьезный вид:

— Ладно, умник, магия так магия. Надеюсь, с третьим испытанием ты справишься так же играючи?

— Поживем — увидим. Доживем — узнаем. А вернее «дойдем — узнаем». Так что предлагаю не терять времени и идти.

— Да, идем, — согласилась Ванесса. — Только сразу уточню!..

— Это ничего не значит, я помню. Проклятье, у меня-то с памятью все порядке, а вот ты, похоже, постоянно забываешь об этом. Идем.

Ванесса все еще с некоторой опаской перешагнула границу коридора и даже когда шла по нему, то инстинктивно пыталась смещаться в сторону от бегущих кронгов. Она даже не замечала того, что на самом деле они много раз ее задели, когда неслись мимо.

Пройдя коридор, мы снова вернулись под сень леса и потопали дальше.

— Пока что все довольно легко, — заметила Ванесса.

— Ну да, учитывая, что ты только боялась и почти накосячила, — ухмыльнулся я. — Может, третье испытание отдать тебе на откуп?

— А что, может, и отдать. — Ванесса горделиво вскинула голову. — Если ты испугался.

— Испугался? — я улыбнулся. — Как я могу испугаться? Я же даже не знаю, что там будет.

— И не узнаешь, — внезапно раздалось спереди, и из окружающих кустов появился темный невысокий силуэт. — Тебя вообще сюда не следовало допускать. Рылом не вышел в турнирах участвовать.

Возможно, если бы болтовня с Ванессой не отвлекала меня, я бы заметил его заранее.

С другой стороны, когда я присмотрелся к силуэту и разобрался, кто это вообще такой, то оказалось, что он не особенно-то и достоин того, чтобы его замечали.

Это оказался рыжий парень, имя которого на распределении команд называли третьим или четвертым, не помню точно. Даже имени его не запомнил — Ханс... Ганс... Как-то так вроде бы. В общем, такой же первокурсник, как и я, как и Ванесса.

Только вот Ванесса почему-то остановилась и подозрительно прищурилась:

— Лютес? Тебе чего здесь надо? Что ты делаешь на чужой... как это...

— Маршруте, — подсказал я.

— Чужой маршруте, — кивнула Ванесса. — Э-э... чужом, в смысле. Что ты тут забыл?

— А ты не рада меня видеть? — деланно улыбнулся рыжий хлыщ. — А я думал, что мы с тобой стали ближе после того, как... ну... — Он бросил на меня короткий взгляд и ехидно улыбнулся. — Ну ты поняла.

— Неправильно думал! — холодно отчеканила Ванесса. — К тому же, ты все равно не ответил, что ты тут делаешь.

— Да я просто подумал... — рыжий вытянул вперед руку и оттопырил пальцы, разглядывая ногти. — А зачем вообще что-то делать, проходить какие-то загадки, тратить время? Зачем всё это нужно? Я ж не идиот, как другие. Ведь можно просто взять и вывести из игры остальных участников и остаться единственной командой. В таком случае у того, кто останется, будет неограниченное количество времени на решение всех этих глупых загадок... А то, может статься, и победу сразу же засчитают — других-то претендентов нет. Техническая, так сказать, победа. Но разницы ведь нет.

— А почему в таком случае ты один? — не отставала Ванесса. — Где твоя напарница?

— Она не захотела в этом участвовать. Правильная чересчур, морально не готовая, понимаешь ли. — Лютес разочарованно вздохнул. — Не то, что ты, радость моя. Так что мне пришлось ее усыпить самой первой.

Усыпить... Теперь понятно, почему одежда этого Лютеса раскрашена в черное и зеленое — цвета магии воздействия на сознание и магии, меняющей физические процессы в человеческом организме.

Стало быть, для этого рыжего усыпить человека касанием, или даже на небольшом расстоянии может быть так же просто, как съесть ложку варенья. Особенно, если этот человек не ожидает никакой подлянки. А если вспомнить, что этот Лютес — тоже потомок знатного и важного рода, члены которого обучаются с молодых, что называется, ногтей, то допустить, что он обладает подходящими способностями — вполне несложно.

Но, надо заметить, что он почему-то не стремится свои способности продемонстрировать. Если бы мог — усыпил бы нас прямо из кустов, но он этого не сделал, значит, одно из двух — или дистанция, на которой он может это сделать, очень мала, или ему что-то от нас нужно.

Или и то и другое сразу.

Сейчас и выясним.

— А ты точно о чем-то там подумал? — скучающим тоном осведомился я. — Не очень, понимаешь, похоже. Потому что если бы подумал, то вспомнил бы, наверное, что для победы

нужна полная команда, из двух человек. Именно команда должна дойти до финиша.

— Плебейм слова не давали. — Лютес одарил меня взглядом, в который постарался вложить максимум презрения, и в итоге перестарался, и глаза его чуть не выпали из орбит. — Заткнись, а то... А, впрочем, можешь не затыкаться, я все равно тебя заткну.

— Ну так он прав, Лютес, — спокойно поддержала меня Ванесса. — Плебей или нет, но он действительно прав. Тебе нужна напарница для того, чтобы одержать победу в этом состязании.

— А ты думаешь, почему я здесь? — ухмыльнулся Лютес. — Вы же последние из всех, с остальными я уже поработал. И здесь я именно для того, чтобы предложить тебе бросить этого неудачника и присоединиться ко мне. Мы могли бы сформировать новую команду и сразу же автоматически выиграть это глупое состязание. Что скажешь?

Я даже не стал ждать, что Ванесса ответит и ответит ли вообще — этот хрен умудрился пасть в моих глазах достаточно низко для того, чтобы я начал действовать.

Стушившийся в руке нож разрезал пространство, и я одним шагом оказался в изнанке. Лютес успел среагировать на мое движение, но он только-только начинал вскидывать руки, на кончиках пальцев которых заплясали огоньки зеленой и черной энергии, а я уже шел к нему по холодной земле. А значит — он не успевал.

Да он и не мог успеть. Даже в теории. Только он этого не знал.

Я обошел Лютеса по кругу, встал у него за спиной, глянул через плечо на Ванессу напротив, которая нахмурила бровки домиком, и снова резанул по пространству, выходя из изнанки.

И тут же, едва только кожи коснулось мягкое утреннее тепло вместо леденящего холода, я разжал ладонь, позволяя ножу раствориться в пространстве, а потом положил ее на локоть другой руки. А вторую ладонь — расположил на затылке Лютеса, закрывая замок захвата на шее наглого рыжего уродца.

Он так ничего и не успел сделать. Он даже не попытался.

Магия, которая начала было зарождаться на кончиках его пальцев, моментально пролилась мимо них, едва только он почувствовал давление на шее. Запаниковав, рыжий забыл о всякой там магии и просто вцепился пальцами в мои руки, пытаясь оттянуть их и выгадать себе хотя бы несколько дополнительных сантиметров живительного пространства.

— Знаешь, я тоже умею усыплять, — тихо произнес я на ухо, скрытое под рыжими волосами. — Правда не так быстро, как ты. Но зато и магии никакой для этого не требуется... Впрочем, ты сам сейчас увидишь.

Лютес хрипел и пытался царапать мои руки и стучать по ним, но с каждым мгновением кислорода в его мозгу из-за пережатых артерий становилось все меньше, движения замедлялись, удары ослабевали, и секунд через десять он расслабился и пополз вниз, свесив руки как две плети.

Я аккуратно опустил его на землю, посчитал до двух, и разжал захват. Под внимательным взглядом Ванессы демонстративно прижал два пальца к шее Лютеса. Дождался систолического толчка крови в освобожденной артерии и поднялся на ноги, беспечно отряхивая руки:

— Живой, не переживай.

— А с чего ты взял, что я переживаю? — спросила Ванесса, но ее голос предательски дрогнул. — Точно живой?

— Ты противоречишь сама себе. — Я ухмыльнулся. — Знаешь, выглядит так, словно ты действительно что-то к нему испытываешь после того, как... ну ты поняла...

— Не твое дело! — прошипела Ванесса, сощурившись. — Ничего я к нему не испытываю! Просто не хочу, чтобы нас обвинили еще и в убийстве! И так хрень какая-то вокруг творится!

— Хрень? — я с деланным удивлением покрутил головой по сторонам. — Да вроде все нормально. Ведь в правилах действительно ничего не сказано про то, что нельзя создавать препятствия на пути других команд. Не сказано, что их нельзя усыплять и через это добывать себе победу. Если организаторы хотят на каких-то соревнованиях исключить подобные возможности, они делают более значительные разграничения между разными командами, нежели... хм... тонкая полосочка маны.

— Ты что, тоже об этом думал? — Ванесса, как настоящая женщина, умудрилась сделать из моего суждения совершенно нелогичный вывод. — О том, чтобы помешать остальным и победить таким способом?

— Даже не буду спрашивать, как ты пришла к такому выводу, — немного помедлив, ответил я. — Но ответ — нет. Я отметил это как один из возможных вариантов, но не более. И уж тем более я не собирался этого делать.

— И почему же?

— Тебе короткую версию или длинную?

— Давай короткую. — Ванесса махнула рукой.

— Не захотел.

— Ясно. А теперь длинную.

— Хм... — Я с сомнением посмотрел на нее, но все же решил ответить. — Решил не терять времени на нерациональные поступки.

— Нерациональные? — Она подняла брови.

— В крайней степени. Во-первых, для того, чтобы устранить других участников нашего маленького соревнования, для начала их надо найти, а это превращается в непростую задачу, учитывая, что каждая команда движется со своей скоростью и все они в одно и то же время могут находиться на совершенно разных этапах. Таким образом, весьма велика вероятность того, что, пока я буду искать все эти команды, одна из них вполне может уже дойти до финиша и поднять победный кубок... Или что там предполагается делать.

— А во-вторых?

— Во-вторых? — я поднял бровь.

— Ты сказал «во-первых», значит есть и «во-вторых», — фыркнула Ванесса. — Не думай, что я не заметила.

— А «во-вторых» заключается в том, что среди участников соревнования вполне может оказаться тот, на кого моих сил просто не хватит. Говоря проще — кто-то сильнее меня, кто-то, кому просто наплевать на все мои силы и способности. Собственно, именно это и произошло с нашим визави. — Я кивнул на валяющегося без сознания Лютеса. — Он не просчитал.

— А ты, стало быть, все подряд просчитываешь, — еще сильнее сощурилась Ванесса. — И загадки так легко шелкаешь, как орехи, тоже поэтому?

— Можно и так сказать, — согласился я.

Не расписывать же ей, что на самом деле я поступаю согласно подсказкам своей интуиции, а уже потом, раскладывая свое решение на мелкие составляющие, вспоминая, что

заставило меня поступить так или эдак, понимаю, что на самом деле причиной всего является цепочка безукоризненной логики, которая успешно притворилась, что ее нет, и позволила перепрыгнуть сразу на вывод, который и становится решением.

— Ладно, умник. — Ванесса кивнула, всем своим видом показывая, что на самом деле вовсе не «ладно», но пока что она не придумала больше каверзных вопросов. — А дальше что?

— Что-что... — Я огляделся вокруг. — Судя по тому, что к нам до сих пор не спешат преподаватели, Лютес ошибся и автоматическую победу никто нам присуждать не спешит. Ну, или он соврал и разобрался не со всеми командами. В любом случае, нам надо продолжать путь, если мы хотим победить.

— А он что?

— Будешь продолжать в том же духе, я и правда решу, что ты к нему что-то испытываешь, — пригрозил я, а Ванесса в ответ привычно фыркнула. — Да и потом, а что с ним случится? Тут есть дикие звери? Что-то серьезное, с чем он может не справиться?

— Н-не знаю... н-нет, наверное, — неуверенно произнесла Ванесса. — Белки какие-нибудь.

— Ну, будем надеяться, что белки его не сожрут, — подытожил я. — Так что просто оставим его здесь, пусть выспится, а то он злой какой-то и нервный, это от недосыпа, точно тебе говорю.

— Ага, ладно, — кивнула Ванесса и подошла ко мне. — Ладно. Да, идем.

И мы двинулись дальше в лес, оставив Лютеса посапывать у нас за спиной.

— А это... — первой прервала молчание Ванесса. — А как ты его так усыпил ловко? Это же не магия, нет?

— Нет, просто ловкость рук, — улыбнулся я.

— Научишь? — глядя куда-то в сторону, спросила Ванесса.

— А ты что, не умеешь? — изумился я. — Простейший же захват!

— Нет, не умею! — она повернулась ко мне так резко, что даже ее короткие волосы взметнулись в воздух. — Иначе бы не просила!

— Э, нет, так мы с тобой не договоримся. — Я покачал головой. — Попросишь нормально — научу.

Ванесса фыркнула и демонстративно стала смотреть в другую от меня сторону, даже несмотря на то, что начала спотыкаться от этого.

Так мы прошли еще метров двести и наконец дошли до последнего испытания, призванного проверить нашу силу, ловкость и выносливость. Я ожидал, что это снова окажется что-то с двойным дном, что можно пройти напрямую, прошибая лбом, а можно аккуратно миновать по краю, но в этот раз мои ожидания не оправдались.

Преподаватели, судя по всему, решили не давать поблажек участникам на последнем этапе и сделали его простой полосой препятствий, как искусственных, так и естественных.

На протяжении следующих четырехсот или около того метров путь преграждали всяческие ямы с водой, завалы из огромных камней, вывороченных из земли или магическим образом наваленных сверху, узкие лазы, прокопанные внутри земляных насыпей, кривые лабиринты из прямых как стрелы стволов бамбука и не разбери чего еще.

Честное слово, у Светлых Егерей полоса препятствий была короче и проще, даже у тех, кто претендовал на место телохранителя императора!

И обойти это испытание не было никакой возможности — по бокам узкую полосу, по

которой предполагалось двигаться, зажимали густые деревья и кустарники, совсем как там, где мы встретили фантомных монстров. Конечно, можно попробовать прорваться через лес, особенно мне, с моим ножом, но в таком случае я его как пить дать засвечу перед наблюдателями, которые в обязательном порядке должны сейчас следить за нами. А если обойтись без него, то времени на преодоление этого густого подлеска уйдет едва ли не больше, нежели на самую полосу препятствий.

Да и Ванесса, будто желая доказать, что тоже не лыком шита, первой пошла к ближайшему препятствию, представляющему собой овраг по пояс глубиной, по которому стремительно несся прозрачный ручей, и без лишних слов шагнула в него.

— Ай! — тут же заверещала она и как можно быстрее выбралась на ту сторону. — Холодно!

Я усмехнулся и решил принять правила игры, раз уж моя напарница даже не подумала о том, чтобы найти обходной путь.

Правда эти правила я тоже слегка изменил — разбежался на своем берегу и перелетел через широкий, в мой рост, если не больше, овраг в длинном прыжке руками вперед. Приземлился на самый край, перекатился, подняв в воздух комки грязи и встал на ноги. Ванесса, как раз в этот момент отжимающая подол платья, презрительно фыркнула, и, не закончив то, что начала, двинулась к следующему препятствию.

Мокрое платье облепило ее задницу, и, немного посмотрев, я вынужден был признать — фигура у баронессы что надо. Прямо вот максимально что надо. Ни убавить, ни прибавить.

И мы продолжали проходить полосу препятствий, где — в затылок друг другу, где — бок о бок, а в некоторых местах даже приходилось друг другу помогать, как например возле высокой каменной стены, плоской и гладкой, будто лучший отделочный мрамор.

Для того, чтобы продвинуться дальше, пришлось посадить Ванессу, не без удовольствия подставив руки сначала под ее попу (на что девушка, к моему удивлению, даже не отреагировала), а потом — и под ноги. На самом деле, можно было обойтись и просто ногами, но я решил не отказывать себе в удовольствии.

На все про все у нас ушло минут двадцать, не меньше, и в конце концов, оба грязные и мокрые, мы наконец подошли к последнему препятствию, которое даже скорее было наградой — узенькому маленькому ручейку, в котором можно было умыться и из которого можно было напиться, что мы и сделали.

Немного приведя себя в порядок, мы двинулись дальше и спустя еще метров пятьдесят вышли к черной пирамиде, стоящей на опушке леса.

Она была не идеально ровной, а словно бы состояла из четырех квадратных шайб, одна меньше другой, поставленных друг на друга. И у подножья этой пирамиды находилось то, что я, честно говоря, ожидал увидеть уже давно.

Все преподаватели в полном составе, а также — все остальные участники нашего небольшого состязания, кроме разве что Лютеса, который, наверное, так и продолжал мирно кемарить на травке у нас за спиной.

— Вот видите, — произнес директор, указывая на нас. — Я же говорил, что они не отступят! Я же говорил, что они дойдут до конца!

— Так а это... — Ванесса протянула деду чудом сохранившийся за все это время конверт, но он отмахнулся:

— Это уже неважно! Вы ведь последняя команда, дошедшая до финиша! Конверт уже не

нужен, поднимайтесь и берите свой кубок! Вы заслужили!

И вся толпа преподавателей и студентов расступилась, открывая то, что скрывалось у них за спинами на вершине небольшой пирамиды.

За спинами преподавателей, сияя в неведомо откуда льющихся лучах яркого света, на верхней ступеньке пирамиды стоял небольшой кубок.

Я шагнул вперед, к нему, но Ванесса не сдвинулась с места, как зачарованная глядя на него, словно он был величайшим сокровищем этого мира.

— Эй, Ви. — Я тихо окликнул девушку и протянул руку в ее сторону. — Ты идешь?

Она, не отрывая взгляда от обычной, на первый взгляд, безделушки, медленно и заморожено кивнула и словно в каком-то трансе на автомате протянула мне руку в ответ, вложив свою ладонь в мою, и даже сама не заметила этого.

Я двинулся вперед по ступенькам пирамиды (оказалось, что в высоких и широких ступеньках были сделаны ступеньки меньше и ниже — как раз, чтобы шагать удобно было), и Ванесса послушно последовала за мной.

— Что это за кубок? — тихо спросил я у Ванессы, пока мы поднимались. — Почему ты так на него смотришь? Это что-то особенное?

— Это же кубок основателя Академии, Алкаста Выдры, — так же тихо ответила Ванесса. — Это величайшая реликвия. Говорят, что тот, кто из него выпьет, обретет на какое-то время невероятную удачу. Все, что только ни захочет, все исполнится. Это же великая честь и возможность.

Я оценивающе посмотрел на кубок магическим зрением — и да, вокруг него действительно вихрились клубы маны. Размазанные в тонкие разноцветные полосы, они словно заключали кубок в плотный шар, и, если бы не полупрозрачность мановых потоков, его вообще не было бы видно за ними.

Действительно, сильная магия.

Настолько сильная, что она даже за полторы сотни лет не ослабла и тем более — не пропала.

И, судя по доминированию в этих потоках черного, синего и зеленого, я даже, пожалуй, понимаю, как именно она действует. Это те самые цвета, которые нужны для того, чтобы решить, что тебе привалила гора удачи — цвета магии воздействия на сознание, манипуляций со временем и всего, что связано с процессами жизнедеятельности.

То есть, заправившись чужой маной через плоток напитка из этого кубка, на некоторое время человек резко повышает свои способности к соответствующей магии, и у него, что логично, все начинает ладиться.

Вот тебе и удача.

Он легко находит общий язык с другими людьми, уговаривая или заставляя их делать то, что хочет. Падающий на голову кирпич подсознательно замедляется на несколько мгновений, нужных, чтобы уйти из зоны поражения. А собственные беды организма залечиваются и зарастают вчетверо быстрее обычного.

Именно этот недолгий заряд чужой маны, которую неизвестный мне Алкаст Выдра, наверное, заливал в этот кубок десятилетиями, и воспринимается здешними магами как «удача». Которой, как известно, не существует.

— Ясно всё с кубком. — Я кивнул. — Древняя мощная магия.

Ванесса снова рассеянно кивнула и протянула руку к кубку.

В отличие от меня, она буквально обмирала от присутствия рядом с этим артефактом, и,

кажется, не держи я ее за руку — упала бы на колени и стала ему молиться.

Я не стал дожидаться, когда наконец она придет в себя — возможно, это произойдет только завтра, — и первым взял кубок за ручки. Поднял его, неожиданно легкий, с постамента, и принялся к темно-красному содержимому, на вид очень напоминающему вино. Но это оказался лишь прохладный вишневый сок без капли алкоголя, и я, после прохождения полосы препятствий, с удовольствием выпил половину, одновременно прислушиваясь к своим ощущениям.

Как-никак я сейчас немалую дозу донорской маны проглотил... Должно же это хоть как-то отразиться на моем организме?

Но... выпитое отразилось на организме только в виде хрена, положенного на рыло. Вся потребленная мана просто ухнула куда-то в черную дыру, разверзшуюся на месте всей мановой паутины и пропала, словно ее и не было. Я не смог отследить ее путь, но одно лишь то, что мана вообще смогла всосаться в мой организм, а не обтекла его, как вода камень — уже радовало.

Это означало, что паутина мановодов в моем организме есть, она существует и живет, и даже способна принимать ману снаружи. Я все еще не могу с ней взаимодействовать — это да, но она все же есть.

Надежда оставалась.

Да уж, Ванесса постаралась на славу, ничего не сказать. Я даже никакого ощущения приза от пройденной полосы испытаний теперь не могу испытать.

Впрочем, и хрен с ним — я же не ради того, чтобы испытывать удачу на прочность, влез в эту авантюру с Академией, а для того, чтобы вернуть себе магию. И если это означает наладить контакт с Ванессой, то я буду налаживать этот контакт. И поглощенные из кубка мановые потоки, призванные повисить на какое-то время мою «удачу», мне в этом помогут. Должна же от него быть хоть какая-то польза, если нет даже чувства удовлетворения?

Поэтому я развернулся и протянул кубок Ванессе, которая посмотрела на него так, словно ей его протягивал сам ангел. Когда она протянула руки к артефакту, они заметно дрогнули, но баронесса все же совладала с собой, закрыла глаза, словно ожидая величайшего наслаждения в жизни, и отпила из кубка.

А потом замерла, открыла глаза и недоуменно посмотрела в кубок. Отпила еще глоток и подняла глаза к небу, будто прислушиваясь к ощущениям. Затем глубоко вдохнула, выдохнула и опять уставилась на небо.

— Не работает, да? — сочувственно спросил я.

— На вкус простой вишневый сок, — разочарованно ответила Ванесса и одним глотком допила оставшееся.

— А ты чего ожидала? Нектара и амброзии?

— Не знаю, чего-то... другого. — Ванесса протянула мне кубок. — Чего-то... необычного, чего-то невероятного.

— Что, и кубок перестал быть великим артефактом?

— Нет, он... — Ванесса снова посмотрела на кубок. — Не знаю! Чего пристал?! И так никакого ощущения победы, а тут еще и ты!..

— Ну, с ощущением победы я сейчас помогу! — влез в разговор незаметно поднявшийся на вершину директор. — Это же не сам приз, это так, приятное дополнение. А приз — он вот.

И он протянул нам конверт. Похожий на тот, что мы бессмысленно тащили через все

препятствия, только белый.

Пока Ванесса недоверчиво и с вызовом смотрела на деда, я забрал у него конверт, открыл его и вытащил два длинных золотистых кусочка бумаги, на которых было что-то написано. Какие-то билеты...

— Ого! А вот это уже приз так приз!

Ванесса, увидев эти бумажки, резко оживилась, подскочила ко мне, вырвала билеты из рук и принялась вчитываться в них, словно боялась пропустить хоть одно слово, оттиснутое золотом на белой бумаге.

— И что это за приз? — поинтересовался я.

— А то ты не видел! Ты же сам в руках держал!

— Да я ничего рассмотреть не успел, ты из рук вырвала!

— Это два пропуска в Гремучие Вары! — пафосно произнесла Ванесса с таким лицом, словно от сказанного немедленно должна разверзнуться земля под ногами.

— Гремучие Вары! — повторила она, делая акцент на каждом слове. — Гремучие! Вары! Ты что, не понял, как нам повезло? Это же такая удача!

Я на всякий случай подождал несколько секунд, прислушиваясь к окружающим звукам, потом оглянулся и осмотрелся. Ничего нигде не разверзлось, и вообще ничего не изменилось.

— Ага. — Я вернул взгляд к лицу Ванессы. — Гремучие Вары. Я понял. А что это?

— Ты что, не знаешь про Гремучие Вары? — Ванесса посмотрела на меня с таким удивлением, будто не могла поверить ушам. — Это же... Да как можно не знать Гремучие Вары? Одно из самых невероятных мест в мире!

Я напряг свою искусственную память, что доктор Громов закачал в мою голову, но так ничего и не смог найти про эти самые Вары.

Судя по всему, информация о них, как, кстати, и о кронгах, которых я тоже не смог идентифицировать, не входила в тот пакет знаний, что мне имплантировали. Если вспомнить, что всю информацию по магии и магам мне пришлось искать самому в Сети, то напрашивается логический вывод — в меня загрузили только ту информацию, что была бы доступна обычному, не одаренному в магическом плане, человеку, что, в общем-то, и логично.

Простых людей намного, в сотни раз больше, чем магов, и им эта информация просто ни к чему — они ею даже не смогут воспользоваться. Ну а маги в этом мире практически поголовно — члены старых и именитых кланов, родственники и друзья друг другу, так что, даже если когда-то по какой-то причине процедуру имплантации памяти будут проводить магу, то всю необходимую информацию о магической части этого мира они смогут получить от своей семьи.

То есть, незачем наращивать объем имплантируемой памяти еще и информацией о магии этого мира, особенно, если вспомнить слова Громова о том, что это вообще-то очень долгая и опасная процедура, требующая множества попыток и процедур. Объективно нет причин.

Кроме одной. И эта причина — я.

Не просто уникальный случай переселения сознания в чужое тело одновременно с переходом между разными мирами, не просто невероятное пробуждение мертвеца прямо из гроба, но еще и проблемы с магией, граничащие с абсолютным ее отсутствием.

Случай тройной степени уникальности, вероятность которого, выраженная в процентах,

имеет один ноль до запятой, и после нее еще столько, что, пока считаешь их, заснешь от скуки.

Получается, что Академия мне на самом деле не так уж и не нужна, как я первоначально об этом думал.

Пусть в этом мире магия работает так же и по тем принципам, что и в моем родном, но я ведь не знаю, как она повлияла на этот мир и его культуру. Есть ли здесь места силы, и, если есть — то где и какого они типа? Есть ли здесь мертвые зоны, лишённые маны полностью, и где они находятся? Есть ли здесь агрессивные по отношению к магам люди, вроде секты Красного Скорпиона из моей прошлой жизни?

Вот же парадокс — зная о магии все, о конкретной здешней магии я не знаю почти ничего.

Не то чтобы это стало непреодолимым препятствием, но рациональнее будет потратить немного времени на изучение всех аспектов заранее и просто не попадать в дурацкие ситуации, нежели потом пытаться найти выход в тот момент, когда эта ситуация уже случилась.

Поэтому я вздохнул и обратился к Ванессе:

— Смотри сюда, на меня. Видишь это выражение неудивления на моем лице? Хорошо. По нему можно легко сделать вывод, что я знаю о Гремучих Варах что-то другое, что-то отличное от того, что знаешь о них ты. Расскажи, что в них такого? Почему они такие невероятные, эти твои Вары?

— Это же самая известная маномалия на территории Виаты! — жарко прошептала Ванесса и снова перевела взгляд на билеты. — Она образовалась еще во времена первой войны с Троттлом, когда маги Виаты собрали всю свою силу воедино и накрыли войска противника таким потоком маны, что от него сама земля треснула, организовав глубокий каньон! Огромное количество маны оказалось привязано к тому месту и окружает его до сих пор, что и сделало его самой мощной маномалией на территории нашей страны, а то и всего мира! Десятки магов путешествовали туда, чтобы посетить это место и улучшить свои умения! А пятьдесят лет назад, после мощного землетрясения в тех краях, на дне каньона пробилось русло горячих источников, и вскоре каньон облагородили, перекрыв его сверху, расширив внутри и организовав разнообразные удобства, превратив таким образом Гремучие Вары в объект не просто магического значения, но еще и туристического.

— И мы получили билеты в те самые горячие источники? — понимающе протянул я.

— Да! — Ванесса потрясла билетами. — Они стоят огромных денег, но это половина беды! Вторая половина в том, что их невозможно достать! Внутри источников допускается только одна группа людей в день, причем не больше пяти человек! Только представь — триста шестьдесят пять пропусков в год, и один из них получили мы! Никакие деньги и связи не могут гарантировать билет, а тут... это же такая удача!

— Ладно-ладно, я понял, — произнес я и улыбнулся. — Действительно удача.

Какая же Ванесса все-таки впечатлительная и эмоциональная.

Все никак не привыкну к тому, что теперь меня окружают маги, которые представляют из себя не убеленных сединами крепких суровых мужей, у которых за плечами больше сражений, нежели прожитых лет, а непоседливые юные подростки, которые с радостью готовы удивляться всему, что только попадет на глаза. Даже если на публике они — члены древних знатных кланов с родословной длиннее, чем расстояние между мирами.

В конце концов, баронесса же тоже едва-едва перешагнула порог совершеннолетия, и,

несмотря на все свои родственные связи, остается молодой девушкой с бушующими гормонами и периодической непредсказуемой реакцией. Эти Гремучие Вары вызвали в ней дикий восторг, как у ребёнка.

Хотя чего греха таить — я тоже оценил неожиданный выигрыш по достоинству, хоть и не подал вида.

То, что здесь называют «маномалией», в моем мире носило название «место силы» и использовалось примерно так же, как используется здесь, только потоньше и посложнее.

Вместо того, чтобы просто напиться чужой маной, которая все равно потом рассеется в пространстве, если не будет использована, поскольку будет являться лишней для мановой паутины посетителя Гремучих Варов, мы медитировали в местах силы, стараясь уравнивать вибрационные колебания собственной маны в организме с колебаниями маны в месте источника силы.

На это иногда уходили целые дни, наполненные тысячами попыток, но, если удавалось и они входили в резонанс или хотя бы приближались к нему, то паутина моментально реагировала на это, разрастаясь, увеличивая мановые хранилища, или манохраны, как их коротко называли, укрепляя мановоды и повышая общую емкость маны в организме.

Так что для меня в моем положении эти билеты тоже были очень кстати. Оказаться в самом мощном месте силы этого мира будет весьма полезно, даже если я не смогу к тому времени вернуть себе свою магию — может статься, что именно Гремучие Вары мне в этом помогут.

Особенно при условии, что мы там будем вместе с виновницей всех бед, которая меня магии и лишила.

Более удачного стечения обстоятельств для того, чтобы вернуть себе силу — просто не придумать. Это самый рабочий вариант. Короче говоря, повезло сказочно.

И тут меня поразило.

Неужели кубок «удачи» действительно работает, даже на меня?..

Это стало неожиданностью.

Я снова посмотрел на Ванессу, которая все никак не могла налюбоваться на билеты и сейчас совершенно не походила на наследницу древнего могучего рода, а уж скорее на маленькую девочку, которой подарили на день рождения то самое красивейшее платье, которое она просила последние полгода, протянул руку и аккуратно вытянул у нее из рук один из билетов.

Девушка тряхнула головой и очень быстро вернулась в свое нормальное состояние, чего я, собственно, и добивался.

— Эй, ты чего? — пробурчала она, глядя на меня исподлобья.

— Это мое, — веско сказал я, помахивая билетом. — Билетов же два, правильно? Значит, один из билетов мой.

— Да какая разница, они же на одну дату! — махнула рукой Ванесса. — Мы же одной командой победили!

— А вот это как раз, дорогая моя, ничего не значит. — Я почти по слогам произнес последние слова, развернулся и пошел вниз по ступеням пирамиды, ловя на себе взгляды других участников турнира — добродушные, радостные, завистливые.

Разные.

Был даже один недоуменный. Я его правда не видел, но чувствовал. Спиной.

— Что ж, поздравим наших победителей! — объявил директор, когда я спустился на

землю. — Но, как говорится, главное это не победа, а участие, поэтому все участники, безусловно, приглашены на бал, который пройдет сегодня вечером в общем зале во время ужина!

Проклятье...

Только балов мне и не хватало.

Не то, чтобы я не любил балы — отнюдь, я их очень даже любил.

Где еще, как не на балах, можно встретить такое количество разодетых и подвыпивших хлыщей и расфуфыренных дам, которые так сильно пытаются распушить друг перед другом перья и произвести друг на друга впечатление, что сами не замечают, как выбалтывают секреты и информацию, которую не то что разбалтывать — о которой думать-то надо с осторожностью!

Где еще можно найти такую яркую и пеструю толпу, хаотичную, постоянно перемешивающуюся в танце, а то и без него, в которой так удобно раствориться, и делать то, что нужно.

Вбирать случайные обрывки фраз, выстраивая из них стройную и понятную картину, а если нужно — и нечаянно толкнуть расплавленного франта, пронзая его печень острым тонким стилетом. Настолько тонким, что жертва даже не чувствует боли, только легкий угол, за который можно легко извиниться и свести конфликт на нет. Настолько тонким, специально подпиленным у основания, что клинок легко ломается, оставаясь в теле жертвы и запечатывая рану, чтобы даже кровь не выступила и не показала тем самым, что у жертвы есть какие-то повреждения.

А можно и еще проще — просто пронести руку над кубком отвлекшейся жертвы, разжимая пальцы и позволяя щепотке порошка без вкуса и запаха упасть в напиток, подписывая человеку смертный приговор. А если жертва ни в какую не хотела отвлекаться — то можно было и в свой бокал этот порошок бросить, а потом чокнуться с жертвой, да так, чтобы перелилось из одного бокала в другой. И выпить вместе с жертвой, разумеется, предварительно подстраховавшись от яда магией.

Все это было на тех балах.

На балах моего родного мира, которые я использовал как средство достижения определенных целей, а не саму по себе цель.

Но что мне делать на здешнем балу?

Устранять мне никого не нужно, информацию подслушивать... Ну, учитывая насколько здесь развита Сеть и насколько легко получить всю нужную информацию из нее — тоже.

Развлекаться, как и положено на балах? Так я здесь не для этого.

Получается, для меня весь этот бал будет лишь бездарной тратой времени. И, тем не менее, не пойти на него не получится тоже — своей победой в этом эрзац-турнире я уже привлек к себе слишком много внимания, от которого теперь так просто не отделаться. Нечего и мечтать о том, что моей неявки на турнир просто не заметят — не после того, что я только что сделал, точно нет.

И ведь даже больным не притвориться — маги здешнего лазарета моментально определяют, что я симулянт и выдумщик, а там недалеко и до подозрений всяческих, совсем мне сейчас не нужных. И при этом никакого настоящего недомогания без собственной магии я себе обеспечить не в состоянии — по крайней мере, такого, чтобы медицинские маги Академии не исправили его одним щелчком пальцев.

Прямо хоть Ванессу проси что-нибудь со мной сотворить, вроде того мыльнопузыревого проклятья. Но с ее бесконтрольной магией связываться это все равно что хватать в руки свежеизготовленный артефакт через секунду после того, как он будет закончен, без

стабилизации и инициации — может, все будет нормально, а, может, ты перестанешь существовать, разорванный на атомы. Вероятности примерно равны.

— Ну а сейчас всех приглашаю пройти в свои комнаты, переодеться, если есть желание, и следовать на занятия. — Директор мельком глянул на часы на запястье. — У вас как раз есть полчаса до начала первого урока.

Студенты, уже решившие, что сегодня будет день полной халявы, недовольно заворчали, но Каролина Нова, на которую директор многозначительно глянул, сделала вид, что не заметила этого:

— Студенты! — громко и властно скомандовала она. — Следуйте за мной!

С ней поспорить уже никто не решался.

Вот забавный парадокс — на директора бухтят и косятся, а заместителя директора слушаются беспрекословно.

Я хотел было подойти к Ванессе, чтобы поболтать к ней и закрепить тем самым первый успех сближения во время турнира, но ко мне очень некстати подскочил Нокс:

— Во даете! А ты правда уложил рыжего Лютеса?! Я бы тоже ему с удовольствием по морде съездил, этот урод нас со спины атаковал, я даже ничего заметить не успел! Мы еще даже первое испытание не прошли, все думали, как нам ответить на вопрос, а этот!.. Один только плюс — я упал знаешь как? Я упал точно на сиськи Фрейи, и так потом и пришел в себя! Со мной пока еще в жизни ничего лучше этого не случилось!

— Не сомневаюсь, — отстраненно ответил я, пытаюсь увидеть, где в нашем неровном строю находится Ванесса.

Но Ванессы не было.

Оказалось, что она отстала и сейчас о чем-то быстро разговаривала со своим дедом. О чем именно, сказать я не мог — за время, на которое меня отвлек своей болтовней Нокс, мы успели отойти достаточно далеко.

Ну и само собой, сорваться с места и отвлечь Ванессу от беседы с родственником я не мог тоже — с нее станется на такое поведение снова окрыситься, и плакали все мои успехи по наведению социальных мостов к этому агрессивному и нелюдимому острову.

Краем уха слушая болтовню Нокса, который все восхищался красотой и выдающимися формами своей напарницы по турниру, я добрался до своей комнаты, в которой кое-что поменялось за это время.

На внутренней стороне входной двери появилась белая большая табличка размером с лист бумаги, на которой красивым готическим шрифтом было написано: «Расписание».

— О, расписание повесили! — обрадовался Нокс. — Наконец-то!

— И что там у нас по расписанию на сегодня? — поинтересовался я, проходя к своим вещам.

— Так... — Нокс встал перед расписанием, подперев подбородок ладонью. — Ну, через десять минут у нас в лектории первое занятие по маноматике.

— По чему? — изумился я, услышав незнакомое слово.

— Без понятия, — ответил Нокс. — Впервые слышу такое слово. Потом, после него перерыв на обед, потом занятие по мановому контролю. А после него — ужин, совмещенный с балом.

— А свободное время? — не поверил я и подошел к расписанию сам.

— Так бал — это и есть свободное время, — мечтательно улыбнулся Нокс. — Ну, вернее, то, что вместо свободного времени запланировано конкретно сегодня. Эх, надеюсь,

Фрейя согласится потанцевать со мной.

— Обязательно согласится, — подбодрил я белобрысого непоседу. — Только про сиськи ее поменьше думай, а то так и будешь на них пялиться, и вместо девушки пригласишь на танец ее декольте.

— Оу... — Нокс расстроился. — Я... Попробую.

Что ж, раз директор решил заменить свободное время, которое я мог бы потратить на налаживание контакта с Ванессой на бал... Значит, придется налаживать с ней контакт на этом самом балу.

В конце концов, какая девушка не любит такое мероприятие, как бал?

Да и вариантов у меня особо-то и нет. Сомневаюсь, что на занятиях у нас будет возможность хотя бы словом лишним перекинуться — если здешние преподаватели хотя бы что-то смыслят в обучении, они этого, конечно же, не допустят.

Поэтому, переодевшись в чистое, я в компании Нокса отправился на первое свое занятие по маноматике.

Да уж... Кто бы мог подумать, что этот мир найдет, чем меня удивить в отношении магии. А вот на тебе.

Лекторий, в котором должно было проходить занятие, располагался в нежилой части здания и представлял собой большой зал, в котором стояли круглые столы диаметром метра полтора каждый. Всего столов было пять, плюс еще один, но уже не круглый, а прямоугольной формы, стоял на небольшом возвышении, вроде сцены или кафедры.

За этим столом уже сидела никто иная, как Каролина Нова, а на столах, включая и тот, что стоял перед ней, лежали какие-то непонятные агрегаты, похожие на корявую палку, к которой снизу приделали еще две палки покороче — одну почти посередине, вторую — возле самого конца.

Хотя сравнение с палками было далеко от идеала — все же заметно было, что это какие-то непростые устройства, отдаленно напоминающие гвардейский фузеи моего мира, только в два раза короче и в несколько раз толще.

— Итак, здравствуйте еще раз, — произнесла Каролина Нова, посмотрев на часы и быстрым взглядом пробежавшись по головам студентов — пересчитывая, наверное, причем ее совершенно не смутило, что Ванессы до сих пор не было. — Рада вас приветствовать на первом занятии и тем более рада, что это будет занятие по маноматике.

— А что это такое? — спросил кто-то из десятка первокурсников.

— О, это очень интересная отрасль магии, — слегка улыбнулась Каролина. — Новая, но от того лишь более интересная. После многих обсуждений министерство магии решило ввести маноматику еще и в программу обучения Академии, чтобы выпускники заранее умели обращаться с маноматами... Впрочем, я забегаю вперед.

— Маноматы! — просиял рядом со мной Нокс. — Я слышал про них! Я понял!..

— Крайне за вас рада, сент Маннер. — Нова моментально стерла с лица улыбку, заменив ее на более привычную для этой женщины безэмоциональную маску. — Если вы знаете, о чем пойдет речь на данном предмете, будьте добры, не портите сюрприз остальным.

— Да я ничего... — Нокс потупился и из-за этого даже не заметил, как после его выкрика его зазноба Фрейя украдкой бросила на него заинтересованный взгляд.

А я заметил.

— Разбейтесь по парам, как пожелаете, и подойдите к столам. Сейчас будет

интересно, — велела Нова, и студенты принялись оглядываться друг на друга.

Совершенно ожидаемо было, что они поделились точно так же, как их поделили перед турниром. И мне, как водится, не досталось пары, потому что Ванессы до сих пор не было в зале.

— Сент Граубер, — обратилась ко мне Нова. — Начните пока изучением в одиночестве. Как только сента Тьюдор к нам присоединится, продолжите в общем порядке.

Я кивнул и подошел к последнему оставшемуся столу, на котором лежал непонятный механизм.

— Итак, перед вами маноматы, — сказала Нова, поднимая свой экземпляр и демонстрируя его нам. — Свежайшая разработка отдела артефакторики при министерстве магии, практически наше тайное оружие в борьбе с Троттлом. Этой идее всего три года и только месяц назад были полностью завершены все испытания и маноматы пущены в серию, что и стало причиной того, что вы их сейчас держите в руках. Они — это будущее боевых магов, и те из вас, кто после Академии выберет в качестве занятия всей жизни армию Виаты, вероятнее всего, будут с ними неразлучны.

Нова нажала на что-то, куда-то потянула, и от маномата отделилась длинная изогнутая часть. Она положила ее на стол перед собой, отсоединила еще одну и продолжила говорить, разбирая оружие дальше:

— Маномат — это оружие условно огнестрельного типа, которое работает на собственной мане мага. Уникальность этого оружия в том, что оно способно переваривать ману любого типа, даже чистую, и единственным смыслом его существования является трансформация маны в физические снаряды, которые оружие выбрасывает с огромной скоростью. Можно сказать, что это автоматическая винтовка, которая вместо патронов питается вашей собственной маной.

Разобрав маномат и продемонстрировав нам одну лишь пустую раму, Нова принялась собирать его в обратном порядке, продолжая вещать:

— Еще одним потрясающим свойством маномата стала его компактность. Заложенные в него артефакты пространственной магии позволяют ему исчезать в собственном пространственном кармане, который прикреплен к владельцу оружия. Таким образом, оружие всегда будет при вас, даже если на вас не останется ни нитки. Но, повторюсь, это оружие исключительно для тех, кто выберет стезю боевого мага... Но так как каждый должен быть готов к тому, что однажды придется переквалифицироваться в боевого мага, обучение должны пройти все.

Сента Нова взялась за рукоять маномата, подняла его, прижала один конец к плечу, а второй направила в сторону окна, схватив левой рукой почти у конца оружия.

— Как видите, это удобное и эргономичное оружие, которым каждый из вас научится пользоваться. Вот здесь, внизу... — Нова отделила от маномата плоскую коробочку и показала ее нам. — Находится небольшой аккумулятор маны, который обеспечит хозяина оружия несколькими десятками выстрелов, даже если кончится его собственная мана... Впрочем, давайте обо всем по порядку. У вас есть какие-либо вопросы?

Первым руку вскинул Нокс и тут же затараторил, даже не дожидаясь, когда его вызовут:

— Это правда, что они работают даже в мертвых зонах, где нет никакой магии?

— Абсолютная. — Нова кивнула. — Маноматы являются артефактами герметичного типа, поэтому мертвые зоны для них не помеха. До тех пор, пока маномат соприкасается с телом владельца, он может стрелять. Разумеется, экземпляры, которые находятся сейчас в

этом зале, не обладают полным функционалом и лишь имитируют выстрел вспышкой пламени, поэтому сегодня вам удастся даже пострелять из них, чтобы понять, как это происходит. Но сначала вам следует узнать внутреннее строение этого оружия, поэтому приступаем к разборке. Повторяйте за мной.

И она снова начала разбирать маномат, комментируя каждое действие и объясняя каждую деталь, которая лежала на стол:

— Фокусирующий кристалл... Узел взаимодействия с пространством... Буфер рекуперации маны...

После каждого действия она останавливалась и проверяла, чтобы каждая пара студентов (и одинокий я) повторил это действие правильно. И только удостоверившись, что все было сделано по уму, переходила к следующему этапу.

По сути, строение маномата было несложным. Гениальным, и, как и все гениальное — несложным.

Приклад и рукоять являлись точкой контакта маномата с телом хозяина, поэтому питать его маной можно было сразу через два потока. Фокусирующих ману кристаллов, соответственно, тоже было два, они располагались параллельным подключением, и, в теории, если подобрать правильные потоки, можно было даже заставить их резонировать... Но судя по отсутствию какого-либо механизма выравнивания резонаторных колебаний, оружие на это рассчитано не было и последствия у этого действия просто непредсказуемы.

В целом, маномат действительно являлся элегантным и довольно удобным оружием — по крайней мере, намного более удобным, нежели гвардейские фузеи, которые и за оружие-то считалось далеко не всеми людьми и даже не всеми гвардейцами, что в большом количестве предпочитали громыхамам старые добрые изогнутые сабли.

Досконально запомнив, а главное — поняв, схему разборки маномата, в обратном порядке я сложил весь этот конструктор быстрее всех остальных и даже, наверное, быстрее, чем Нова это сделала в первый раз. Просто задумался на самом деле о том, насколько было бы здорово иметь такое оружие в моем старом мире — вот руки сами и отработали, не заботясь о маскировке.

Остальные студенты еще возились с установкой буферов, а я уже положил на стол собранное оружие и еще раз осмотрел его.

— Что, уже? — удивилась Нова, и в два шага подошла ко мне. — А ну-ка дайте!

Она взяла маномат, что-то дернула, куда-то внутрь посмотрела, стукнула сверху ладонью и покачала головой:

— Удивительно. Сталкивались с этим раньше?

— Не доводилось. — Я покачал головой тоже, специально повторяя жест, чтобы успокоить ее подозрения. — Просто память хорошая.

— Что ж, это очень хорошее качество, — улыбнулась Нова, отдала мне маномат и вернулась на свое место.

Дождавшись, когда все остальные закончат, она осмотрела каждый экземпляр, поправила несколько ошибок и громко объявила:

— Отлично, а теперь попробуем из них пострелять! Я уверена, что каждый из вас умеет управлять хотя бы чистой маной, поэтому ваша задача сейчас будет проста — направить ману в маноматы через приклад и рукоять! Аккумуляторы сейчас пусты, и с пустыми аккумуляторами маномат стрелять не будет, поэтому дождитесь, когда загорится зеленый огонек, означающий, что аккумулятор заряжен, и жмите на спуск!

Студенты радостно загомонили, решая, кто первый будет стрелять, и лишь я один хранил молчание. И не потому, что я был единственным, кому не с кем было спорить.

Я был единственным, кому нечем стрелять.

Что ж, я, конечно, знал, что рано или поздно этот момент настанет, но надеялся, что он настанет все же поздно. А он, как и все неприятное в этой и не только в этой жизни, настал рано.

Уже на второй день пребывания в Академии я столкнулся с ситуацией, которая это самое пребывание может обрубить на корню. Если я сейчас не выстрелю из этого диковинного оружия и при этом — не придумаю, как обосновать отсутствие выстрела... На этом все и кончится.

Меня выпрут из Академии, я потеряю контакт с Ванессой и... нет, не лишусь последней надежды на магию, но мои планы по ее восстановлению откатятся к самому началу.

Не хотелось бы.

Другой на моем месте напрягся бы, поняв, какие перспективы его ожидают. Другой — но не я. По сравнению с проблемами, с которыми мне уже доводилось сталкиваться, это даже проблемой-то не могло считаться. Надо просто выиграть немного времени на то, чтобы прояснить ситуацию.

И я легко его выиграл, «нечаянно» неловко задев защелку аккумулятора маны и позволив ему вывалиться на пол.

Только что хвалившая меня сента Нова недовольно нахмурилась, обернувшись на звук, будто я ее этим разочаровал, ну и пусть. Зато это спасло ее от намного более сильного разочарования, если бы она узнала, что я не владею никакой магией.

Зато ею владели остальные ученики. И сейчас они, в отличие от меня, уже готовы были опробовать маноматы в деле.

Ближе всех ко мне стояли Нокс и Фрейя, и белобрысый, отвоевав себе право стрелять первым, уже держал маномат наизготовку, прижав приклад к плечу и целясь в стену. Палец лежал на спусковом крючке, вот он напрягся, и...

Бах!

Выстрел маномата был не сильно громким, но хлестким и отрывистым, как удар плети. Никакого пламени из ствола не вылетело, но зато в магическом спектре легко было заметить несколько тонких полосок магии, сопровождающих выстрел — в основном, оранжевой и фиолетовой, то еще сочетание для глаза.

Никакого снаряда, конечно же, из ствола не вылетело, как и обещала Нова, но оружие все равно дернулось в руках Нокса и слегка стукнуло его в плечо, словно имитировало противодействие несуществующей пули.

— Ого! — счастливо выдохнул Нокс, отрывая приклад от плеча и осматривая маномат на вытянутых руках. — Вот это да!

Вот он, мой шанс.

Он повернулся так, что я стою у него практически за спиной и полностью поглощен созерцанием оружия. Каролина же смотрит в другой угол комнаты, и вообще нам меня никто не обращает внимания, а значит, сейчас лучший момент, чтобы...

— НОКС!!! — во всю глотку рявкнул я.

Нокс предсказуемо вздрогнул от такого громкого окрика, и оружие в его ладонях слегка подпрыгнуло, когда подпрыгнул он сам.

И тогда я шагнул в разрыв пространства, которое вскрыл еще до вопля, пользуясь тем,

что на меня никто не смотрит. Поблекли цвета, привычный холод дружески обнял за плечи. Маномат в руках, частично сделанный из металла, начал, как вампир, тянуть из меня тепло.

Не теряя времени, я быстрым шагом прошагал к Ноксу, который еще только наполовину повернулся в мою сторону, встал перед ним, и резанул ножом прямо по застывшему в нескольких миллиметрах над его ладонями маномату.

Я знал, как работает мой нож, ведь сам его создавал. Я знал, что разрыв пространства не мог открыться внутри твердого предмета, я сам заложил это условие. Я не думал, что у меня осталось так мало времени и планировал сперва переместить в другой мир все, что мне в нем может понадобиться, поэтому намеренно придумал механизм, позволяющий ограничивать границы разрыва габаритами предмета.

И пусть сейчас мой нож потерял свою так сказать «дальность» действия, он не потерял остального.

Поэтому когда маномат Нокса, окутанный облаком фиолетовых искр, вывалился в изнанку, я даже успел его подхватить и не позволил ему упасть.

Ну а дальше все было делом техники. Оставить в руках изъятое оружие, которое Нокс уже наполнил своей маной, а ему на то же самое место, где оно находилось, подсунуть свое — пустое, наполнить которое я не мог бы и при всем желании.

Я сделал короткий, точно по длине маномата, горизонтальный разрез над руками Нокса и аккуратно, как в стеклянную витрину, поместил в него оружие. Едва только оно полностью оказалось во внешнем мире, как тут же застыло в воздухе, будто подвешенное на невидимых нитях. Точно в том же положении, в каком висело до этого. И неважно, что это уже другое оружие. Никто ничего не поймет.

Я вернулся на то место, с которого шагнул в разрыв, и вышел из него спиной вперед, чтобы внезапно не оказаться стоящим задницей ко всем тем, кто сейчас ко мне обернется. Это вызвало бы у них вопросы.

А обернулось ко мне много кого.

Весь класс обернулся, если уж на то пошло, вместе с Новой. Нокс так вообще не смог поймать оружие, смешно замахал руками, но не удержал его и маномат с глухим стуком упал на пол.

— Сент Граубер! — нахмурилась Нова. — Что за вопли?

— В натуре! — оскорбленно поддержал ее Нокс. — Чего орешь как потерпевший?!

— Смотри, куда ствол направляешь. — назидательно произнес я. — Ты его чуть в меня не уткнул.

— Что, правда? — удивился Нокс. — Так холостое же все равно!

— Сент Граубер прав, — встала на мою сторону Нова. — Даже если оружие холостое, даже если оружие не заряжено, даже если оно наполовину разобрано, нельзя направлять его в сторону других людей. Пусть это правило родилось из мира огнестрельного оружия, но и к нам оно относится в полной мере.

— Простите... — пробормотал Нокс, подбирая с пола маномат. — Я больше не буду.

— Конечно не будешь, сейчас же моя очередь! — Фрейя отобрала у него маномат, прижала к плечу, направила ствол в стену и спустила курок. — Эй! В чем дело?

Она нахмурилась, опустила маномат, посмотрела на него внимательно, а потом снова подняла к плечу и выстрелила. Со второго раза все сработало как надо.

— Наверное, спуск не дождала, — моментально забыв о своем конфузе, авторитетно заявил Нокс. — Тугой он.

Каролина Нова, наблюдавшая за ними, перевела внимательный взгляд на меня, и я, чтобы не вызывать подозрений, пожал плечами, вскинул маномат, подождал секунду, имитируя накачку маны, и нажал на спуск.

Разумеется, оружие выстрелило — иначе и быть не могло, ведь там полный ноксовской маны аккумулятор. А они себе еще зарядят, с них не убудет.

Дождавшись выстрела, Нова тут же потеряла ко мне интерес и перевела взгляд на оставшихся учеников, ожидая, когда они справятся со своими экземплярами. Я же опустил маномат и положил его обратно на стол, предусмотрительно развернув стволом в стену.

К концу занятия все уже умели разбирать и собирать маноматы без чужой помощи. Как сказала Нова, занятия по практической стрельбе, то есть, с боевым оружием и по мишеням, будут когда-то в будущем, а до этого момента будет продолжаться работа с холостыми экземплярами.

Обосновано это было тем, что работа с маноматами не ограничивается только лишь накачкой и стрельбой — как любой только-только созданный и до конца не обкатанный механизм, они периодически давали сбои той или иной степени критичности, причем иногда выкидывая совершенно новые фортели, с которыми прежние пользователи даже не сталкивались. Разумеется, от любого пользователя маномата требовалось уметь их устранять, чем быстрее, тем лучше, и именно этому Нова и пообещала нас научить на следующем занятии.

Ванесса, к слову, так и не явилась на маноматику — наверное, ей было можно, учитывая ее родственные связи. Зато она появилась на обеде, на том же месте, на котором я ее видел в первый раз. Мы пересеклись короткими взглядами, я чуть улыбнулся ей, она тоже наметила улыбку в ответ.

Что ж, можно с уверенностью утверждать, что какой-никакой контакт с ней я наладил. По крайней мере, она уже не плюется ядом при одном лишь виде моей физиономии, и даже вон — улыбается.

Я планировал быстро проглотить обед и уйти из общего зала, лишь бы не слышать неостановимого восхищенного трепана Нокса на тему того, как же круто прошло занятие, какая удивительная технология эти маноматы и какая красота его напарница... Но планы поменялись, когда я увидел, что подают на обед.

А на обед подавали, как водится, сразу все.

Тут стояли огромные керамические супницы, в которых исходили паром несколько видов супов, тарелки с нарезанными сырами, колбасами, оливками, лежали на больших блюдах целиком запеченные индейки с белыми бумажными колпачками на ножках, лоханки с салатом, корзины с хлебом...

При виде всего этого разнообразия даже Нокс заткнулся — наверное, испугался, что захлебнется слюной, если продолжит болтать. Так что причина как можно быстрее свинтить из общего зала для меня перестала существовать, и я смог спокойно поесть, периодически ловя на себе взгляды Ванессы, но, к счастью, не ловя никакой поползновения с ее стороны к моим напиткам или еде. И на том спасибо.

Следующее занятие у нас должно было пройти на улице, в одном из «загончиков для магии», как я назвал про себя ограниченные разноцветными магическими щитами тренировочные площадки. Правда оказалось, что, помимо разноцветных, был еще загончик с прозрачным магическим щитом, и в него-то наш путь и лежал.

Благодаря Ноксу, который, казалось, решил попробовать от каждого блюда по кусочку, а

потом еще по одному, мы оказались последними, кто пришел к нужному месту. Все остальные уже были на месте, и, разбившись по парам-тройкам обсуждали что-то свое, аристократическое, далекое от меня и потом не интересное.

— Ага, а вот и последние двое! — раздалось из-за кучки студентов, и вперед протиснулся наш преподаватель на ближайший час.

Я его, конечно, видел уже за общим преподавательским столом в обеденном зале, но особого внимания не уделял. И вот сейчас наконец смог рассмотреть его повнимательнее.

Элим Дорн, как он был отмечен в расписании, оказался маленьким и сухоньким, но очень живым на вид старичком в очках, толстые линзы которых держались на парадоксально тонких проволочных дужках. Его волосы, седые и всклокоченные, торчали в разные стороны, как воронье гнездо, присыпанное снегом, и такого же цвета под носом виднелась массивная обувная щетка густых усов.

В общем и целом, профессор создавал впечатление не от мира сего, и его слегка безумный, бегущий по округе взгляд, лишь подтверждал это впечатление. Казалось, что в любой момент старикан в бело-желтых одеждах может что-то отмочить — то ли сальтом назад прыгнуть, то ли превратиться в кролика и ускакать в лес, то ли шарахнуть ближайшего ученика каким-нибудь ядерным плетением.

Но профессор не делал ни того, ни того. Он лишь пересчитал всех по головам, а потом открыл небольшие ворота в боковой стене тренировочной площадки и сделал приглашающий жест:

— Прошу вас, дамы и господа!

Внутри оказалось мило и приятно. Ничего здесь не было, ни единого предмета мебели, вообще ни единого предмета. Только пушистая зеленая травка, покрывающая идеально ровную, словно по линейке отчерченную, плоскость земли.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал профессор, и, подавая пример, первым усадил на траву свою тощую задницу в желтых штанах.

Я даже невольно задержал дыхание на секунду и прислушался, ожидая услышать треск ткани, пропарываемой острыми костями деда.

Студенты тоже расселись на траву напротив преподавателя полукругом, причем некоторые сперва недоверчиво потрогали ее, словно опасались испачкать свои щегольские шмотки в цветах клана. Справа от меня сел Нокс, слева — тихая брюнетка, та самая, что была в паре с рыжим мудилой Лютесом.

Дождавшись, когда все рассядутся, Дорн заговорил:

— Итак, юные маги, если кто-то еще не знает, меня зовут Элим Дорн и я буду вашим преподавателем по дисциплине «мановый контроль». Кто-то сможет дать определение этому понятию?

Само собой, я не стал поднимать руку и отвечать на вопрос — не хватало мне еще больше внимания привлекать к своей персоне. Пусть лучше другие отвечают.

Слово взяла та самая застенчивая брюнетка слева от меня, которая даже руку поднимала неуверенно, словно боялась, что ее за это отругают — всего-то на уровень головы.

— Сента Ворвуд, прошу вас, — кивнул Дорн.

— Мановый контроль — это способность контролировать ману и оперировать ею, исходя из целей и задач, стоящих перед магом, — тихо сказала брюнетка, не поднимая глаз.

— Как по учебнику! — Дорн довольно хлопнул в сухие ладони. — Именно что «исходя из целей и задач», именно что! Многие упускают этот момент, полагают, что достаточно

контролировать ману саму по себе, но это не так. Можно сколь угодно хорошо уметь контролировать чистую ману, но без адекватных навыков трансформации ее в нужный тип, а главное — без умения определять, какой тип необходим здесь и сейчас — далеко не уехать... Впрочем, сегодня мы как раз-таки будем заниматься контролем чистой маны, поскольку это база, на которой строится все остальное. И для этого мне нужно, чтобы вы разбились по парам.

Разумеется, все тут же снова встали в те пары, к которым уже успели привыкнуть, и рядом со мной снова оказалась Ванесса.

Но Дорн всех удивил и велел:

— Отлично, а теперь те, кто стоит в ваших парах справа, поменяйтесь местами с соседом справа, а те кто слева — с соседом слева.

Ученики недоуменно переглянулись, но выполнили указание учителя и по воле случая рядом со мной в пару встала Фрейя — та самая, по которой сох Нокс. Я даже поймал на себе короткий ревнивый взгляд рыжего, которому в пару досталась стесняшка Ворвуд.

— Каждый из вас подсознательно выбрал того, чье владение маной вам максимально близко, — пояснил Дорн свои указания. — Либо на уровне подсознания, либо, если вы уже видели применение магии своего партнера — сознательно. Это неважно. Главное, что сейчас я вас перетасовал, чтобы слегка усложнить задачу, иначе будет слишком просто. А заниматься сегодня мы будем основой основ манового контроля — мановым донорством. Кто-то знает, что это такое?

Я, конечно же, знал, что это такое.

Базовая техника обращения с маной, буквально-таки азы магии, способность переливать свою ману в другого человека, пополняя его собственный манозапас в критической ситуации. Это самый-самый простой способ использования магии в принципе, поскольку, во-первых, требует физического контакта с объектом, а во-вторых, донация маны осуществляется в «сосуд», который изначально подготовлен к ее приему самой природой, и даже нет нужды пытаться привести ману в тот вид, в котором реципиент ее сможет принять.

Конечно же, всего этого я говорить не стал, вместо меня все это, только немного другими словами, сказала все та же брюнетка Ворвуд, чем заслужила еще один одобрительный кивок от преподавателя.

А потом мы брали своих напарников за руки и пытались передать друг другу ману. Сперва я немного напрягся, когда подошла моя очередь переливать ману Фрейе, но оказалось, что очень даже зря.

— Я это делаю в первый раз, — показательно сурово предупредил я девушку, беря ее за руку. — Так что если что-то почувствуешь, хоть что-то, скажи мне, чтобы я тоже знал!

А потом достаточно было чуть-чуть сжать ее руку и нахмуриться, имитируя напряжение и собранность, как она тут же охнула:

— Чувствую, чувствую!

Впечатлительная, похоже, девочка попалась, внушаемая...

Оставшееся до конца занятия время профессор объяснял нам, какие факторы могут повлиять на мановое донорство как в положительном, так и в отрицательном ключе. Я почти не слушал то, что и так прекрасно без него знал (а то и побольше, чем он), поэтому лишь имитировал полную вовлеченность в процесс, а на самом деле обдумывал более важные вещи.

Сегодня я выкрутился. Сегодня я смог избежать разоблачения, сегодня мне повезло.

Возможно, не без участия того самого зелья из кубка, которое должно было повисить мою «удачу».

Но долго так продолжаться не может. То, что я выдам свой секрет — лишь вопрос времени. Можно быть магом и при этом успешно притворяться простым человеком, но не наоборот.

Поэтому, пожалуй, приоритеты следует переставить местами и совершенно бесполезный на первый взгляд бал поставить на первое из них. Именно на балу нужно будет поставить жирную точку в том деле, в которое я сегодня вложил все свои силы, и, надо сказать, небезуспешно.

Завтра я уже должен хотя бы начать разбираться в том, что случилось с моей магией. А значит, самый максимум сегодня вечером я должен заручиться в этом деле поддержкой Ванессы.

Как раз и зелье удачи поможет.

После урока манового донорства у нас был целый час на то, чтобы подготовиться к будущему балу.

«Целый» это потому, что мне банально нечем было занять это время, и все, что оставалось — это валяться на кровати и наблюдать за Ноксом, который, как лиса, вернувшаяся с охоты и обнаружившая, что ее нора забита всяким мусором, закопался в своем шкафу с головой.

То и дело из зева шкафа вылетали разные шмотки и ровным ковром устилали пол комнаты. Примерно раз в семь минут Ноксу надоедало копаться, он вытаскивал из шкафа башку, захлопывал дверцы и, глядясь в закрепленные на них зеркала, принимался прикладывать к себе вещи, подбирая их с пола и придирчиво осматривая себя.

То, что зеркало показывало, ему все время не нравилось, поэтому скомканые шмотки летели в угол, меняясь на другой набор, а когда все наборы заканчивались, белобрысый снова закапывался в глубине шкафа.

К счастью, Нокс не пытался спрашивать моего мнения, а то я бы ему честно сказал, что все его варианты — полная хрень. Ему вполне хватало и его собственного вкуса, которому он никак не мог угодить.

Наблюдать за этим было даже забавно. Видимо, голубокровая аристократия везде одинакова, во всех мирах. Везде они предпочитают форму сути и пытаются максимально выделиться из строя таких же, как они.

В моем родном мире я точно так же наблюдал мужчин, причем даже великовозрастных, даже убеленных сединами, которые сутками ломали головы над тем, в каком бы таком виде заявиться на очередной прием, чтобы привлечь к себе максимум внимания, которые точно так же копались в бездонных шкафах, перебирая сотни нарядов.

И глуп тот, кто презрительно усмехнулся бы при виде подобного занятия и высказал бы какое-нибудь сравнение с женщиной или еще хуже — содомитом. Глуп и, возможно, мертв в ближайшем будущем, поскольку среди этих мужчин были как и те, в отношении кого эти суждения были бы правдой, так и те, на ком под одеждой не найти живого места от шрамов, полученных в сотнях сражений.

И те и те по сути вынуждены были заниматься всей этой рюшечной чушью, поскольку им это диктовали правила общества, в котором эти люди вращались. Общества, условно говоря, павлинов, каждая сходка которых превращалась в соревнование по пышности и вычурности наряда. И победитель этого соревнования становился победителем всего вечера, гвоздем программы и центром внимания. Его слова ловили, к его мнению невольно начинали прислушиваться. И, бывало так, что серьезные решения, касающиеся целых городов и даже стран, менялись под мягким давлением подобного «победителя».

Вот и в этом мире то же самое.

Молодые аристократы остаются аристократами со всеми их привычками и мировоззрением. Только, в отличие от взрослых, уже умеющих контролировать свои порывы, юные маги действовали импульсивно и порою даже инфантильно, что не удивительно.

Ну вот зачем кидать одежду на пол? Да еще и в угол потом...

— А ты в чем пойдешь? — недовольно буркнул Нокс во время перерыва, что сделал после того, как выпотрошил половину шкафа.

— Секрет. — Я улыбнулся. — На балу увидишь.

— Ага... — ответил Нокс, и, моментально потеряв интерес к этой теме, снова принялся потрошить шкаф.

В конечном итоге он остановился на строгих красных брюках, с острыми стрелками, и желтой, но с красным воротником, рубашке с короткими рукавами. Став таким образом похожим на нарисованный язык пламени, он пригладил специальным гелем волосы так, что они стали напоминать какой-то стеклянный шлем, а потом наоборот яростно растер их расческой, превратив в подобие воробьиного гнезда, что выглядело, на мой взгляд, хоть и не намного, но все же лучше.

Когда Нокс наконец заявил, что он готов, до начала бала оставалось всего пять минут.

— Ну что, идем? — Он повернулся ко мне, впервые за все это время сменив выражение лица с недовольного на хотя бы нейтральное.

— Иди, — ответил я. — Я догоню.

— А-а-а, секрет, — понимающе протянул Нокс. — Ну ладно, давай. Не опоздай только.

И он вышел за дверь.

А я так и остался валяться на кровати и пялиться в потолок, отсчитывая про себя секунды. Потому что на самом деле весь мой сюрприз заключался в том, что я даже не собирался переодеваться.

Я мог бы попросить что-то у Нокса, благо, мы почти одинаковы и по росту и по комплекции, но даже этого я делать не собирался. Я собирался явиться на бал прямо как есть — в простой одежде, в которой ходил сегодня половину дня.

Потому что если я что-то и вынес из многократного наблюдения за тем, как аристократы из кожи вон лезут, чтобы оказаться самыми заметными, яркими и красивыми, так это неочевидный факт — среди ярких и красивых самым заметным будет тот, кто не ярок и не красив.

Да, я пойду против неписанных правил этого общества. Да, возможно, иные дамы особенно консервативных взглядов поморщат носики при взгляде на меня. Но главное — что эти взгляды будут. Главное, что среди них будет и взгляд Ванессы, единственной причины, из-за которой я вообще иду на этот проклятый бал. И исходя из всего того, что я наблюдал сегодня, она точно не станет морщить носик. Скорее уж улыбнется.

В конце концов, я же в Академии оказался как сирота без гроша за душой, у которого даже вещей с собой — один раз переодеться. Мне банально откуда взять бальный наряд, или как там называются эти обшитые рюшами пижамы?

А еще я опоздаю. Мне можно.

Мне — нужно.

В итоге я подошел к дверям большого зала только через пятнадцать минут после того, как часы показали нужное время. Из-за закрытых дверей тихо звучала легкая музыка и едва-едва слышные голоса.

Я толкнул створки дверей, что разлетелись от меня, как распахнутые крылья черного ангела, и вошел внутрь.

Голоса моментально затихли, и даже музыка, звучащая от натурального живого оркестра на месте преподавательского стола, стихла. Глаза всех присутствующих уперлись в меня.

Я обвел большой зал взглядом.

Столы, обычно находящиеся посередине, сейчас стояли сдвинутыми к стенам, но, как

всегда, ломались от яств. Маленькие тарталетки, канапешки, крошечные бутерброды, нарезки, бутылки с шампанским и легким вином — короче, все то, что можно кинуть в рот, проходя мимо и не останавливаясь при этом.

Середина зала, освобожденная от столов, была отведена под танцпол и сейчас на нем застыла в неоконченном движении танца эффектная пара — Каролина Нова в ослепительно-белом обтягивающем платье и Виктор Тюудор в бархатном черно-красном фраке. Они оба смотрели на меня, при этом Нова — спокойно и хладнокровно, а Виктор — с хитрой улыбкой.

— Простите, опоздал, — в наступившей мертвой тишине произнес я. — Никак не мог выбрать, что надеть.

Ожидаемый взрыв смеха был мне ответом.

Напряжение, собравшееся в воздухе, моментально рассеялось. Пока остальные смеялись, я прошел к ближайшему столу и взял в одну руку красивую канапешку с оливкой и сыром и бокал с шампанским, внутри которого бегали веселые пузырьки. Развернулся обратно лицом к залу и увидел, что почти все уже отсмеялись и теперь снова смотрели на меня, будто чего-то ожидая.

— В чем дело? — нарочито невинно спросил я. — А, понял! Да, я готов, можно продолжать. Господа!

И, посмотрев в сторону небольшого оркестра, расположившегося на помосте преподавательского стола, я несколько раз махнул в воздухе шпажкой с канапе, словно дирижерским смычком, и резко опустил ее, имитируя вступление.

И оркестр вступил. Сначала труба, заигравшая веселую ненавязчивую мелодию, через два такта ее догнал барабанщик, а потом вступили и все остальные.

Музыка разбила не только повисшую тишину, она еще и оборвала все взгляды, что собрались на мне. Постепенно люди снова возвращались к разговорам, флирту и танцам.

Директор и замдиректора ушли с танцпола, зато вместо них вышло несколько других пар и принялись зажигательно отплясывать. Только один взгляд продолжал жечь мою спину, но я не оборачивался.

Мне не было нужно. Я и так знал, что она смотрит.

А сам я изображал скуку (хотя нет, ее мне даже изображать не нужно было), стоя возле стола, потихоньку смакуя озорное полусладкое шампанское и изредка оттеняя его вкус чем-нибудь соленым или кислым. Несколько раз мимо меня, практически вплотную, словно в огромном обеденном зале больше не было свободного места, проскальзывали незнакомые девушки в вечерних платьях. Каждый раз они мило извинялись, стреляя глазками через обнаженные плечи, получали в ответ такую же милую улыбку и пару слов о том, как они прекрасно выглядят, и что я совершенно не в претензии.

Каждый такой раз я чувствовал, что сверлящий мою спину взгляд становится все более и более жарким.

Так продолжалось около получаса, и вот внезапно на сцену вышел директор и постучал по не пойми откуда взявшемуся микрофону, вызывая дикий скрежет и визг.

— Простите, — стусевался он, но тут же снова принял лихой вид. — А сейчас на танец приглашаются все сегодняшние победители турнира! Разбивайтесь по вашим парам и прощу на танцпол!

Вот же х... хитрый старикан! Наверняка же этого не было в планах!

Сзади раздались тихие цокающие шаги, шеи коснулось жаркое дыхание.

— Все слышал? — полушепотом выдохнула на ухо Ванесса. — Шагай вперед. Только не думай...

— Да я уже перестал думать, — усмехнулся я, развернулся...

И перестал думать. На сей раз — натурально.

Ванесса надела, наверное, самое провокационное, но при этом парадоксально закрытое платье. Без рукавов и ворота, спереди оно делилось на два цвета — красный и черный диагональным швом, проходящим от плеча до бедра. Посмотришь — вполне себе платье, можно даже на прогулку такое надеть. Но это только лишь до тех пор, пока не увидишь его со спины. Или хотя бы сбоку.

Платье не сходилось. Косая диагональ частой шнуровки — единственное, что скрепляло воедино ткань двух цветов, — сбегала по спине Ванессы, и заканчивалась на бедре, оголяя его почти полностью и красноречиво сообщая о том, что никакого белья баронесса провокационно не надела. Его просто невозможно было бы надеть под это платье, это было бы кощунственно.

На ногах баронессы блестели яркие туфли на высоком каблуке, — одна черная, другая красная, — а на руках — тонкие кожаные полуперчатки, точно так же разделенные по цветам. Слово кто-то нанес на Ванессу диагональную линию и велел покрасить одну половину черным, а другую — красным.

— Глаза сломаешь... — обронила Ванесса, польщенно опуская глаза. — Идем уже.

Я кивнул, взял ее под руку (она не стала ее вырывать и вообще оказалась не против) и мы вышли в центр танцпола.

Зазвучала приятная небыстрая музыка, я, продолжая держать одной рукой руку Ванессы, развернулся, потянул ее на себя, заключая в свободные объятия. Вторая рука легла на талию, пальцы коснулись туго натянутой шнуровки, следом — голой загорелой кожи под платьем. Горячей, как песок в пустыне...

Ванесса нервно облизала губы.

Я повел танец. Шаг-подшаг, разворот. Шаг-подшаг, поворот. Шаг-шаг, наклон...

Ванесса следовала за моими движениями, подчинялась рукам, как податливый пластилин. Здешние аристократы, как и любые другие аристократы, конечно же, умели танцевать, и подтверждение этому не только Ванесса, но и остальные пары, что неспешно проплывали мимо нас в танце. Каждый танцевал что-то свое, но это «что-то» было неспешным, красивым и достойным звания «аристократический».

Уловив, что инструменты заканчивают свои партии и постепенно выходят из композиции, я подловил момент, закрутил Ванессу в своих руках, перехватил ее ладонь, наклонил назад и последнюю ноту мы так и встретили. Я, стоящий практически на колене и поддерживающий девушку под спину обеими руками, и она, закинув руки мне на шею и приподняв одну ногу в попытке удержать равновесие.

Секундная пауза. Лихорадочный блеск в глазах Ванессы. Острый язычок, нервно, приглашающе облизавший губы...

А потом зал взорвался громом аплодисментов!

Ванесса вздрогнула, нервно посмотрела по сторонам, задержалась и чуть не упала. Я поддержал ее, помог подняться на ноги, и к нам тут же подскочили первокурсники, что-то радостно вопя и размахивая руками. Нокс даже прыгал от радости, кто-то сунул в руку Ванессе бокал с шампанским и она машинально его взяла.

Я же аккуратно высвободил свою ладонь из ее руки, на мгновение задержал пальцы,

чтобы на коже осталось ощущением касания, и растворился в этой нахлынувшей толпе. Аккуратно раздвигая людей, прошел к входным дверям и вышел из общего зала.

Семена посеяны. Теперь надо лишь ждать всходов.

Я прошел в ближайший переходный стеклянный тоннель, облокотился на перила и принялся смотреть на звезды, пытаясь усмотреть в них если не знакомые, то хотя бы похожие на известные мне созвездия.

Но я не успел найти ни одного. В тишине коридора отчетливо застучали каблуки, и Ванесса облокотилась на перила рядом со мной.

— Ты... отлично танцуешь, — тяжело, словно через силу, через комок в горле, начала она.

— Только не думай, что ты имеешь к этому отношение, — усмехнулся я.

— Да я не!.. — вспыхнула Ванесса, а потом секунду подумала и рассмеялась. — Ах ты!..

Я многозначительно поднял бровь, и оставил ее высказывание без комментариев, продолжая смотреть на звезды.

— Я... — Ванесса снова перешла на тон пониже. — Вообще я извиниться пришла.

— За что именно? — Я слегка повернул голову в ее сторону.

— Да за все... — Ванесса поморщилась. — За то, что так себя вела с тобой. За то, что... что...

— Что пыталась отравить? — беспечно спросил я. — Тогда, на первом обеде?

— Откуда ты знаешь?! — вспыхнула Ванесса.

— Да уж знаю! — рассмеялся я. — Мне просто интересно, а что конкретно ты пыталась сделать, что получилась такая... такое... Ну, ты поняла.

— Да ничего не хотела, — буркнула Ванесса. — Я тогда вообще не в состоянии была что-то хотеть. Просто видела твою рожу и думала «Чтоб тебе до конца жизни икалось!»

— Ну, собственно, так оно и получилось. Только с целью немного не срослось. Но ничего, ты же здесь именно для того, чтобы научиться владеть своей силой. Чтобы можно было убивать людей уже не случайно, а целенаправленно.

Повисла тяжелая тишина. Ванесса буравила взглядом пол, а я — ее.

— Прости, — наконец тихо сказала она. — За это особенно прости. Я сама не своя была. Просто крышу сорвало, ничего не помню о том моменте. Только помню, что увидела тебя уже... мертвого. Даже не сразу поняла, что наделала. Как ты вообще выжил?

— А я не выжил, — я пожал плечами. — Я ожил. Как — не знаю, даже не спрашивай. Даже врачи не смогли сказать, как именно это произошло. Чудеса, да и только. Может быть, ты сама и возродила меня своей магией? Тоже просто захотела, чтобы я ожил — и вот он я.

— Возможно... — без энтузиазма согласилась Ванесса, так, что сразу стало ясно — не верит она в такую возможность.

— Но знаешь, простого «прости» тут мало. — я протянул руку и опустил его на талию девушки, снова касаясь пальцами оголенной кожи.

Ванесса подняла голову и искоса на меня глянула. В ее глазах снова разгорался бесноватый огонек.

— Как-никак ты меня на тот свет отправила... — Я положил вторую руку ей на талию и развернул лицом к себе.

— И что же тебе нужно? — изменившимся, грудным, голосом спросила Ванесса, кладя руки мне на грудь и глядя снизу-вверх.

— Давай сделаем так, — с удовольствием произнес я. — Ты выполнишь одно мое

желание, и я тебя прошу. При этом это желание останется между нами, и ни одно живое существо не узнает ни о нем, ни о его последствиях.

— Ну, если ты не заставишь меня бегать голой по Академии... — Ванесса на мгновение покосилась на свое платье, а потом качнула головой. — А, впрочем... Так чего же ты хочешь?

— Значит, ты согласна? — Я чуть нагнулся к ней.

— Клянусь здоровьем всей своей семьи, что выполню твое желание, — прошептала Ванесса, подаваясь мне навстречу.

Пальцы ее на моей груди слегка сжались, черно-красные ногти вдавились в кожу через ткань рубашки.

Я нагнулся еще ниже, почти касаясь ее губ, из которых раздался тихий вздох. Наклонился еще ниже, согревая дыханием оголенную шею девушки, на которой ментально высypали мурашки. И произнес ей на ухо практически неслышным шепотом:

— Ты поможешь мне вернуть мою магию.

Ванесса распахнула уже закрытые в ожидании поцелуя глаза и тихо спросила:

— Ч... Чего?.. Что ты сейчас сказал?

— Я говорю, что мое желание — чтобы ты помогла мне вернуть мою магию. Мои магические силы. Которые, между прочим, по твоей же вине и пропали.

Я раскрыл мысль пошире и наконец убрал руки с талии девушки, прежде чем она придет в себя и с возмущением сделает это сама. Короткий жест, вроде ничего не значащий, но это только на первый взгляд. На самом же деле он, как и многие другие мелочи, формирует правильное понятие — кто хозяин этой ситуации и кто ее контролирует.

Ванесса, все еще ошеломленная тем, что мне от нее нужно совсем не то, на что она рассчитывала, как я ожидал, подняла руки и пошарила по своим бокам в поисках моих ладоней.

Не найдя их, она моргнула и еще раз, но тише, спросила:

— Чего? Подожди, я не поняла. О чем ты говоришь?

— Когда произошел тот инцидент с моей смертью, — спокойно начал я, намеренно игнорируя конструкцию «ты меня убила», чтобы в девушке не проснулась злоба, которая сведет весь эффект на нет, — твоя магия что-то сделала с моей собственной. После того, как я снова пришел в себя в этом теле, оказалось, что у меня не только памяти, но и магии — все равно что нет. Я не могу ею оперировать, словно на этом действии стоит какой-то блок. И виной этому — ты. И я хочу, чтобы ты все исправила.

— Но как же... Как же... — Ванесса путалась в словах, пытаюсь спросить все и сразу и не зная, с какого вопроса начать. — Как же ты попал в Академию?

— У меня осталась возможность к телепортации, — не став уточнять подробности, ответил я. — За счет нее я прошел вступительные экзамены.

— Но ведь телепортация — это тоже магия! — Ванесса всплеснула руками. — Как может работать она, но не работать все остальное?!

— А этот вопрос надо задавать не мне, а тебе. — Я усмехнулся. — Повторяю — в моей жизни было только одно событие, по времени совершенно точно совпавшее с тем, как я потерял способности к магии, и это событие было связано с тобой. С твоими действиями. С твоими желаниями. С твоими мыслями. Точно так же, как ты хотела, чтобы мне икалось до конца жизни. Остается только вопрос — а чего ты хотела в тот момент, когда отправляла меня в гроб? О чем думала?

Конечно же, я в какой-то степени рисковал. Ванесса могла рассказать о моем «недуге» кому-нибудь, и тогда ничего хорошего не случится — это как пить дать. Но, говоря по правде, риск был минимальным. Я бы оценил его вероятность в один процент.

Собственно, я и оценил.

Во-первых, ну кому она могла рассказать об этом?

Совершенно очевидно, что первый, к кому она побежит с этой новостью — это ее дед, а этот старикан, как ни крути, на моей стороне. И ему будет достаточно, даже если я действительно могу управлять одной лишь только телепортацией для того, чтобы оставить меня в Академии, как было достаточно для того, чтобы в нее принять.

Он даже наоборот — воспримет это как забавный магический казус, который требует отдельного изучения, опытов, экспериментов и прочих занятий. Они, эти занятия, конечно,

не страшны и даже по-своему были бы интересны, но они отдаляют меня от главной цели — от Ванессы.

Ведь я-то знаю, в отличие от здешних магов, что никто, кроме бескона, который что-то со мной сделал, это самое «что-то» не исправит. А даже если Ванесса, не найдя поддержки у деда, пойдет к кому-то другому, дед все равно будет первым, кому она расскажет. И, пользуясь своим положением директора он запретит меня отчислять из Академии, даже если все остальные преподаватели будут за.

Во-вторых, у Ванессы, в общем-то, нет ни единой причины, чтобы вообще к кому-то идти и рассказывать о моей небольшой тайне. У нее была такая причина еще вчера утром, но никак не сегодня вечером.

При правильном подходе полтора дня вполне достаточно, чтобы отношение женщины к мужчине кардинально изменилось, и она, вместо жалкого оборванца, снимающего украдкой голых девушек, каким был предыдущий хозяин этого тела, разглядела сильного мужчину с твердым характером, знающего себе цену. Каким, собственно, я и являлся.

Пусть она была баронессой, но в первую очередь она — женщина, и когда апеллируешь к ее женскому началу, когда обращаешься с ней, как с женщиной, она и реагировать начинает как женщина, а не как взбалмошная аристократка с собственными правилами, которые все вокруг нее обязаны соблюдать.

Стоит ей очароваться настоящим мужчиной, она даже становится готовой соблюдать чужие правила. Она же дала клятву никому не рассказывать о моей просьбе, и, даже если у нее в голове появятся мысли ее нарушить, тварью почувствует она себя сама, мне даже не придется ей об этом сообщать.

В-третьих, как бы Ванесса ни пыталась это скрыть за маской отстраненной аристократической холодности, в глубине души она была той еще авантюристкой, которая не гнушается и платье замочить-испачкать в погоне за победой, и выйти на танец посреди толпы наблюдателей в паре с безродным, одетым, словно на игру в футбол, выходцем.

В-четвертых, пробужденное в Ванессе чувство вины, которое она сама показала, которое даже не пришлось раздувать и вытягивать наружу, просто не позволило бы ей совершить очередную подлость по отношению ко мне... Особенно с учетом всех предыдущих пунктов.

И наконец, в-пятых — у меня был еще один козырь, использовать который мне бы не хотелось, да и не планировалось, в общем-то. Даже не козырь, а, скорее, костыль. Последняя отчаянная попытка вернуть вышедший из-под контроля план если не в то же русло, то хотя бы к тому же результату. Если бы пришлось его применить, значит, все остальные мои суждения ошибочны, и, значит, ошибочен весь план в целом. Но вероятность этого была — один процент.

А когда Ванесса опустила глаза, не отвечая на мой последний вопрос, я с удовольствием превратил в своей голове этот один процент в ноль.

— Давай сразу определимся. — Я протянул руки и взял ее ладони в свои. — Я не держу на тебя зла за то, что ты меня убила, в конце концов, я возродился как ни в чем не бывало, а что до памяти... Судя по тем обрывкам, которые я смог восстановить, моя память не очень-то стоит того, чтобы ее восстанавливать.

— Но? — сдавленно спросила Ванесса, так и не поднимая глаз.

— Что «но»?

— В твоей фразе так и просится «но». — Ванесса вздохнула и подняла глаза, но не на

меня, а за окно. — «Я не держу на тебя зла, но...»

— А без «но». — Я улыбнулся. — Просто я не держу на тебя зла. И даже на то, что ты лишила меня магии — не держу, ведь ты не ведала, что творишь настолько, что даже не можешь сейчас вспомнить, что именно пыталась сотворить. Просто в месте, в котором все такие крутые маги, практически не обладать магией самому как-то... неприятно. Поэтому я и хочу, чтобы ты помогла мне ее вернуть.

Говоря точнее, я не столько хотел, чтобы она мне вернула магию, сколько хотел, чтобы она ЗАХОТЕЛА мне ее вернуть, ведь именно это желание и было гарантией и одновременно причиной того, что я хотел получить.

Мага можно заставить что-то сделать, можно пригрозить ему чем-то, можно поставить его в такие условия, что ему придется это сделать. Без желания, против воли, но сделать.

С бесконом этот номер не пройдет.

Пока бескон сам не захочет, чтобы что-то произошло, пока он всей своей душой не начнет ратовать за свершение этого события, оно и не случится.

Я мог бы вытянуть из Ванессы согласие на помощь мне, я мог бы надавить на нее, я мог бы заставить ее помогать мне шантажом или другими способами. Но все это не привело бы ни к какому результату. К процессу — да, Ванесса искренне изображала бы бурную деятельность в попытке исполнить свое обещание, и, возможно, даже думала бы, что действительно хочет мне помочь. Но на уровне мыслей все и осталось бы, поскольку внутри, на уровне даже не подсознания, а каких-то еще животных инстинктов, она бы знала — ее обманули. Попытались выдать чужое желание за ее собственное, которого на самом деле нет. И это противоречие заранее ставило крест на абсолютно любых действиях, которые бы мы ни предпринимали.

Конечно, прямо сейчас я в ней не смогу разбудить никакого истинного, внутреннего желания помочь. Прямо сейчас она ошарашена всем происходящим и находится в смятении, здесь не идет и речи вообще хоть о какой-то четко сформулированной эмоции, сейчас баронесса в раздрае и вряд ли скоро соберет мысли в кучу. Но когда это произойдет — я знаю, какую форму примет эта куча.

Все, что мне сейчас нужно — просто получить ее согласие. Чтобы она сама для себя получила свое согласие.

— А если я не стану? — сухо спросила Ванесса. — Если я наоборот, пойду и всем расскажу, что никакой магии у тебя нет? Чтобы тебя выперли из Академии вместе с твоим дурацким желанием?

— Но ты же этого не сделаешь. Ты же не хочешь этого делать.

— Да, ты прав. Не хочу. Я же не доносчица.

Я отчетливо хмыкнул, давая понять, что прекрасно в курсе, что на самом деле причина вовсе не в этом.

Ванесса бросила на меня короткий взгляд, которому она пыталась придать нотку презрения, но получилась лишь нотка беспокойства. Беспокойства по поводу того, что я лучше нее знаю, чего она хочет, а чего нет. Что станет делать, а что нет.

— В конце концов, это было бы честно — вернуть мне тело в том состоянии, в котором оно было до того момента, как ты... хм... сделала то, что сделала.

— Но я же не знаю, что я с тобой сделала... — Ванесса наконец нашла в себе силы оторваться от окна, но посмотреть мне в глаза — уже нет, уткнулась взглядом мне в грудь, туда, где сходятся ключицы. — Я не помню, как это произошло, и, даже если я попробую это

хотя бы повторить — скорее всего, у меня ничего не выйдет. Пойми, я не контролирую свою магию, вообще! Я и чистую ману-то контролирую постольку-поскольку, а уж сотворить какое-то, даже самое простое плетение для меня и вовсе — задача с двумя звездочками! Что я могу сделать?

— Мы разберемся, — заверил я Ванессу. — Все, что нужно сейчас — это только лишь выполнить свое обещание и сказать «Я согласна».

— А если не скажу? — продолжала для вида упрячиться Ванесса.

Я сделал вид, что на мгновение задумался:

— Тогда хватит просто кивнуть.

Ванесса снова погрузилась в молчание, забрав у меня правую руку и рисуя ногтем по футболке на моей груди узоры.

— Ладно, — наконец сказала она то единственное, что могла сказать в этой ситуации. — Я согласна. Пусть это будет нашей маленькой тайной.

— В таком случае завтра после занятий и приступим. — Я кивнул. — Посмотрим, что можно сделать.

— Ага. Только...

— Только что? — я поднял бровь.

— Только не думай, что это из-за тебя! Я просто сама хочу разобраться в этой ситуации! Может быть, мне это поможет с пониманием моей собственной магии!

— Хорошо, — покладисто согласился я. — Я не буду так думать.

Мне и не нужно было думать.

Я и так знал, как дело обстоит на самом деле.

* * *

В общий зал я не вернулся — моя цель на сегодня была достигнута, и больше мне там делать нечего.

Музыка, развлечения, алкоголь, танцы — пусть это все достанется тем, для кого было устроено. Молодым, только-только перешагнувшим порог совершеннолетия, магам. Мне же все эти развлечения наскучили уже давным-давно и вместо того, чтобы тратить на них время, я бы предпочел потратить его на что-то более полезное.

Вернулась ли к остальным Ванесса — этого я не знаю. Скорее всего, вернулась. Банально на автомате, погруженная в свои мысли, пытающаяся осмыслить, во что она вписалась, добрела туда, откуда и вышла, и там и осталась.

В конце концов, сама разберется, что, как, когда и в какую сторону делать — девочка уже взрослая. И отнюдь не такая взбалмошная, как ее представляли газетные вырезки.

Сегодня я увидел ее настоящую, увидел то, что она скрывает в глубине себя. А скрывает она, как оказалось, весьма доброе и нежное существо, которое вынуждено было, чтобы противостоять постоянному давлению медиа-массы извне, нарастить эту броню отчужденности и пафоса.

И эта броня отлично справлялась против того, против чего была создана, но стоило подойти к ней с другой стороны, применить другой метод — не лом, но отмычку, — и, словно морская устрица, Ванесса раскрылась и сама не заметила, как показала свою истинную сущность.

Не уверен, что даже ее дед знает ее такой, что вообще кто-то из родственников знает. Они все — рафинированные аристократы, которые всю жизнь проводят под все тем же давлением масс. Они все настолько привыкли носить эту броню (каждый — свою, например у Виктора это образ немного сумасшедшего, но своего в доску старика), что не снимают ее даже друг перед другом. А, впрочем, внутренние дела их семьи меня уже не касаются.

Я вернулся в свою комнату, в которой впервые за все время моего пребывания в Академии было пусто и тихо благодаря тому, что Нокс отрывался на балу, и наконец смог сделать то, что собирался сделать уже давно — попробовать обратиться к своей магии еще раз.

Сейчас, здесь, вокруг меня собралось так много магии, как сосредоточенной внутри людей, так и просто рассеянной в пространстве, что места лучше просто не найти, по крайней мере, в моем положении. Возможно, упомянутую Ванессой горячие источники были бы более предпочтительными, но сейчас доступа к ним нет, так что будем обходиться тем, что имеется.

Я решил начать с самого простого — с медитации.

Именно это нехитрое, но довольно времязатратное занятие являлось неотчуждаемой базой любой магии, первым и главным, чему должен был научиться любой маг и занятия чем он не оставлял уже никогда.

Медитация позволяла не только восстанавливать свою собственную ману, не только поглощать при необходимости ее из окружающей среды, но в ряде случаев — еще и повышать ее запасы, формируя дополнительные манохранилища или увеличивая емкость уже имеющихся.

Для этого нужны весьма специфические условия, и сейчас у меня их нет... Но сейчас мне это и не нужно. Сейчас мне нужно просто попытаться почувствовать ее, эту ману.

Хоть какую-то ману.

Не просто увидеть путем нехитрого трюка с положением глазных яблок, а ощутить, как ощущается дуновение сквозняка по коже.

Расчистив на полу немного места от шмоток Нокса, которые он не потрудился убрать, я сел в центр получившегося круга, скрестив ноги, положив на них ладони, закрыл глаза и очистил голову от мыслей.

От мыслей о Ванессе и о том, как мы будем пытаться вернуть мне мою силу. От мыслей о том, что мне делать, когда в следующий раз на занятии понадобится владение магией.

От мыслей... в принципе.

Когда спутанный ком многочисленных мыслей перестает мешать, когда голова становится пустой и гулкой, как вечерней колокол, в ней можно услышать многое. Собственный пульс. Что-то неправильное в дыхании. Можно услышать, как едва слышно журчит по мановодам мана.

Но не в моем случае.

Как я ни пытался ее обнаружить — ничего не вышло. Как я ни пытался хотя бы капельку маны зачерпнуть снаружи, извне, впитать хотя бы из воздуха — ничего не вышло. Это было ожидаемо, но я не мог не попробовать. Со мной произошло то, чего, как я думал, произойти не могло, а значит, и помочь в моей ситуации в теории могло то, у чего было меньше всего шансов.

На практике — не помогло даже оно.

Я безуспешно просидел в медитации больше получаса и вынужден был признать

бесполезность этого занятия. Тогда я встал и, быстро, буквально за десять минут, разогнал кровь в застывших от долгого сидения мышцах, небольшим комплексом упражнений. Пятнадцать отжиманий, пятнадцать приседаний, пятнадцать прессы, двадцать секунд отдыха, повторить — и так, пока сил хватает.

У этого тела, особенно с наполнением в виде меня, хорошо знакомого с реальными возможностями человека, сил хватило надолго. По уровню физической подготовки оно почти соответствовало тому, что погибло вместе с моим старым миром — возможно, именно поэтому у меня не возникло никаких трудностей с адаптацией к нему.

Конечно же, интенсивные взрывные упражнения заставили меня прилично вспотеть, и я, взяв из шкафчика санузла большое полотенце, гель для душа и мочалку, отправился в душ.

В коридоре я встретил двух девчонок, которые, судя по нарядам, возвращались с бала, улыбнулся в ответ на их хитрые взгляды искоса, и прошел мимо. Видимо, бал заканчивается и скоро все студенты вернутся по своим комнатами. Вот и отлично, как раз успею сходить в душ, пока в него не выстроилась очередь.

Душевые представляли собой пять обособленных кабинок, разделенных капитальным стенками, каждая — со своей дверью. Я разделся, зашел в самую первую, встал ногами на неожиданно теплый кафель, закрыл за собой дверь и пустил теплую воду. Закрыл глаза и поднял лицо, позволяя каплям стекать по нему и представляя, что частицы маны впитываются в поры моей кожи и наполняют мое тело.

Жаль, что это так и осталось лишь моей выдумкой.

Громко хлопнула входная дверь, и я со вздохом взялся за мочалку и гель для душа — надо заканчивать, а то сейчас толпа набежит. По-быстрому намывившись и сполоснувшись, я вышел из душевой и прошел туда, где оставил на вешалке свою одежду.

Вот только одежды там не было.

И даже полотенца, которое я оставил вместе с ней.

И кто же это, интересно, такой решил поиграть в детские игры?

Неужели красотка Ванесса наконец пришла в себя и вспомнила, что выбегала из зала следом за мной вовсе не за тем, чтобы в итоге я ее переиграл и фактически заставил действовать в своих интересах, а совсем даже за другим? Неужто обиделась и решила отомстить таким наивным, но вполне укладывающимся в рамки незрелого подросткового поведения, способом?

Или все проще, и она через это решила добиться того, чего так и не получила там, в стеклянном переходе? И сейчас тоже выйдет из-за шкафчиков уже даже не в своем провокационном платье, а вовсе без него, и плевать, что это вообще-то мужская душевая?

Или все еще проще, и это вообще не она?

Может, кто-то из учеников решил пошутить над безродышем, который слишком много о себе мнит и постоянно находится в центре внимания?

Для избалованных юных аристократов, которые подчас совершенно незаслуженно считают себя априори лучше остальных, подобное поведение весьма свойственно. Ничего серьезного они сделать не в силах, поэтому и гадят исподтишка.

Впрочем, с их стороны подобные схемы — это ой как серьезно, ведь по их мнению, это должно ударить по моему самолюбию и самомнению, выставить меня дураком, который, покраснев, как вареный лобстер, будет нестись сломя голову по коридору, прикрывая руками все, до чего сможет дотянуться. А потом либо сам отчислится из Академии, не выдержав позора, либо будет унижен до самого конца и каждый раз, когда на него будет падать чье-то внимание, первое, что будет вспоминаться — это голый забег по коридору до своей комнаты.

И, раз Ванесса не торопится выходить из-за шкафчиков и призывно облизывать пухлые губки, этот вариант остается единственным рабочим.

Но те, кто это сделал, как обычно, не учли одной простой вещи. Я лишь выгляжу таким же подростком, как они сами. Но внутри — совсем другой жизненный опыт, совсем другой образ мышления и совершенно другая система ценностей.

В отличие от них, я-то понимаю, что нет смысла стесняться своего тела... Особенно если оно такое подтянутое и спортивное, как то, что досталось мне. Даже наоборот — им следует если не гордиться, то хотя бы удовлетвориться и уж тем более нет ничего зазорного в том, чтобы позволить кому-то увидеть его.

Тем более, что как минимум одна из этих «кое-кого», причем из когорты самых важных, сама не так давно была бы совсем не против увидеть подобное представление. Что уж говорить о тех, кто характером или родословной попроще.

Поэтому я не стал обливаться холодным потом и в панике искать, чем бы прикрыться, на что, наверное, и рассчитывали мои недоброжелатели. Вместо этого я взял единственное, что у меня осталось — мочалку и бутылку геля для душа, — в одну руку, прикрыл ими единственное, что можно было прикрыть (и не потому, что стеснялся, а лишь для того, чтобы побережь психику девушек, которые могут встретиться на пути) и спокойно открыл дверь душевой.

Прохладный ветер повеял по не до конца высохшей коже, и я спокойно вышел из душевой. Не выглянул воровато, пытаюсь подловить момент, когда никого не будет, а вышел

обычным прогулочным шагом, словно по парку решил пройтись, помахивая свободной рукой.

И буквально тут же наткнулся на двух девушек, которые что-то оживленно обсуждали возле дверей своей комнаты.

Обе были одеты в вечерние платья, со сложными прическами на головах, и, кажется, одна из девушек была из тех, что так упорно и усиленно вились вокруг меня, пока я стоял возле стола с закусками, изображая скуку и незаинтересованность в происходящем.

Как только я вышел, они тут же замолкли, резко, словно им выкрутили регуляторы громкости на минимум, и обе уставились на меня.

Одна моментально покраснела и отвела взгляд, вторая, — как раз та, что уже пыталась обратить на себя мое внимание, — наоборот томно опустила ресницы и из-под них, будто украдкой, осмотрела меня с ног до головы, особенно задержав взгляд на мочалке.

— Вечер добрый, дамы, — поприветствовал я их негромким, чтобы они ненароком не решили, что я на них кричу, голосом. — Произошла оказия, и моя одежда куда-то исчезла. Вы ее не видели случайно? Нет? Ну что ж, тогда, мое почтение.

Девушки даже не успели вставить ни единого слова, а я уже шел прочь от них, все так же помахивая рукой и беззаботно кивая встреченным студентам обоих полов.

Парни вставали как вкопанные, глядя на меня с таким изумлением, что их глаза того и гляди выскочат из орбит и повиснут в воздухе отдельно от тела, а девушки делились на два лагеря.

Одни спешно отводили глаза, краснея так, что, казалось, температура воздуха вокруг них повышалась на пару градусов, а другие — и их было большинство — жадно впились взглядом в мое тело и не успевшие высохнуть на нем капли воды.

Я больше ни с кем ни о чем не говорил, лишь приветственно кивал каждому встречному и шел себе дальше, оставляя их шептаться у меня за спиной. И так продолжалось, пока я не добрался до дверей своей комнаты.

И здесь выяснилось, что ничего еще не кончилось.

Потому что прямо возле дверей стояли сразу трое. Первой была Ванесса, успевшая переодеться после бала в обтягивающее, но более закрытое, почти спортивное, серое платье. По ее взгляду было четко видно, что она не понимает, что она тут вообще делает. Вторым был один из моих однокурсников, имя которого я не потрудился запомнить, а третьим — рыжий мудила Ганс Лютес. И в руках у последнего была моя одежда. Мне ли ее не узнать, если я же ее и складывал в эту аккуратную кучку?

Лютес нагло ухмылялся, держа одежду на вытянутых руках, как лакей, прислуживающий господину, но его ухмылка быстро сошла на нет, когда он увидел, что я приближаюсь к нему неспешным прогулочным шагом, а никак не униженным бегом вдоль стены, чего он ожидал.

Зато вот взгляд Ванессы из недоуменного быстро превратился в хищно-оценивающий. Пухлые коралловые губки баронессы растянулись в игривой улыбке, глаза сощурились, и она несколько раз придиричиво окинула меня взглядом с головы до ног, словно просканировала.

Я нарочно чуть замедлил шаг, давая ей побольше времени на это, но через несколько секунд все же дошел до Лютеса, лицо которого к тому моменту приобрело выражение максимального удивления, и небрежно-радостным голосом, произнес:

— О, а вот и моя одежда! Ну надо же, как хорошо, что ты ее нашел, Ганс! Как же мне повезло!

Вместо того, чтобы протянуть руку и забрать у него свою одежду свободной рукой, я подошел поближе, практически коснувшись носа Лютеса своим носом. И, глядя ему прямо в глаза, тихо, практически одними губами произнес:

— Если что-то подобное повторится, я вместо одежды надену тебя. Буквально — выпотрошу, выскоблю и надену сверху. Как плащ.

А потом я забрал у него свою одежду и отошел на шаг, оставляя его на растерзание Ванессе, которой явно тоже было что сказать.

И Ванесса не разочаровала.

Она повернула голову в сторону Лютеса, при этом ее взгляд оставался приклеенным ко мне. Лишь через несколько секунд она нашла в себе силы оторвать его и взглянуть на Лютеса:

— То есть ты меня позвал посмотреть на то, как ты ворую чужую одежду? Ты серьезно?

— Нет, я... — залепетал Лютес растерянным голосом. — Я не...

— Какой же ты убогий, — покачала головой Ванесса. — Как тебе вообще это пришло в голову?

И Ванесса усмехнулась, до того едко, что даже мне на мгновение не по себе стало.

А Лютес, на роже которого буквально минуту назад светилась самодовольная ухмылка, растерялся окончательно, и в попытке не показать это сделал то единственное, что мог подсказать ему его инфантильный мозг — он разозлился.

— Дура! — заявил он. — Я ради тебя! А ты!..

Так и не сказав ничего конкретного, но, видимо, выразив все, что было на душе, он задохнулся, махнул рукой второму моему однокурснику, который тут был то ли на правах телохранителя, то ли вообще — подпевалы, и они заспешили прочь по коридору.

Отойдя на несколько шагов, Лютес на ходу обернулся и прокричал, потрясая кулачком:

— Ты еще пожалеешь! Вы оба еще пожалеете!

И что-то еще, уже совсем неразборчивое из-за расстояния, которое продолжало увеличиваться.

Я посмотрел на Ванессу, она почувствовала мой взгляд и посмотрела на меня тоже, мгновенно убрав с лица брезгливость, с которой она провожала Лютеса и сменив ее на игривую улыбочку. Я подмигнул баронессе, позволил ей еще секунду полюбоваться мной, чем она не преминула воспользоваться и направился к себе в комнату.

К счастью, Нокса там не было — то ли он решил стать последним, кто выйдет с бала, то ли еще почему-то, это не так важно. Главное, что его не было, а значит я мог не бояться того, что, едва перешагнув порог, окажусь погребен под тонной вопросов, связанных с моей одеждой, или, вернее, ее отсутствием. Или, вернее, ее присутствием не там, где она должна быть. Клянусь, примерно так бы и звучали его вопросы.

Я надел только трусы и брюки, бросив все остальное в шкаф одной кучей, после чего лег на кровать, подложив под голову руку — ждать.

Но ждать пришлось недолго.

Буквально через несколько секунд после того, как моя задница коснулась покрывала, я услышал осторожный стук в дверь.

— Открыто!

Дверь приоткрылась и в щель скользнула гибкая девичья фигурка.

Ванесса прикрыла за собой дверь и подошла ко мне. Даже не спросила, можно ли

войти, что еще ждать от избалованной баронессы. Хотя надо отдать ей должное — она хотя бы удосужилась постучать, прежде чем войти.

Добрый знак.

Я специально не стал включать свет, когда вошел, так что единственным источником освещения в комнате оставалось окно, в которое просачивались жидкие багровые лучики уже почти закатившегося за горизонт солнца.

Ванесса встала рядом с кроватью, так, что солнечные лучи осветили ее силуэт, и скрестила руки на груди, явно не зная, куда их деть.

Я придвинул ноги поближе к стене, освобождая небольшую площадь на кровати и недвусмысленно похлопал рукой. Ванесса бросила короткий взгляд на стул, стоящий возле рабочего стола с моей стороны комнаты, потом — на кровать, помялась еще немного, и в конечном итоге села ко мне.

— Дурной день, — тихо начала она. — Вы что устроили? Что за стриптиз?

— Не понимаю, о чем ты, — ухмыльнулся я. — Я, наверное, в приступе забывчивости разделся в коридоре, прежде чем идти в душ. Ну, знаешь, как оно бывает — задумался на мгновение, и вот ты уже не у холодильника, к которому собирался пойти, а где-то на другом конце города, в ночном клубе, танцуешь на барной стойке, растаптывая ногами чужие бокалы с напитками. Нет, ни разу такого не было?

Ванесса на мгновение вспыхнула и бросила на меня уничтожающий взгляд. Еще бы — я же взял эту гипотетическую ситуацию из ее собственной истории, а вернее из одной из газетных статей, что десятками читал во время нахождения в больнице.

— Ну не было так не было — Я слегка пожал плечами. — У меня тоже не было до этого момента. А тут вдруг раз — и было. Ну а Лютес нашел мою одежду и, как настоящий и правильный представитель общества, отнес ее туда, где она должна быть — в мою комнату. Наверное, он бы ее мне отдал, но он же не знал, где я, так что он поступил совершенно правильно и логично.

— Чего ты меня лечишь? — поморщилась Ванесса. — Де... Директору будешь эти сказки рассказывать, когда тебя к нему вызовут, а со мной это не прокатит!

— Да? А я думал, ты зашла как раз за тем, чтобы я тебе сказку на ночь рассказал. — Я улыбнулся. — Решил, что ты не можешь без нее уснуть.

— Нет, я... — Ванесса подняла глаза. — Я зашла...

Она замолчала и слегка покраснела, что логично — она ведь и сама не знала, зачем постучалась в мои двери. Просто она чувствовала, что в коридоре ситуация осталась недосказанной, лишенной, так сказать, логической концовки, какой-то «точки», которая позволила бы отложить ее в закрома памяти. И она пришла, чтобы ее поставить, эту точку.

— Я зашла выяснить, почему ты спокойно отпустил Лютеса, — наконец нашлась Ванесса. — Я же уже видела, на что ты способен... Кстати, я еще тогда удивилась — как ты это сделал?

— Так это простой и банальный захват. — Я пожал плечами. — Когда растешь в неблагоприятных районах, знаешь, постоянно приходится успокаивать всяких... личностей. Хочешь, научу?

— Да ну тебя. — Ванесса отмахнулась. — Ты же прекрасно понял, что я о том, как ты к нему перенесся. Это и есть та телепортация, которая осталась у тебя?

— Ну типа того.

— А почему ты ею не воспользовался, чтобы сразу перенестись в комнату? Зачем был

весь этот цирк с дефиле по коридору?

Ай, какая умница, ты посмотри.

Не ожидал я, что она будет задавать такие вопросы. Понадеялся на то, что тонущий в гормонах, что выделились в сложившейся пикантной ситуации, мозг баронессы просто не обратит внимание на такие логические нестыковки. Но она снова продемонстрировала, что она не просто красива и вспыльчива — она еще и умна и наблюдательна. Взрывное сочетание.

— Я могу телепортироваться только в пределах видимости, — пояснил я. — Так что не получилось бы. Даже от двери душевой до двери комнаты не получилось бы — у меня же самая дальняя комната, она за поворотом коридора находится.

Да, я действительно мог воспользоваться кинжалом и просто-напросто не создать всю эту ситуацию, пробежавшись через изнанку... Но зачем?

Первое правило магии — понимай, когда ее надо применять, а когда можно обойтись и без нее. Не говоря уже о том, что вариант «без нее» предполагал, что я снова окажусь в центре внимания, снова повышу свой авторитет среди студентов, и главное — найду и выставлю дураком того, кто всю эту ситуацию создал себе на беду.

Ну а Ванесса, на присутствие которой я, конечно же, не рассчитывал — как приятный бонус.

И ей все это знать не обязательно. Пусть думает, что я просто не мог телепортироваться. Так будет проще для всех.

— Ну ладно, а почему ты сейчас его не придушил? Только не надо снова сказок.

— А зачем мне это? Ну положил бы я его на пол, а дальше что? Кто-нибудь доложил бы директору, начались бы разбирательства. Разве кто-то счел бы «шутку», которую провернул Лютес соразмерной тому, что я сделал бы с ним? Конечно, нет. В итоге я бы остался виноватым. А так в дураках остался только он сам. Кстати, спасибо за помощь.

— Я не пыталась тебе помогать! — фыркнула Ванесса.

— Да? — Я сел, так, что лицо девушки оказалось буквально в десяти сантиметрах от моего. — Точно?

— Ну, может немного... — Ванесса опустила взгляд, но не отодвинулась и не шарахнулась. — Но вряд ли это было осознанно.

— Так это же отлично, — улыбнулся я, подтягивая ногу и кладя руку на колено так, что она почти касалась баронессы, как бы приобнимая ее. — Когда помощь происходит вот так вот, неосознанно, это значит, что она идет от души.

— Ну допустим. — Ванесса лукаво посмотрела на меня искоса. — Я же согласилась тебе помочь. Вот, помогаю.

— Но на это мы не договаривались. — Я цокнул языком. — Или я что-то пропустил?

— Считай это бонусом. — Баронесса прикрыла глаза, глядя на меня из-под ресниц. — Скажем, за то, что чуть не отравила тебя за обедом. Хотя, наверное, маловато будет... Как-никак, ты мог попасть... в лазарет... надолго...

Последние слова она произнесла с придыханием, взгляд ее снова вернулся к моему лицу, а, договорив, она слегка прикусила нижнюю губу и чуть подалась назад, так, что мои пальцы все же коснулись ее талии через платье. Ванесса тут же чуть прогнулась в пояснице, словно не хотела, чтобы я ее трогал, но в противовес этому ее губы оказались прямо возле моих, так, что я почувствовал ее тяжелое горячее дыхание...

И в этот момент входная дверь в комнату грохнула о стену!..

Таким беспардонным образом в комнату мог вломиться только один персонаж.

И, пожалуй, только в одном состоянии — в том самом, в котором он обещал не только мне, но в первую очередь сам себе, больше никогда не находиться.

Когда я отвел взгляд от лица покрасневшей (вот это да, она умеет краснеть!) Ванессы к двери, то убедился в правильности своих суждений.

Ну, или вернее, в правильности суждения. Одного.

Это действительно был Нокс. Но он отнюдь не был пьян. Даже наоборот — он был абсолютно трезв, кристально. Настолько, что не только стоял сам, причем даже не касаясь, но и держал практически на своих плечах, как раненого боевого товарища, свою белокурую пассию Фрейю.

А вот она-то как раз была пьяна. И не просто пьяна, а, можно сказать, она была практически без сознания и странно, что вообще умудрялась хотя бы как-то перебирать (на самом деле больше цепляться за все подряд) ногами, а не висела бесформенным мешком.

Взгляд Нокса был направлен на подругу, он что-то тихо говорил ей, следил, чтобы она не споткнулась, когда переступала порог комнаты, поэтому нас с Ванессой он увидел не сразу — только когда уже оказался внутри и практически доволоч Фрейю до своей кровати.

— О, ты тут! — обрадовался блондин, подняв на нас взгляд. — И... ты?

Ванесса ничего не ответила и только отвела взгляд, что и так было красноречивее любых слов.

Впрочем, Нокс уже забыл, о чем шла речь, поскольку его мысли были заняты другим:

— Слушай, как хорошо, что ты тут! Фрейя перебрала на балу что-то, можно ее как-то в себя привести?

— Можно, — усмехнулся я. — Но лучше, если ты не будешь принимать в этом участия.

— Это почему? — удивился Нокс.

— Просто поверь на слово, — уклончиво ответил я. — С твоей стороны сейчас лучшим действием будет отправить ее в лазарет.

— Ни за что! — Нокс вскинул голову. — Она же всего лишь перепила, а не отравилась и не заболела! Зачем ей в лазарет?

— Ну тогда вторым лучшим действием будет передать ее с рук на руки ее соседке по комнате. — Я пожал плечами, так как знал, что Нокс ответит именно в такой манере.

— Думаешь? — Нокс с сомнением посмотрел на меня.

— Еще как. Девочки знают, что делать друг с другом в такой ситуации.

— И что ее соседка может сделать такого, чего не могу я?

— Ничего, — честно сказал я. — Но, если, протрезвев, Фрейя узнает, что ты видел ее в таком состоянии, а потом еще и раздевал и спать укладывал... Говоря простыми словами — пусть это будет лучше кто-то из девочек, чем ты. Если, конечно, ты не хочешь всю оставшуюся жизнь ассоциироваться в ее голове со стыдом и слабостью.

О том, что, помимо этого, у самого Нокса в голове тоже, скорее всего, появятся ассоциации, причем не самого приятного вида, я не стал говорить — и так хватит.

— Дело говоришь, — признал Нокс. — Тогда надо ее в комнату... Только я не знаю, в какую, не спросил как-то.

— Я знаю. — Ванесса резко встала с кровати. — Я тебя отведу.

— О, супер! — Нокс обрадовался. — Идем тогда скорее, а то как бы ей хуже не стало.

И Нокс, неуклюже развернувшись в комнате со своей ношей на плечах, которая от этого забубнила какие-то рифмованные проклятья, вышел в коридор. Ванесса кинула на меня многозначительный взгляд, в котором смешались вожеление и злоба, и вышла тоже.

Я снова остался в одиночестве, подложил руки под голову и принялся пялиться в потолок, ожидая, когда ко мне придет сон. Сегодняшний, переполненный событиями, как кубышка жадного торгаша, день наконец закончился, но это не значило, что таких больше не будет. Даже наоборот — дальше дни обещали быть один сложнее другого.

Ведь теперь мне предстоит не только хитрить и делать вид на занятиях, что я обладаю магией, мне придется по-настоящему возвращать ее себе. Не представляю как и с помощью чего, но я обязательно найду способ.

С этими мыслями я закрыл глаза и уснул. И за всю ночь мой сон потревожили только один раз — когда Нокс вернулся. Он постоял возле моей кровати, словно раздумывал, стоит ли задавать вопрос, который его волнует, или не стоит меня будить, и можно подождать до завтра, потом, видимо, принял решение, что лучше не стоит, и лег в свою кровать.

С утра он уже забыл, о чем хотел спросить, и только слегка хмурился каждый раз, когда его взгляд падал на меня.

Он словно помнил, что хотел о чем-то поговорить, но не помнил, о чем именно, и это вызывало в его голове диссонанс. Так и не совладав с памятью, он, метафорически выражаясь, махнул рукой и не стал заводить разговора. А мне только это и нужно было.

За завтраком я только и делал, что ловил на себе задумчивые взгляды Ванессы. Их было так много, что странно, что их не заметил Нокс, а то вполне мог бы вспомнить, о чем он там хотел спросить.

Итак, сегодня пятница.

Это означает, что мне нужно продержаться в Академии, не выдав своего секрета, полтора дня — сегодня и кусок завтра. «Кусок» — поскольку по субботам сокращенный день, и занятия будут только до обеда, а после него — уже все равно что воскресенье.

Конечно, нет никакой гарантии, что до воскресенья мы с баронессой преуспеем в поиске моей пропавшей магии, но как раз на воскресенье у нас отложена «тяжелая артиллерия», как выражаются в этом мире — визит в магические горячие источники.

Будь моя воля, я бы начал сразу с нее, как с самого очевидного варианта, но, увы, даже будь у меня моя магия, время все равно ей не подчиняется. В глобальном плане, в смысле, не подчиняется — в отношении всего мира. Для конкретного объекта-то изменить его собственное время — раз плюнуть.

Сегодня по расписанию до обеда планировалось еще одно занятие по маноматике, а перед ним — вводное занятие по теории маны и делении его на типы (не умея нормально смотреть на ману, здешние маги даже не в курсе были о цветовой градации), а после обеда — два вводных занятия по типам маны, красной и белой, или, как их называли здесь, «температурной» и «световой».

В общем-то, никакой ошибки, конечно, в этом не было — красная мана действительно управляла температурой объектов, а белая — потоками света... Но все равно, слышать вместо знакомых названий такие непривычные интерпретации было немного странно.

С другой стороны, если смотреть с точки зрения обучения и обучаемых, это было даже удобнее привычной для меня схемы — нет нужды запоминать, какой цвет за что отвечает. Это в моем мире сначала научились видеть цвета маны, а потом уже путем проб и ошибок

определили, какая за что отвечает.

Здесь же все наоборот — то ли разница в технологическом прогрессе каким-то образом сыграла свою роль (они вон даже аналог огнестрельного оружия, работающий на мане придумали!), то ли тот факт, что здесь магия появилась и впервые была применена в беспокойное, военное время, когда в первую очередь было важно разобраться, как поэффе́ктивнее использовать новоприобретенные способности, а не то, по каким законам и с помощью каких механик эти способности работают.

В любом случае, вводные занятия оказались почти что лекциями, призванными заполнить пробелы в понимании теории у тех, у кого они есть. А есть они, как оказалось, почти у всех, но у всех — по-разному.

Оказалось, что маги этого мира носят двухцветные (или в редких случаях одноцветные, как Нова) одежды на самом деле не потому, что у их родов какая-то там склонность к управлению двумя видами маны, как считали простые обыватели, а потому, что самые первые маги, от которых вели свое происхождение все современные магические рода, как только их признали аристократами со всеми последствиями этого, сразу же понапридумывали себе фамильных гербов, исходя из геральдического правила о том, что в гербе может присутствовать не более двух цветов. Уже позже, когда гербы упразднили, но цвета в родовой одежде сохранились, была придумана легенда о том, что цвета означают склонность какого-то рода к конкретным видам маны.

Вот они удивятся, когда узнают, что большие половины их цветовых сочетаний не совпадают с теми видами маны, которые они декларируют.

Когда сента Нова на вводном уроке по мане и ее видам назвала наугад восемь цветовых сочетаний кланов и виды маны, которые, по мнению рода, они значили, полное совпадение из восьми было только одно — у самой Нова. Что, в общем-то, неудивительно, если вспомнить, что у нее в одежде был только один цвет — белый.

Или, если еще точнее, у фамильного герба Нова цветовая схема состояла из двух цветов. И оба — белые.

Если при таких вводных понимать, что тебе лучше всего дается управлением светом (например, потому что ты уверена, что лучше всего тебе дается управление светом и ты стараешься тренироваться только его, в результате чего лучше всего тебе дается именно управление светом), то сложить два и два совсем нетрудно.

К счастью, здешние маги хотя бы смогли обнаружить все виды маны, все девять, они назвали их мана света (белая), мана температуры (красная), мана разума (черная), мана размерности (голубая), мана структуры (оранжевая), мана механики (желтая), мана жизни (зеленая), мана пространства (фиолетовая) и мана времени (синяя).

Сочетая эту ману по две, по три, по четыре, на сколько хватит мозгов, чтобы удерживать контроль, можно создавать различные плетения, что будут иметь те или иные эффекты.

Чередуя последовательности потоков или процентное соотношение той или иной маны, можно менять эти плетения, повышая количество получаемых эффектов до бесконечности.

И, как призналась сама Нова, на данный момент хорошо изучены, опробованы, предсказуемы только около двух сотен из них. Две сотни техник, которые достаточно предсказуемы и прогнозируемы для того, чтобы им можно было учить подростков без опасения, что они уничтожат себя или что-то вокруг.

Что ж, две сотни — это уже неплохо, хотя, конечно, с моим околобесконечным количеством, которое основано не на заученных последовательностях действий, а на четком

понимании самого принципа и схемы подачи и смешивания маны в различных пропорциях, этому не сравниться.

Когда твое умение основано на опыте, что измеряется десятилетиями, начинаешь не просто бездумно следовать чужим указаниям в надежде получить тот же результат, что получился у наставника, начинаешь экспериментировать, пробовать новое, неизведанное.

Короче, делать то, что в Академии делать категорически запрещено.

Делать то, что мы с Ванессой и собирались делать после уроков.

Вводный урок по теории маны прошел спокойно и без проблем, поскольку на нем даже не требовалось наличие этой самой маны демонстрировать.

Все, что мы делали — это записывали лекцию сенты Нова в выданные тетради выданными ручками и задавали вопросы, ответы на которые тоже записывали. Я, чтобы не выглядеть белой вороной, тоже задал несколько простых и банальных вопросов, на которые и так знал ответы, а потом немного подумал и задал несколько сложных и заковыристых, на которые просто так не ответишь.

Во-первых, количество вопросов играло на мой образ как новичка, ничего не смыслящего в магии, а во-вторых, качество этих вопросов, их сложность, повышала мое положение в глазах учителей.

И, судя по тому, как внимательно смотрела на меня при ответах Каролина Нова, повышала даже сильнее, чем я надеялся. Тут бы не переборщить, а то недалеко и до вопроса — откуда я такой умный взялся.

Занятие по маноматике тоже прошло в формате лекции, на сей раз без стрельбы и вообще без оружия как такового.

Единственный экземпляр лежал на столе все той же Каролины Нова, и она все занятие досконально разъясняла устройство оружия, вплоть до того, из каких материалов были сделаны те или иные части. За спиной у нее был приколот огромный плакат, в красках демонстрирующий разобранный маномат, и я при первом же взгляде на него подметил несколько конструктивных просчетов, которые не позволяли оружию раскрыться в полной мере.

Один из них я подметил еще вчера, но на нем промахи создателей не закончились. Если их исправить, можно добиться намного большей эффективности оружия... Но это как-нибудь потом.

Если я сейчас снова привлеку к себе внимание сенты Нова, да еще с такими мыслями, которые даже гипотетически не могут зародиться в голове того, кто с магией не просто на «вы», а на «ваше величество», это может плохо кончиться.

После окончания урока настала пора обеда и там впервые за весь день произошло что-то интересное.

Кто-то из студентов, судя по всему, первокурсников, украдкой попытался что-то проверить со своим виноградным соком, — в вино превратить, что ли, — но, разумеется, накосячил во всем, в чем только можно было, и в первую очередь — с видом маны.

Нужно было использовать оранжевую, а он, видимо, применил фиолетовую. Ну, судя по тому, что сок внезапно переместился из его бокала на высоту двух метров над столом, да еще и принял вид небольшого, рассеянного в пространстве, облака, которое мелким дождем пролилось на ни в чем не повинных студентов.

К счастью, это случилось не за нашим столом, но небольшой переполох все равно приключился и почти четверть студентов ушли принимать душ и переодеваться.

Виктор Тюдор по этому поводу прочитал короткую речь, как опасно студентам заниматься магией самостоятельно, без присмотра наставников, и к каким страшным, порой даже смертельным последствиям это может привести, и напомнил, что применять магию где-то, кроме как на уроках, крайне не рекомендуется, можно сказать, даже запрещено.

Так и сказал: «Напоминаю», хотя лично я подобного запрета раньше не слышал. И в любом случае следовать ему не собирался. Во-первых, мне пока еще нечего применять. Во-вторых — когда появится, у меня будет всяко больше умения это применять, чем у всей Академии вместе взятой.

Занятия по белой и красной мане прошли так же скучно и вяло, как и все остальные.

У меня даже сложилось ощущение, что преподавательский состав специально вчерашний день сделал таким насыщенным и перегруженным событиями, чтобы поселить в головах студентов мысль о том, что учиться в Академии круто и весело. И уже потом начали всякие лекции и занудную теорию, без которой не обойтись, но которую очень уж не хочется никому учить.

По белой мане занятие снова вела Каролина Нова, которая, кажется, решила взять над нашей группой шефство, по красной же — новый для нас преподаватель, жизнерадостный пухлый мужчина лет тридцати пяти Эрен Согер в красно-фиолетовых цветах.

Его лекция была полной противоположностью неспешному чеканному повествованию сенты Нова, он постоянно травил различные истории из жизни, и каждый раз они служили иллюстрациями той или иной части его рассказа о красной мане и специфике ее применения.

Пожалуй, это был второй человек из тех, кого я здесь видел, кто по праву носит цвет своей маны — красный. Ведь он сам был такой же живой, гибкий, вездесущий, как язык пламени, знаком которого изображают красную ману в магических формулах.

На протяжении всех занятий я несколько раз ловил на себе взгляды Ванессы, в основном, когда задавал вопросы, но ничего сверх этого она себе не позволяла.

Мало того — стоило мне посмотреть на нее в ответ, она каждый раз отводила взгляд и даже, кажется, немного краснела — видимо, корила себя за вчерашнюю слабость. Глупенькая, она же не понимает, что никакая это была не слабость.

За ужином количество ее взглядов, которые она кидала на меня, увеличилось втрое, и в них появилось смятение. Понять можно — приближался вечер, то самое время, когда мы собирались впервые попытаться вернуть мне магию.

Понять эти эмоции можно.

Но эмоции же — не причина менять планы, верно?..

Мне даже не пришлось придумывать никаких оправданий и причин, чтобы спровадить из комнаты Нокса — он сам после ужина забежал лишь переодеться в наряд поярче, после чего кометой усвистал к своей пассивности.

Он и так весь день при любом удобном случае вился вокруг нее, ежечасно спрашивая, как она себя чувствует и не нужно ли ей чего-нибудь, да так настойчиво, что успел достать даже меня, который слышал, кажется, от силы половину всех этих фраз, а об остальной половине лишь догадывался.

Но Фрейя, кажется, была не против такого внимания и только загадочно-стыдливо опускала глазки каждый раз, когда он к ней подходил, и отвечала тихо и стеснительно, когда он к ней обращался.

Выглядела она при этом как любой здоровый человек ее возраста, что не мешало, однако, периодически изображать приступы воспаления хитрости и практически оседать на руки вовремя подоспевшего Нокса.

Тот моментально напыживался и принимался смотреть по сторонам грозным взглядом, ясно дающим понять, что лучше к нему не приближаться, особенно с дурными намерениями.

И вот теперь он снова убежал к своей ненаглядной, а я остался один в комнате. Сидел за столом, полистывал без особого интереса учебник по теории маны (учебники здесь выдавали вместе с тетрадами и пишущими принадлежностями, причем целой стопкой) и иногда делая карандашом на полях пометки, чтобы вернуться к какому-то интересному или не до конца понятному месту.

Как ни крути, а подход к изучению магии в этом мире был совершенно другой, не комплексный, не отработанный, а хаотичный и непредсказуемый, что в итоге привело к тому, что иногда их выводы о причинно-следственных связях были неожиданно-интересными и даже новыми.

В самом начале, при зарождении магии, здешние маги тыкали в магию пальцем наугад, как в спящего слона, и бережно конспектировали результат (если оставалось кому конспектировать, конечно), и на основании этих разрозненных записей пытались построить какую-то итоговую систему, которая будет если не стройной, то хотя бы не попытается развалиться при первом же косом взгляде. В итоге подход к здешней магии был скорее творческим, нежели научным, но это даже хорошо.

В конце концов, разве не тыканьем пальцем в магию собирались сейчас заняться и мы с Ванессой?

О. Легка на помине.

В дверь постучали. Не сильно громко, не нагло, но достаточно уверенно, чтобы сразу дать понять — пришедший не считает себя неожиданным гостем, пришедший знает, что он в своем праве, что его здесь ждут.

Я специально не договаривался с Ванессой ни о каком месте и времени встречи, чтобы посмотреть через какое время она найдет в себе силы собраться с духом и прийти. Ну а куда прийти — она и так прекрасно знала, была уже тут.

— Открыто!

Баронесса Тюдор сегодня не стала надевать ничего провокационного, как будто и правда смирилась с тем, что мы будем заниматься важными делами, а не какими-то милыми

глупостями, граничащими с флиртом.

Бежевый спортивный костюм, состоящий из леггинсов чуть ниже колен, и обтягивающего топа, оставляющего видной узкую полоску загорелой кожи под собой, стал ее сегодняшним выбором.

Несмотря на то, что это не выглядело провокационно, как вчерашнее платье, но все равно имело вид достаточно соблазнительный. Хотя, говоря откровенно, баронесса была из тех женщин, на которых можно даже мешок нахлобучить — она и его превратит на себе в произведение портняжного искусства. Причем даже ничего для этого не сделал.

Все это я увидел в отражении в стекле окна, за которым уже опускались сумерки, превратившие его в плохонькое, но все же зеркало. Оборачиваться не стал — мне было интересно, как поведет себя баронесса.

А баронесса, ступая по полу мягко и почти бесшумно, как кошка, подкралась ко мне сзади и нагнулась так низко, что моего уха коснулось ее горячее дыхание.

— Ты что, заучка? — спросила она с притворным удивлением в голосе. — Даже после уроков продолжаешь зубрить? На зубрилу вроде не похож.

— Ну, во-первых, — я закрыл учебник и немного скосил глаза, чтобы видеть ее, — я вообще-то жалкий нищеврод, у которого нет и никогда не было могущественного клана, который тренировал бы своего отпрыска и наследника в магии. Вот и учусь как могу, чтобы соответствовать всем остальным.

— Ну да, конечно. Рассказывай, — улыбнулась Ванесса, ладно хоть не фыркнула. — Хотя я бы даже поверила, если бы не «во-вторых».

— Что «во-вторых»?

— Ты сказал «во-первых». Значит есть еще и «во-вторых».

— А «во-вторых» вырастает из «во-первых». — Я пожал плечами. — Тому, кто ничего не знает о магии и о том, как ее можно лишиться, где искать об этом информацию, как не в книгах?

— И то верно, — легко согласилась Ванесса и выпрямилась. — И как успехи?

— Пока что никак. В общем-то, я особо и не надеялся, в конце концов, это же школьные учебники, причем для самого первого курса. Тут описан базис и основы, но не более. Даже если в мире существуют техники гарантированного лишения другого человека магии, в этой книженции о них даже не упомянут. Только представь, какой коллапс произойдет, если ученики узнают о подобной магии и будут пытаться применить ее друг к другу по всяким глупым поводам вроде ревности.

— И что ты предлагаешь? — спокойно спросила Ванесса, которая то ли не представила себе этот коллапс, то ли решила, что ничего страшного не случится.

Я поднялся и развернулся, оказавшись лицом к лицу с баронессой так близко, что наши носы чуть не соприкоснулись.

Она слегка вздрогнула от неожиданности, но быстро взяла себя в руки и чуть изогнула губы в лукавой улыбке. Её взгляд стал изучающим и красноречивым.

— Я предлагаю... — медленно произнес я, глядя прямо в ее глаза.

— Н-да-а-а? — протянула баронесса, приоткрыв ротик.

— Попробовать поискать ответы в библиотеке, — сказал я, отступил на шаг, развернулся и взял со стола тетрадь и карандаш. — Вот что я предлагаю. Здесь же есть библиотека?

В отражении в оконном стекле я увидел, как баронесса ругнулась одними лишь губами

и поморщила носик, после чего поспешно ответила:

— Да, конечно. Полная копия большой магической библиотеки. На старших курсах студентам даже дают задания, связанные с ней. Придумывают различные магические ситуации и велят найти способ разобраться с ними.

— И что, никто не халтурит, пытаюсь найти ответ в сети?

— Уже даже не пытаются, ведь трафик контролируется, — тоже улыбнулась Ванесса. — И всех халявщиков отправляют на пересдачу.

— Умно, — оценил я. — Тогда идем в библиотеку.

Библиотека располагалась в учебном корпусе, на самом верхнем этаже, и, как ни странно, была открыта даже в такое отнюдь не раннее время. Хотя, учитывая, что в ней не было ни единой живой души, включая библиотекаря, это было не удивительно — библиотека была полностью автоматизирована и за счет этого могла работать круглыми сутками.

Вместо библиотекаря здесь располагалось несколько компьютеров, которые могли подсказать нужную книгу, стоило лишь правильно сформулировать запрос, но и без этого можно было разобраться в местной расстановке, стоило только посмотреть на полки.

Каждая из них была подписана большими буквами, недвусмысленно объясняя, книги какой тематики на ней стоят, а кроме этого каждые несколько книг между обложками торчала дополнительная карточка, которая уточняла, какие конкретно книги этой тематики стоят конкретно здесь.

Ну и это все не говоря уже о том, что часть книг была представлена в виде небольших плоских устройств, напоминающих очень большой по площади смартфон. Судя по всему, какие-то книги были написаны так давно, что попросту не дожили до современных дней, и их таким интересным образом сохранили, переведя в цифровую форму.

Логика подсказывала мне, что надо попробовать сперва поискать нужную нам информацию через компьютер, но интуиция, которая не раз и не два спасала меня из передраг, настаивала на том, что если где-то и найдется то, что нам поможет, то найдется оно в одной из этих цифровых копий древних манускриптов.

— Что конкретно мы ищем? — спросила Ванесса, как только мы вошли.

— Все, что связано с исчезновением магии, — не задумываясь, ответил я.

— Значит, так и напишем. — Ванесса пожалала плечиком и ввела поисковый запрос в компьютер. — Ага, что-то есть. Четырнадцать совпадений.

— Совпадений? — я заинтересовался. — В названиях?

— Нет, зачем, в тексте. На серверах загружены все тексты всех книг, что здесь есть, — пояснила Ванесса. — Поэтому можно ввести буквально цитату, которая тебе запомнилась, и система покажет, в какой книге упоминается это словосочетание и упоминается ли где-то вообще.

— А почему тогда не читать просто с компьютера книги? — спросил я, оглядывая немалых размером библиотеку, в которой одних только полок с книгами насчитывалось десятков пять.

— Думали такое сделать, но в итоге не смогли обеспечить нормальную пропускную способность серверов. Шутка ли — столько текстовой и графической информации хранить, да еще и осуществлять по ним интеллектуальный поиск. Если хотя бы четыре человека одновременно пытались читать книги прямо в системе, все так плохо работало, что от этой идеи отказались. Теперь система просто обеспечивает поиск и показывает нужные книги...

Так мы идем смотреть?

— Да, конечно.

Четырнадцать книг, разбросанных по самым разным полкам, собрались на столе.

Названия у них были совершенно разные — от «Практическое применение магии в инженерных работах» до «Сказки для самых маленьких магов». При этом ни одно из них даже не намекало на то, что внутри находится или хотя бы может находиться рабочий способ возвращения утраченной магии.

Серьезно, стоит ли искать подобную информацию в книге с названием «Сто способов использовать магию в быту»?

И тем не менее мы принялись читать их, сначала вдумчиво, потом, спустя полчаса — просто проскальзывая по диагонали. В конечном итоге это надоело даже мне, и мы решили поступить проще — сразу открывали страницу, на которой располагалось искомое словосочетание и читали две страницы до нее, и две после, чтобы понять, в каком контексте это все упомянуто и к чему относится.

Так дело пошло на лад, и было сразу отброшено восемь книг, в которых совершенно точно речь шла не о том, что нам нужно.

Еще шесть остались под вопросом, поскольку либо в них контекст нужной нам фразы растягивался больше чем на две страницы и все равно приходилось вчитываться, либо вообще эта фраза использовалась как отсылка на какую-то другую информацию, которая упоминалась ранее и которую приходилось искать по всей книге.

В конечном итоге, через час мы выяснили, что ничего полезного в этих книгах нет. Тогда мы поменяли поисковый запрос на «лишиться магии» и принялись перебирать еще десяток книг, который библиотека выдала нам по этому запросу. И, убив на это еще час, конечно же, в них ответов мы не нашли тоже.

Потом еще десяток книг — с тем же результатом.

И еще один.

Приближалось время отбоя, а мы ни на йоту не продвинулись в своих начинаниях. Конечно, было бы наивно предполагать, что мы справились бы в первый же день, но и совсем без результата оставаться тоже было не круто.

Ванесса после второго десятка книг явно устала от безрезультатности поисков и откровенно скучала, пролистывая страницы. Если поначалу ей еще было интересно, то потом она снова перенесла свое внимание на меня и принялась пытаться обратить мое — на себя.

Проходя мимо с очередной книгой, она то и дело задевала меня бедром, периодически заглядывала через плечо, щекоча дыханием ухо, и приходилось постоянно напоминать ей, для чего мы здесь и чем действительно стоит заняться вместо всего этого.

В конечном итоге, поняв, что ничего мы таким образом не добьемся (точно не сегодня) мы решили прекратить наши мучения и продолжить завтра, тем более, что и время отбоя уже было прямо на носу.

Договорились встретиться завтра после уроков и разошлись. При этом Ванесса выглядела настолько уставшей от всего этого ползанья по старым книгам, что даже уже не предпринимала никаких поползновений в мою сторону. Казалось, все, что ей сейчас нужно — это упасть в кровать и уснуть.

Лично я так и сделал.

Суббота прошла так же спокойно, как и предыдущие дни, даже уроки не вызвали

никаких проблем, поскольку они опять были вводного типа — слушай, да записывай себе.

После них мы встретились, как и собирались, в библиотеке, и остаток дня провели там, меняя поисковые запросы к системе и постепенно закапываясь во все более и более старые книги.

Удача не спешила нам улыбаться, и, чем больше мы проводили времени в библиотеке, тем больше мне начинало казаться, что это все — пустая трата времени. Судя по всему, Ванесса считала так же, потому что она просто отложила очередную книгу, которую читала, и так и заявила:

— Да это бессмысленно! Не найдем мы здесь такой информации! Никто в мире никогда не слышал о том, чтобы человек лишился магии, которая у него была!

— Намекаешь, что я тебе вру? — спокойно поинтересовался я. — Или, может, у тебя есть какие-то иные предложения?

— А у тебя? — нагло поинтересовалась Ванесса. — Не может же такого быть, чтобы ты сделал единственную ставку на старые книги и у тебя нет плана Б и В и Г на случай, если предыдущий не сработает? А?

— Что ж, есть, — не стал врать я. — Предлагаешь сразу перейти к плану Б?

— Да, конечно! Я уже видеть эти книги не могу и сама скоро в книжную моль превращусь!

— Без проблем. — Я повернулся лицом к Ванессе и взял ее за руки. — План Б так план Б.

Баронесса оторопела и ошарашенно посмотрела на наши соприкоснувшиеся руки:

— Это... что делать? Мне, в смысле, что делать?

— Попробуй перелить мне немного маны. Как на мановом донорстве. Помнишь?

— Конечно, помню. — Ванесса кивнула. — Думаешь, поможет? Это и есть твой план Б?

— Мой план Б — это эксперименты, — вкрадчиво произнес я. — А переливание маны — это лишь первый из них.

— Н-ну хорошо, — непонятным тоном произнесла Ванесса, глядя на меня искоса. — Будь по-твоему.

Она правда старалась, я это видел. Видел небольшие тонкие струйки маны, которые срывались с ее ладоней — видимо, на таком базовом, если не сказать «элементарном» уровне даже бесконтрольный маг мог управлять своей маной.

Только вот от того, что струйки срывались с ее ладоней, не было никакого толка, ведь они не всасывались в мои.

Спустя пятнадцать минут и несколько безуспешных попыток Ванесса выглядела так, словно ею помыли пол во всей Академии, выжав при этом раз двадцать, не меньше. Попытки управлять маной отняли у нее все силы, и я всерьез испугался, что она может потерять сознание — настолько бледной и слабой она выглядела.

— Не выходит, — резюмировал я, забирая руки из ее ладоней.

— Нет, стой. — Она дернулась и снова схватилась за мои руки. — Лучше так... Мне лучше.

Она даже мысли свои не могла сформулировать нормально, только короткими отрывками — настолько ее выжали эти короткие эксперименты.

— Сейчас в себя приду... И продолжим, — тихо произнесла она. — Сейчас... Продолжим...

Я только хотел сказать ей, чтобы она не торопилась и восстанавливалась, сколько

понадобится, как внезапно услышал какой-то посторонний звук. Захлопнув рот, из которого так и не вырвалось ни слова, я внимательно прислушался.

За дверью библиотеки раздались уверенные, четкие, слышные даже через дверное полотно, шаги, дверь распахнулась и в помещение вошел директор Тюудор.

И сразу стало понятно, что ничего мы продолжить не сможем. По крайней мере, не сегодня.

— Ах, вот вы где! — директор обрадовался так, словно нашел не двух юных студентов, корпящих над книгами даже в свободное от учебы время, а как минимум — Клад Трех Немертвых Капитанов, который, по рассказам, пытались найти на протяжении семи сотен лет. — Не ожидал, что вы уделите такое внимание учебе, не ожидал. Даже я в вашем возрасте... Впрочем, неважно. В любом случае, я рад, что студенты моей Академии так легко и быстро находят общий язык друг с другом и помогают друг другу. Вы двое явно хорошо друг на друга влияете.

Ванесса опустила взгляд и уставилась в книгу, даже немного покраснев при этом, а директор, воспользовавшись ситуацией, хитро подмигнул мне с явно одобрительным контекстом.

— К сожалению, мне придется прервать ваше обучение, — снова заговорил он, когда Ванесса наконец подняла голову. — Ванесса, мне необходимо поговорить с тобой с глазу на глаз... И, боюсь, быстро это не закончится.

Директор уже даже не пытался играть в официоз, называть нас «сентами» и пафосно величать только по фамилиям.

Он прекрасно знал, что нас здесь только двое и нет никакого смысла скрыть то, что мы с ним в каком-то смысле на короткой ноге.

— Что опять? — вздохнул Ванесса. — Я ничего не сделала.

— Что, правда? — Директор с сомнением посмотрел на меня, но в его глазах прыгали ехидные искорки, явно дающие понять, что он подшучивает над внучкой. — Марк, она правда ничего сделала?

— Ну насчет «ничего не сделала» я точно сказать не могу... — медленно начал я, наблюдая, как Ванесса вскинулась и злобно полыхнула глазами при этих словах. — Как минимум, она помогала мне... Но одно могу сказать точно — весь сегодняшний день она провела рядом со мной. Так что если там что-то произошло, то это точно не она.

Злость в глазах Ванессы моментально сменилась благодарностью.

— Ну вот и отлично, — директор хлопнул в ладоши. — И все равно нам надо поговорить, Ванесса. Это важно.

«Ванесса», ишь как. Полным громоздким именем, как взрослой.

Меня бы, наверное, бесило, если бы меня называли полным именем... В смысле, настоящим, старым именем. С новым, к которому я уже почти привык, ситуация проще некуда — его банально не сократить.

— Да, конечно, — без энтузиазма отозвалась Ванесса и встала из-за стола. — Извини, Марк.

Я равнодушно пожал плечами, показывая, что ничего страшного не случилось.

— Марк, не забудьте, что завтра у вас мероприятие. — Директор снова подмигнул мне, пока Ванесса выбиралась из-за стола. — После завтрака автобус отправится в город, после чего вас двоих отвезет в Гремучие Вары.

— Отличный план, мне нравится. — Я тоже поднялся из-за стола. — Тогда пойду отдохну перед насыщенным завтрашним днем. Только книги составлю на место.

— Уж сделайте одолжение, — довольно произнес директор и обратился к Ванессе. — Пойдем, дорогая.

Я же расставил книги по полкам и вернулся в комнату, в которой обнаружил сидящего на кровати с задумчивой рожей Нокса.

В руке он сжимал надкушенный пирожок, явно стащенный со стола за ужином, но не ел. Он словно один раз куснул его, а потом его одолели крайне важные и сложные мысли, и он так и завис на них.

Когда я вошел в комнату, он вздрогнул от стука двери и перевел взгляд сначала на меня, а потом на пирожок в своей руке, словно не понимал, откуда тот взялся.

— Невкусный? — сочувственно спросил я, кивая на пирожок.

— Вот скажи... — игнорируя мой вопрос, задумчиво произнес Нокс. — Если бы ты заподозрил у своей девушки какого-то другого ухажера, ты бы набил ему морду? Или, может, слабительного в салат подсыпал?

— Ни то, ни другое. — Я прошел к своей кровати и лег. — Я бы ничего не делал.

— Как это? — Нокс аж дернулся. — Это же твоя девушка!

— Вот именно, твоя девушка, а не твоя вещь. Слово «твоя» здесь не следует понимать буквально, ведь ты ей не владелец. Она твоя девушка, потому что она сама хочет быть твоей девушкой. Если она перестает хотеть ею быть и заводит себе какого-то другого... Ну, чего ты добьешься, даже если набьешь ему морду? Ты думаешь, от этого девушка снова захочет быть твоей? Нет, друг, так это не работает.

— А как тогда это работает? — Нокс уныло повесил голову.

— Да очень просто. — Я закинул руки за голову. — Ты просто об этом не думаешь, и все. Не пытаешься под кого-то подстраиваться. Не обращаешь внимания на провокации. Игнорируешь негатив в свой адрес. Друг, есть один простой секрет того, чтобы люди хотели находиться в твоём окружении. Для этого нужно, чтобы они тебя уважали. А у этого есть, в свою очередь, другой секрет.

— Да, какой? — Нокс вскинул голову и наострил уши.

— Уважай себя сам, — на полном серьезе сказал я. — Если ты сам себя не уважаешь и не любишь, то как ты можешь от окружающих ожидать и тем более требовать, что любить и уважать тебя будут они?

Этот простой тезис, кажется, окончательно перегрузил оперативную память Нокса и он завис над своим пирожком. Выражение лица стало ну совсем потерянным, и парень ушел в себя.

Я не стал мешать ему размышлять о сказанном и просто повернулся на бок, закрыл глаза и уснул.

С утра Нокс снова выглядел радостным и довольным жизнью, словно и не было этого вчерашнего тяжелого диалога. Пирожок, так больше ни разу и не укушенный, обнаружился в мусорной корзине — Нокс явно принял для себя какое-то решение и необходимость заедать стресс отпала. Что ж, что бы он там сам для себя не решил, ему явно полегчало.

После завтрака, особенно плотного, так как сегодня студенты до самого вечера не появятся в здании Академии, всех попросили проследовать к комфортабельному автобусу, ждущему возле ворот Академии.

Что ни говори, а есть свои плюсы в том, чтобы относиться к плеяде аристократов, пусть даже сугубо формально — на уровне того, кто с ними просто учится в одном учебном заведении.

Я, конечно, до этого момента не ездил в автобусах, только в автомобиле профессора, но даже там не было такого уровня комфорта, как в этом длинном железном колесном

крокодиле.

Справа и слева, оставляя в середине небольшой проход, располагалось по два ряда мягких кресел, каждое из которых можно было откинуть назад в полулежачее положение, над каждым пассажиром располагался личный кондиционер, так хитро установленный, что его поток совершенно не мешал соседу, а в спинке впереди стоящего кресла располагалась бутылка с водой и пакетик с какими-то орешками. На кой хрен все это нужно в пути длиной всего в тридцать минут, я так и не понял.

Хотя нет, кондиционер я оценил в полной мере.

Поскольку автобус почти половину пути ехал через лес, что настойчиво скреб ветками по кузову, открыть окна было совершенно невозможно — салон моментально наполнился бы пылью и оборванными листьями. А без какого-либо охлаждения задохнуться внутри стального короба было проще простого — как-никак, за бортом было двадцать пять градусов.

Поэтому кондиционер оказался вещью, без которой было бы крайне неудобно обходиться и я, быстро настроив его на приемлемую температуру, откровенно наслаждался поездкой.

Зато вот на соседнем месте Нокс постоянно щелкал кнопками кондиционера туда-сюда, и все не мог подобрать оптимальные для него настройки. Вообще я предполагал, что он сядет со своей пассией, а место рядом со мной займет Ванесса, но внезапно Нокс плюхнулся по соседству, а я не стал говорить ничего против — мне, в общем-то, было все равно, с кем рядом провести ближайшие полчаса. С Ванессой у меня на сегодня все равно еще целая культурная программа запланирована.

Когда автобус въехал в город и все заторопились на выход, а я остался на месте, это вызвало некоторое удивление у Нокса, который тоже встал было, но посмотрел на меня и сел обратно. Пришлось напомнить ему о моем выигрыше и получить завистливый взгляд, который, впрочем, длился недолго. Всего одна секунда — а потом Нокс хлопнул меня по плечу, пожелал хорошо провести время и направился к выходу из автобуса.

А ведь в нем действительно что-то изменилось после вчерашнего разговора. Не знаю, к лучшему или к худшему, время покажет. Но парень явно решил для себя что-то важное.

Когда все студенты вышли и остались только мы с Ванессой, двери с тихим шипением закрылись, и автобус тронулся с места.

Ванесса, будто только этого и ждала, тут же пересела на соседнее со мной место, возмущенно фыркнула и выключила кондиционер, который Нокс в последний момент включил на максимум.

— Готов? — с едва уловимым вызовом в голосе спросила баронесса.

— К чему? — Я покосился на девушку.

— Увидеть легендарные Гремучие Вары, конечно же!

— А, это. Да, конечно.

— А я вот нет. — Ванесса внезапно опустила глаза и вздохнула. — Мне все кажется, что я тут чего-то себе напридумывала в голове, а на деле окажется... Не знаю, что окажется, но не то, что я напридумывала.

— Скорее всего, так и будет. — Я улыбнулся. — Но что в этом плохого? Реальность редко совпадает с нашими ожиданиями, это факт. С ним надо просто смириться.

— Я смотрю, ты от жизни ничего выдающегося не ждешь, да?

Я не стал ей отвечать, что я в жизни повидал столько всего выдающегося, что готов уже

ко всему, что только можно себе представить. И к трем четвертям того, что представить нельзя.

И даже тот факт, что, возможно, в этих самых Варах решится судьба моей магии, не заставлял меня испытывать какое-то волнение — опыт многих десятилетий взаимодействия с магией подсказывал, что легко это не дастся.

Не случится такого, что мы войдем в эти источники — и бам! — мана заструится по мановодам, как в старые добрые времена. Хрен там. Придется либо как следует напрячься, буквально до треска костей и надрыва мышц, либо сломать себе всю голову в поисках правильного способа.

Либо и то и другое сразу.

У Ванессы зазвонил телефон, она достала его и принялась яростно о чем-то с кем-то переписываться, чем и занималась всю дорогу.

Дорога, к слову, заняла немало времени — никак не меньше того, что мы ехали от Академии до города, а, скорее, даже чуть больше, около сорока минут. За это время мы снова успели выехать из города, сменить окружение с цветущего зеленого на засушливо-коричневое, и, когда наконец автобус остановился и открыл двери — я словно бы оказался в другом мире.

Опять.

Удивительно, что всего в сорока минутах езды от дышащего жизнью города находится такое... место. Здесь не было ничего, от края до края горизонта, словно все выжгло огнем, причем относительно недавно.

Растрескавшаяся земля, сухие останки когда-то высоких и пышных деревьев, и только редкие ящерицы порой шныряли из одной земляной расселины в другую. Больше никакой жизни сюда природа не завезла.

В отличие от человека. Человек сюда завез все, что только можно было завезти для того, чтобы сделать себе красиво, приятно и уютно.

Узкая дорога, по которой нас сюда привез автобус, упиралась в высокий стальной забор, за которым располагалось красивое, хоть и небольшое, всего-то в один этаж, здание, утопающее в зелени. В центре внутреннего дворика, напоминающего разросшиеся джунгли, журчал небольшой фонтанчик, сложенный из белого мрамора, и, кажется, я даже слышал тихое щебетание каких-то птичек в ветвях деревьев.

Даже представить себе страшно, сколько денег и времени было потрачено на то, чтобы в этой безжизненной пустыне организовать подобный райский уголок. Ни один особняк даже самого знатного и древнего рода никогда не будет выглядеть так же вычурно и при этом монументально, как уголок живой зеленой природы в самом сердце мертвой земли. Сюда можно приезжать лишь только для того, чтобы полюбоваться на это, даже внутрь можно не заходить.

Но, судя по тому, что никаких машин или иных транспортных средств, кроме нашего автобуса, здесь не было, никто не стремился сюда приехать для того, чтобы подивиться на чудо из чудес. Возможно, все уже надивились, а, возможно, за все время существования этого места оно стало настолько привычным, что никому уже не интересно, что у него снаружи. Интересно лишь то, что внутри, а это удовольствие доступно далеко не всем.

Старый хозяин этого тела, наверное, и подумать не смел о том, чтобы попасть сюда. Новый хозяин, впрочем, тоже не размышлял о таких материях. Но у нового хотя бы есть оправдание — он банально не знал до поры до времени о существовании этого места.

Мы с Ванессой подошли к кованым воротам, изогнутые линии которых явно изображали какую-то картину, но рассмотреть ее я не успел — ворота запищали и распахнулись, приглашая нас внутрь. Мы прошли по зеленому дворику (я не отказал себе в удовольствии медленно и с наслаждением втянуть свежий прохладный воздух, по которому успел соскучиться всего лишь за минуту, проведенную в этой раскаленной пустыне) и оказались перед стеклянными дверями, которые при нашем приближении разъехались в стороны.

Войдя внутрь, мы оказались в небольшом фойе, в котором вокруг низкого кофейного столика, держащего на себе бутылку минералки и несколько стаканов, стояло три глубоких мягких кресла. На стене висел телевизор, а вдоль дальней стены тянулась недлинная стойка из полированного дерева по пояс высотой — вот и все убранство этого заведения. Хотя нет, сбоку от стойки я увидел еще дверь, ведущую куда-то во внутренние помещения.

За стойкой стояла миловидная кареглазая брюнетка с длинными волосами, одетая в белый костюм с черным галстуком, приколотым красной брошкой в форме розы. Не знаю, это такая форма здесь или ее личная одежда, но ей очень идет.

— Добрый день. — Она лучезарно улыбнулась нам. — Представьтесь, пожалуйста.

— Ванесса Тюудор, — вздернув носик по привычке, произнесла Ванесса.

Я представился тоже, но попроще и повежливее.

— Приветствуем вас в Гремучих Варах, — не убирая с лица улыбку, продолжила женщина. — Ваша бронь подтверждена. Горячий источник практически готов к вашему посещению. Вы можете пока что пройти в раздевалку и раздеться там, к тому моменту, как вы закончите, все будет готово окончательно. Желаем вам приятного времяпровождения.

— Спасибо, — от души поблагодарил я женщину, получил в свой адрес еще одну улыбку, на сей раз уже не дежурную, а вполне себе искреннюю, и, следуя ее жесту, прошел в ту самую единственную дверь, что вела куда-то во внутренние помещения.

Собственно, вела она в короткий коридор, который в конце делился на два ответвления, что упирались еще в две двери с красноречивыми символами мужчины и женщины.

— Мальчики налево, девочки направо, — непонятно зачем, констатировала Ванесса. — Увидимся внизу!

И она упорхнула за свою дверь даже раньше, чем я успел сообразить спросить, что значит «увидимся внизу».

Ладно, разберемся.

Я толкнул дверь и вошел в раздевалку. Она была крохотной и явно не предполагалась для большого количества людей — здесь поместились бы максимум трое. Собственно, и шкафчиков здесь было всего три, и один из них был открыт, и в нем лежало несколько одинаково свернутых, но разного размера, полотенец.

А еще на дверцах шкафчиков были наклеены одинаковые наклейки с одним и тем же текстом: «Уважаемые гости, обязательно снимайте всю свою одежду и абсолютно все украшения. Напоминаем вам, что в секции горячих источников температура может достигать такого уровня, что от металлического украшения останется ожоговый след, а синтетическая ткань может оплавиться. Будьте аккуратны!»

Я прочитал это предупреждение, пожал плечами и принялся раздеваться. Украшений у меня все равно никаких нет, а что до одежды... Ну, разденусь, не страшно, тем более тут вон полотенце лежит столько, что можно завернуться в них целиком.

Одно из них я в итоге повязал вокруг бедер, а что делать с остальными не придумал и

просто взял с собой на случай, если вдруг окажется, что там не на чем сидеть — хоть под задницу подложу.

Заодно выяснил, что имела в виду Ванесса под «внизу» — раздевалка оказалась сквозной и имела еще одну дверь, за которой обнаружилась уходящая глубоко вниз лестница. Спускаясь по ней, я насчитал не меньше пятидесяти ступенек и, по ощущениям, спустился на уровень этажа так минус третьего, не меньше.

А потом я толкнул вторую дверь и в лицо мне дыхнула атмосфера самого ада, царицей которого сегодня выступает несравненная Ванесса...

Я думал, что закашляюсь от такого жаркого воздуха, но он оказался вовсе не сухим, и не обжигал гортань, и дышать получалось на удивление хорошо.

Но пришлось несколько секунд постоять, привыкая к жару, и лишь потом шагнуть внутрь. Я оказался в небольшой пещере, образованной внутри горы. Возле одной из стенок располагался бассейн с парящей водой, обложенный по периметру крупными камнями, возле других стен стояли деревянные лавочки. Напротив того места, где я вошел внутрь, был еще один проход куда-то дальше, а рядом с моей дверью находилась еще одна — видимо, ведущая из женской раздевалки.

Но Ванессы пока еще не было.

Что ж, женщинам привычно опаздывать, это раз... И к тому же она предупредила, что это я буду ее ждать — это два.

Из любопытства я подошел и осторожно сунул палец в бассейн. Вода была горячая, настолько, что почти обжигала. Лично я никогда не был фанатом очень горячих купаний, но знал много тех, кто предпочитал именно такую воду, и из ванны вылезал красный, как помидор. Собственно, какими еще быть горячим источникам, если не горячими?

За спиной раздался легкий стук о косяк закрывающейся двери, я обернулся.

И у меня второй раз за последнюю минуту перехватило дыхание, но уже не от горячего воздуха, а от вида Ванессы... Хотя я и думал, что готов к нему.

Здесьние полотенца не отличались особой длиной — то, что было накручено на мой пояс, едва спускалось ниже колен, и это было самое длинное из всей стопки.

Судя по всему, в раздевалке девочек была та же самая история, поскольку полотенце Ванессы было точно такого же размера. И, вследствие того, что повязала она его, конечно же, на груди, а не на поясе, нижний его край едва-едва доставал до середины бедер. Словно ультракороткое то ли коктейльное, то ли клубное платье, с провоцирующим узелком в районе груди.

Интересно, она вообще задумывалась о том, что можно обернуться в два полотенца, повязав одно, что поменьше, на грудь, а второе — на бедра? Уверен, что да.

— Скучал? — спросила Ванесса, подойдя вплотную.

— Ужасно, — в тон ответил я. — Уже думал топиться от скуки, видишь, возле воды сижу.

— Ну, это плохая идея топиться там. — Ванесса осторожно опустила палец ноги в воду и тут же ее отдернула. — Сваришься быстрее, чем утопишься.

— Ну так а ты думаешь, почему я еще не утопился? Только это и останавливает. Я так понимаю, ты лезть в эту воду тоже не собираешься?

— Нет, спасибо. — Ванесса поежилась, словно тут было не горячо, как в аду, а холодно. — Я хочу еще пожить человеком, а не превратиться в вареного лобстера.

— Тогда как будем возвращать мою магию?

— Так вода для этого не нужна. — Ванесса подняла руку и обвела ею вокруг себя. — Здешняя магия она не только в воде, она везде. Вокруг. Не обязательно лезть в кипяток, чтобы почувствовать связь с ней.

— И что, ты прямо чувствуешь?

— Что-то точно чувствую, — на мгновение задумавшись, ответила Ванесса. — Хотя,

возможно, это самовнушение, но мне кажется, что чувствую.

— А я вот ни хрена не чувствую. — Я пожал плечами и поднялся с корточек. — Так что давай что-то делать.

— Есть идеи?

— Ну для начала давай снова попробуем мановое донорство. — Я опять пожал плечами, ощущая странное волнение. — Может быть, это даст нам какие-то новые идеи. А то, может быть, на этом все и закончится.

— Хорошо, — согласилась Ванесса и отошла к деревянным скамейкам, стоящим вдоль стен. — Садись.

Прихватив с собой одно из полотенец и бросив его на лавку (пусть она деревянная, но испытывать судьбу не хотелось) я сел. Ванесса села напротив, но не на свое полотенце, а на мое. Места на нем было не то чтобы много, поэтому мне пришлось потесниться, но все равно она оказалась практически вплотную, так, что мы соприкасались плечами.

Баронесса протянула мне руки, и я взял их в свои ладони.

— Ну... — выдохнула Ванесса и закрыла глаза. — Начнем.

Я закрывать глаза не стал, даже наоборот — я изо всех сил вглядывался в наши сцепленные ладони, надеясь увидеть, как хотя бы искра маны, перескочившая с рук Ванессы на мои, впитается в кожу, и я это почувствую.

Но нет — все было тщетно.

Как и тогда в библиотеке, никакого положительного результата не было. При этом я отчетливо видел, что мановые потоки Ванессы действительно входят в резонанс со здешним магическим фоном, они становятся отчетливее, плотнее, быстрее...

То есть, рассказы о месте силы, которое дополнительно питает магию человека — не сказки, а вполне себе факт. Это действительно происходит... Только вот для меня этого ровным счетом ничего не значит, поскольку мана как не воспринималась моим организмом, так и не воспринимается до сих пор.

Мы просидели так секунд тридцать, после чего Ванесса открыла глаза и посмотрела на меня:

— Ну как? Чувствуешь что-нибудь?

— Жарко, — честно признался я.

— Дурак. — Ванесса выпятила нижнюю губу. — Я же про магию.

— Ни хрена. — Я вздохнул. — Не работает этот метод. Надо что-то другое пробовать.

— Погоди. — Ванесса нахмурилась. — А ты глаза закрывал вообще?

— Нет. — Я удивился такому странному вопросу. — А зачем?

— Ну даешь, — фыркнула баронесса. — Обязательно надо закрывать глаза, чтобы отсечь поток визуальной информации.

— Зачем? — все никак не мог понять я.

— На глаза приходится до восьмидесяти процентов поступающей в мозг информации, — назидательно произнесла Ванесса, прямо как преподаватель какой-то. — Если ее убрать, то остальные органы чувств будут работать лучше. Возможно, это так же поможет тебе лучше чувствовать ману.

— «Возможно»? — я усмехнулся. — На ходу придумала?

— Да, — просто призналась Ванесса. — Ну а что? Мы же это не пробовали. Вдруг поможет?

— Ладно. Попробуем. Все попробуем.

— Тогда закрывай глаза.

Идея, конечно, не выдерживала никакой критики, но мысль о том, что можно лишиться другого человека магии не выдерживала никакой критики тоже — до тех пор, пока я на собственной шкуре это не испытал.

Так что стоит пробовать самые дурацкие идеи, потому что какая-то из них может оказаться рабочей.

Я закрыл глаза и сосредоточился на остальных органах чувств. Это было несложно — я хорошо умел это делать. Мне доводилось сражаться в крошечной темноте, опираясь лишь на слух и осязание, в зонах мертвого эха, где не существует ни единого звука, и даже там, где любой предмет на ощупь будет казаться одним и тем же — скользким мягким протухшим бананом. Так что мне было не привыкать.

— Чувствуешь? — тихо и с придыханием спросила Ванесса.

Сосредоточив разум на других органах чувств, я почувствовал многое из того, что до этого момента отходило на второй план.

Еле слышное бульканье пузырей, лопающихся в бассейне с горячей водой, шелковистость кожи рук Ванессы, что я держал в своих пальцах... ее горячее дыхание, коснувшееся моего лица — даже более горячее, чем окружающий воздух...

Ее ноги, внезапно оказавшиеся поверх моих, так, что она практически оседлала меня...

Я открыл глаза.

Ванесса была до неприличия близко — настолько, что ближе было уже некуда. Ее нос практически касался моего, ее грудь практически прижималась к моей, и узелок полотенца держался на честном слове. Он явно проигрывал в схватке с тяжелым дыханием баронессы, и с каждым вдохом распускался все сильнее. Но она этого не видела, поскольку ее глаза были закрыты тоже.

— Чувствуешь? — выдохнула она, так и оставив губы чуть приоткрытыми.

А, собственно, какого дьявола...

Она — красивая молодая девушка, которая уже много дней оказывает мне знаки внимания, а сейчас и вовсе — домогается буквально в открытую.

Может, хватит это игнорировать?

Да, раньше у меня первостепенной целью стояло вернуть себе магию и я тратил на это все возможное время, но сейчас... Сейчас у меня этого времени полно. Не грех и часть его потратить на то, что нам обоим принесет удовольствие. Я же мужчина, в конце концов, а в этом теле — еще и молодой энергичный мужчина.

Мой взгляд упал на её приоткрытые губы.

Девушка замерла, ожидая ответа на свой вопрос: чувствую ли я что-нибудь. И я чувствовал, только не совсем то, что планировал, когда сюда отправлялся. Моё молодое тело среагировало вполне определённо.

Ещё пару секунд я себя останавливал, но борьба с собой длилась недолго.

Я отпустил ладони Ванессы. Моя рука медленно поднялась, большой палец нежно коснулся нижней губы девушки. Она так и не открыла глаз и не отстранилась, но её дыхание замерло на вдохе.

Я слегка обхватил её подбородок пальцами и приблизил лицо.

Мои губы коснулись губ Ванессы. Она застыла на мгновение, а потом с готовностью ответила на поцелуй.

Поначалу нежный и даже целомудренный, он становился всё глубже и жаднее.

Девушка теснее прижалась ко мне грудью и, кажется, забыла, что вообще-то мы должны скромно сидеть и держаться за руки, чтобы вернуть мне магию, а не делать то, что мы сейчас делаем.

Я потянул баронессу на себя. Она привстала и легко оседлала меня, усевшись сверху.

— Это тоже входит в твои эксперименты, Марк Грауберг? — прошептала Ванесса, пристально глядя мне в глаза.

— Считай, что это один из самых опасных экспериментов.

Я обхватил её за ягодицы, едва прикрытые полотенцем, и придвинул к себе теснее. Так тесно, что она сразу ощутила, насколько опасен наш эксперимент, к которому мы даже не готовились.

— Марк... только не думай, что это что-то значит... — выдохнула девушка.

— Само собой...

Её тёплые ладони легли мне на плечи, розовый ноготок провёл по моей прогретой коже, будто нож по маслу. Всё здесь было горячим и, казалось, нагревалось ещё больше. Воздух раскалялся, бассейн испускал пар, пахло травами и благовониями.

Наш второй поцелуй был ещё горячее первого. Никаких сомнений не осталось: Ванесса хотела того же не меньше меня и давала это понять.

Я поддел пальцем слабый узел на её полотенце. Этого хватило, чтобы оно легко соскользнуло с голого тела.

Ванесса не стеснялась своей наготы. Она ею гордилась.

А там было чем гордиться.

Высокая грудь, тонкая талия, гладкая кожа с аристократической белизной — всё это будто шептало: «Посмотри, как я роскошна и недоступна!». Хотя именно сейчас вся эта красота млела в моих руках.

Я провёл пальцем по её коже, слегка касаясь шеи, затем — ключицы, всё ниже и ниже, пока не добрался до груди. Ладонь нежно стиснула упругую округлость, и Ванесса закусила губу от удовольствия и нетерпения.

Её рыжие волосы, ставшие влажными от пара, будто стали ещё ярче. Роковая баронесса Тюудор буквально таяла в моих руках, прижималась ко мне горячей кожей, сжимала пальцами мои плечи, оставляя на них жаркий след прикосновения, а я всё продолжал её ласкать.

Горячие источники стали для нас по-настоящему горячими.

Проворные пальцы девушки нетерпеливо стянули с моих бедер полотенце, и после очередного жадного поцелуя Ванесса томно выдохнула мне в плечо, а потом и вовсе застонала в такт моим движениям.

Её бесконтрольная магия появилась неожиданно, и кажется, даже сама Ванесса не поняла, что она её сейчас использует.

Как всегда, бесконтрольно и с убийственной мощью.

Потоки маны разного цвета сплетались и расплетались вокруг неё. То чёрного, то красного, то зелёного, то фиолетового цвета... Они объединялись с энергией, которая была тут повсюду — всё же это была уникальная магическая местность.

Тем временем Ванесса утопала в блаженстве, запрокидывала голову и шептала: «Только это... ничего... не значит... не значит...».

Ещё как значит! — кричал весь её блаженный вид.

Не знаю, сколько прошло времени — я перестал анализировать всё остальное, кроме

одного — того, что происходило с девушкой и её магией. Это зрелище завораживало. Хаотичное и опасное движение маны, которое может легко убить любого. Мана росла и будто поглощала всё вокруг. А ещё мой слух уловил, что бассейн с горячей водой едва слышно закипел, а лампы в пещере щёлкнули и начали гаснуть, погружая нас во мрак...

Когда Ванесса не сдержала стоны в экстазе и до боли стиснула мне плечи, её магия будто взорвалась разноцветными искрами. Кажется, затрещала одна из стен пещеры... или показалось?.. Но пара лампад точно не выдержали такого напора магии вокруг. Треск эхом отозвался в гулком потолке.

Ванесса ничего не заметила — она была слишком занята ощущениями блаженства и ещё какое-то время не могла прийти в себя.

Она томно выдохнула, прикрыла глаза и что-то неразборчиво прошептала, а потом снова поцеловала меня. Уже не жадно, а нежно.

— Только это ничего не значит, — шепнула она мне на ухо. — Понял?

— Само собой, — повторил я с улыбкой.

Но внезапно что-то почувствовал.

Что-то толкнулось в моем теле, словно у меня появилось второе сердце, которое пыталось биться в унисон с первым, но было ещё слишком слабым и не успевало за его ритмом. И вообще ни за каким ритмом не успевало — только хаотично, с большими промежутками между ударами, пыталось биться, прокачивая не по артериям и венам, но по мановодам и не кровь, но... ману.

Не веря в произошедшее, я сосредоточился на ощущениях, снова закрыв глаза и — да! — действительно ощутил, как по мановодам пробежала слабая пульсация!

Едва заметная, практически неощутимая, словно маны во мне было кот наплакал... Но она была!

Магия ко мне вернулась!

И пусть прямо сейчас я не представлял из себя и сотой части того, кем являлся в предыдущем мире, в предыдущей жизни, это ничего. Это придет. Если не придет, то я приду к этому сам. Один раз уже пришел, приду и еще раз. Главное — на моей магии не поставлен крест, моя магия со мной. А значит — все будет по-моему. Как было всегда.

— Эй... — неуверенно позвала меня Ванесса. — Ты в порядке?

Я открыл глаза и улыбнулся, оглядывая ее обнаженное тело и нисколько этого не стесняясь:

— Ты даже не представляешь, насколько. Я бы даже сказал, что я в идеальном порядке.

И я снова закрыл рот баронессы поцелуем, отсекая ненужные вопросы.

— Как я понимаю, магия к тебе вернулась? — спросила Ванесса, когда мы наконец оторвались друг от друга, но не потому, что больше не хотелось, а потому, что уже сил не оставалось — слишком жарко.

— Да, — не без удовольствия сказал я. — Я ее снова чувствую.

— И как оно?

— Как... — Я пошевелил пальцами. — Как будто отлежал себе руку до полной потери чувствительности, а потом она вернулась. Вот примерно что-то такое.

— Да ты философ, — усмехнулась Ванесса.

— Говорю, что думаю. — Я пожал плечами. — А сейчас я думаю, что мне надоело сидеть в этой жаре и надо отсюда выбираться.

— Там есть прохладный зал. — Ванесса кивнула в сторону прохода в соседнюю

пещеру. — Не можем же мы уйти, не посмотрев все источники?

Тут она была права — не можем.

Поэтому мы переместились в прохладный зал, в котором было не то чтобы сильно прохладно, но хотя бы не адово жарко, и даже искупались в местном бассейне с холодной водой.

В общей сложности, мы провели в подземных пещерах часа три, не меньше и выползли оттуда лишь тогда, когда от жары, прохлады и их постоянного чередования, конечности превратились в кисель и начали отказываться слушаться.

Зато стоило подняться в раздевалку и переодеться, как тонус вернулся в организм и наполнил мышцы тройным запасом сил, словно и правда какая-то оздоравливающая магия подействовала.

Жаль только, что она не подействовала на мое мановое тело — по мановодам как струились жалкие тонкие ниточки маны, так и продолжали струиться.

Какие там потоки, реки прошлой жизни? Даже близко нет. Но это ничего. Это поправимо.

Я переоделся и вышел в фойе, прохлада которого после жара горячих источников показалась буквально-таки промозглым холодом. Я с удовольствием вдохнул прохладный кондиционированный воздух и потянулся.

— Чай, кофе? — учтиво спросила администратор за стойкой.

— Нет, спасибо. — Я улыбнулся. — Не нуждаюсь.

— Если что, я здесь и готова вам помочь. — Она тоже мне улыбнулась и поправила свою брошку на галстук.

Я сел в кресло и, ожидая Ванессу, принялся глядеть в окно, на цветущий зеленый сад, окружающий комплекс снаружи. Через густые сплетенные ветви, если постараться, можно было увидеть окружающую мертвую пустыню и даже частично — автобус, на котором мы приехали.

Так, стоп, а это еще что такое?

Что за черные силуэты мелькают рядом с ним? Черные силуэты... Это не к добру.

Бросив быстрый взгляд на дверь, ведущую в раздевалки, и убедившись, что Ванессы пока еще нет, я встал с кресла и в два шага преодолел расстояние до входных дверей. Даже раньше, чем они успели полностью разойтись в стороны, я протиснулся в узкую щель между стеклянными створками, и вскрыл пространство ножом, сгустившимся в моей руке.

Холод изнанки накинута на меня, но после прохлады фойе, особенно контрастной по сравнению с температурой в пещерах, я этого почти не заметил. Поэтому быстрым шагом, почти бегом, преодолел двадцать метров по застывшему в серой паутине изнанки саду, и подошел к воротам, которые, конечно же, никто для меня сейчас не открыл, но которые, в случае необходимости, я смогу просто срезать с петель клинком.

Только сначала я хотел просто посмотреть через кованые прутья — вдруг там и торопиться незачем? Вдруг мне просто показалось?

Конечно же, не показалось.

Возле нашего автобуса действительно вилась пятерка черных неявных силуэтов, облаченных словно бы в одеяния из черного дыма. Точно такие же, какие я видел тогда возле магазина, у которого познакомился с Виктором Тюудор.

И, раз тогда это были троттлисты, то логично предположить, что и сейчас это тоже они. Но это неважно.

Важно было совсем другое.

То, чего я не мог видеть тогда, поскольку моя магия не слушалась меня, но что могу увидеть теперь, когда по моим мановодам снова струится мана. Тогда я мог видеть лишь потоки активной, струящейся маны, но не завершённые статичные, замкнутые сами на себя плетения, которые стали доступны мне сейчас. И самое главное — печати этих плетений, которые закрывают выходы потоков. Печати, которые у каждого мага уникальны.

И на этих сотканных из магического дыма доспехах стояла очень хорошо знакомая мне печать. Печать того, кто должен был остаться в том мире, из которого я прибыл.

Печать того, кого я уничтожил вместе с моим прошлым миром.

Думал, что уничтожил...

На этом первый том заканчивается.

Больше книг на сайте - Knigoed.net